

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

На правах рукописи

ШЕДА-ЗОРИНА Ирина Михайловна

УДМУРТСКАЯ ДИАСПОРА В СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ
РАЗЛИЧНОГО ТИПА
(на примере удмуртов Пермской и Кировской областей, Республик
Башкортостан, Татарстан и Марий Эл)

Специальность 07.00.07 – этнография,
этнология, антропология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук,
профессор Г. А. Никитина

Ижевск – 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические аспекты «диаспорной проблемы»	
1.1. Концептуальные подходы	24
1.2. Феномен внутренней удмуртской диаспоры: теоретическое обоснование	39
Глава 2. Формирование этнотерриториальных групп удмуртов, их этнодемографические параметры	
2.1. Основные этапы и пути формирования нижнечепецкой, завятской и закамской групп удмуртов.....	49
2.2. Этнодемографические параметры диаспорных групп удмуртов на рубеже XX–XXI вв.....	82
Глава 3. Этнотерриториальные группы удмуртов в постсоветский период	
3.1. Этноэкономическая характеристика «удмуртских» сельскохозяйственных предприятий, социокультурные аспекты жизнедеятельности.....	113
3.2. Политико-гражданская и этническая ориентация.....	138
3.3. Этнокультурная и языковая ситуация.....	149
Заключение	186
Список источников и литературы	196

Введение

Актуальность исследования. Происходящие на рубеже XX–XXI вв. радикальные экономические, политические, демографические, экологические, социокультурные изменения, во всем мире сопровождаются массовыми перемещениями населения, которые становятся глобальными по своим масштабам. Перекройка современной политической карты мира в связи с распадом одних и образованием других государств, вынужденные или добровольные миграции людей с традиционных мест расселения приводят к новым этнотерриториальным размежеваниям. Усиление этнической напряженности в обществе и увеличение очагов этнических конфликтов свидетельствует об усложнении проблем в сфере межнациональных отношений и необходимости поиска путей их решения. В данном контексте особую значимость приобретает явление диаспоры, все больше привлекающее исследовательский интерес ученых.

Для постсоветской России тема диаспор относится к одной из самых злободневных. После распада СССР, вследствие создания независимых национальных государств, за одну беловежскую ночь более 25 млн. русскоязычных людей оказались за рубежами России на положении диаспоры. В это же время из стран бывшего Союза в Россию устремились массовые миграционные потоки нерусского населения, вызвавшие значительные перемены в ее этнодемографической, социально-экономической и этнокультурной жизни. Сложившаяся ситуация придавала явлению диаспоры, до этого традиционно воспринимавшейся как культурологический феномен, новую значимость и новое звучание. Особую остроту получили правовые и социальные аспекты этой темы, устойчиво занявшие место в межгосударственных и межрегиональных отношениях.

Целое проблемное поле открылось и для ученых. Стало очевидно, что решение достаточно сложных и болезненных как для мигрантов, так и принимающего общества вопросов адаптации и укоренения переселенцев в

новой социокультурной среде во многом зависит от объективной оценки и определения характера происходящих социальных явлений, что, в свою очередь, подразумевает их постоянный анализ и мониторинг.

Урало-Поволжье является одним из самых полиэтничных российских регионов. Многовековое соседство расселенных здесь народов научило их толерантности в межнациональных отношениях. Однако быстрота, с которой в настоящее время происходят изменения этнической структуры общества, и здесь формирует отрицательное психологическое восприятие мигрантов со стороны доминирующего окружения. Об этом свидетельствуют и результаты социологических исследований, проведенных в 2006 г. в Приволжском федеральном округе¹.

Для удмуртского этноса диаспорный вопрос является актуальным – почти третья часть народа проживает за пределами Удмуртии, в том числе в сопредельных с УР субъектах РФ. К сожалению, особенности национально-культурного развития расселенных вне титульной республики групп удмуртского населения в советское время на официальном уровне почти никогда специально не учитывались. Диаспора практически не воспринималась руководителями республики как многогранное явление и органическая часть национальной истории и культуры, как заслуживающий внимания важный аспект национальной политики.

Между тем, диаспора всегда остро нуждалась во внимании к своим специфическим интересам в сфере культуры, печати, школьного образования, в вопросах кадровой политики и форм представительства в органах управления на местах. Мобилизация этничности на постсоветском российском пространстве, интенсификация миграционного движения населения, принятие особых конституционно-правовых норм в республиках после провозглашения суверенитетов поставили на повестку дня вопросы, связанные с участием во

¹ См.: Амелин В. В. Межэтнические отношения в регионах Приволжского федерального округа / В. В. Амелин // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 43.

власти, знанием языка титульного народа как условия доступа к некоторым важным видам профессиональной деятельности, что самым непосредственным образом отражается на диаспоре, самочувствии ее представителей.

Разработка практических программ по оказанию помощи диаспоре требует глубокого знания реалий межнациональных отношений в местах ее проживания. Таким образом, сложный комплекс диаспорных проблем приобретает сегодня политико-государственную значимость, так как исторические судьбы этнотерриториальных групп удмуртов во многом зависят от политических шагов, осуществляемых титульной республикой. Особую остроту получают правовые и социальные аспекты этой темы, устойчиво занявшие заметное место в межгосударственных и межрегиональных отношениях.

Комплексная информация об интенсивности внутриэтнических связей диаспоры важна для выяснения эффективности национально-культурной автономии (НКА) как механизма, гарантирующего возрождение, сохранение и самобытное развитие этносов и этнических групп, языков и национальных культур, а также сохранения в составе Российской Федерации такого типа государственности как республика как одного из наиболее оптимальных типов федеративного устройства России.

Как бы малы или малочисленны не были локальные группы удмуртской диаспоры, она, бесспорно, оказывает влияние на «материнский» этнос. Ее влияние находит отражение в культурных процессах, развитии науки, образования, общественной жизни Удмуртской Республики. Исследование компенсаторских возможностей конкретных локальных групп в общеудмуртских этнодемографических, этносоциальных и этнокультурных процессах представляет большой интерес, может дать ценную информацию, использование которой возможно во многих сферах общественно-политической, культурно-массовой, научно-просветительской деятельности.

Актуализация государственно-политических аспектов «диаспорного вопроса» не снимает с повестки дня значимость и необходимость культурологического изучения диаспоры, что важно не только в научно-познавательном плане. Подобного рода исследования несут в себе мощный воспитательный заряд, ибо способствуют сохранению и развитию общеэтнической национальной культуры с ее локально-историческими вариантами, вскрывают глубинные корни национальной психологии и морали, этнических ценностей и установок, представлений о Родине, национальной гордости и чести, а также патриотических и интернационалистских представлений. В целом важны научные и прикладные аспекты изучения удмуртской диаспоры, так как они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Для правильного определения приоритетов при проведении государственной политики по отношению к диаспоре, выработки реалистичных и обоснованных решений в этой сфере важно иметь как можно более полную и конкретную информацию об удмуртском населении регионов Российской Федерации. Необходимо ликвидировать дефицит знаний о процессах, происходящих в последние десятилетия в различных областях жизнедеятельности удмуртской диаспоры.

Объектом диссертационного исследования являются удмурты Куединского района Пермской области, Татышлинского и Янаульского – Республики Башкортостан, Балтасинского и Кукморского – Республики Татарстан, Мари-Турекского – Республики Марий Эл, Слободского и Унинского – Кировской области, представляющие одни из наиболее многочисленных диаспорных групп.

Предмет исследования – этнодемографические, социально-экономические, этнокультурные и языковые процессы в этнотерриториальных группах удмуртов.

Хронологические рамки исследования охватывают последнее десятилетие XX – начало XXI в., что обусловлено актуальностью изучения

современного состояния удмуртской диаспоры, в недрах которой под влиянием коренных (структурных, системных) общероссийских преобразований произошли существенные перемены.

В необходимых случаях используется историко-ретроспективный анализ, позволяющий углубить знания об истоках и ходе формирования диаспорных групп, расширить представления о природе, причинах появления и сохранения тех или иных специфических (региональных, локальных) явлений, фактов и сопряженных с ними проблем.

В работе охватывается **территория** восьми муниципальных районов пяти ближайших к Удмуртской Республике субъектов Российской Федерации, в которых компактно проживают удмурты. Материалы по другим ареалам расселения удмуртов используются в основном в качестве сравнения и дополнения.

Степень изученности. Теория диаспоры в современных науках об обществе и человеке находится в стадии активной разработки, о чем свидетельствует оживленный обмен мнениями на страницах отечественных и зарубежных научных изданий, особенно широко развернувшийся с конца 80-х гг. XX века. Актуальностью общетеоретического осмысления феномена диаспоры было продиктовано и создание в 1999 г. в Москве журнала «Диаспоры».

В отечественной диаспорологии особое значение имеют труды В. А. Тишкова [2003], А. Ю. Милитарева [2005], Ю. И. Семенова [2000], Ж. Тощенко и Т. Чаптыковой [1996], С. А. Арутюнова [2000], А. Г. Вишневого [2000], В. И. Дятлова [2004], посвященные анализу теоретико-методологических аспектов диаспорного вопроса. Развернутый анализ теоретических истоков понимания транснациональных пространств и современных концепций диаспор, а также собственное осмысление этого явления предлагается в монографии доктора философии В. Д. Попкова «Феномен этнических диаспор» [2003].

В разработке теоретико-методологических основ исследуемой проблемы активное участие принимают зарубежные авторы, в работах которых излагаются различные подходы к раскрытию сути диаспоры. Труды Р. Коэна [Cohen, 1997], Х. Тололяна [Tölölyan, 1996], У. Сафрана [Safran, 1991], А. Ашкенази [Ashkenasi, 1993], Дж. Армстронга [Armstrong, 1976], М. Дабага и К. Платта [Dabag & Platt, 1993], Г. Шеффера [Sheffer, 1993], Р. Брубейкера [2005], С. Лаллукки [Лаллукка, 1997] и др. стали существенным подспорьем при выяснении места и роли этнотерриториальных групп удмуртов в истории формирования и развития удмуртского этноса в целом.

Относительно собственно удмуртской диаспоры необходимо отметить, что в дореволюционной этнографии она в принципе не могла выделяться как предмет самостоятельного изучения. Национально-государственное образование удмуртского народа было создано лишь в 20-е гг. XX в., и поэтому до этого времени история и этнография удмуртов привлекала внимание исследователей лишь как часть истории народов, заселявших Волго-Вятский регион.

К числу первых исследователей, сообщивших научные сведения об удмуртах, относится Ф. И. Страленберг, принимавший участие в сибирской экспедиции 1720–1727 гг.² Он описал территорию расселения удмуртов, их антропологические признаки. Заметный вклад в изучение удмуртов внесли участники знаменитых академических экспедиций XVIII в.: И. Г. Георги, Г. Ф. Миллер, Н. П. Рычков, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. П. Фальк и другие, опубликовавшие в последней трети XVIII – начале XIX в. свои «дневные записки» и «описания». Это живые наблюдения современников, непосредственно общавшихся с представителями местного населения. Они уделяют большое внимание природно-климатическим условиям края, хозяйственным занятиям жителей, их численности, расселению, социальным

² Подробный историографический обзор по удмуртской этнографии см.: Владыкин В. Е. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией / В. Е. Владыкин, Л. С. Христолюбова. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 144 с.

отношениям, а также описывают любопытные детали быта, культуры, традиций народов.

Основоположником вятской историографии можно по праву назвать А. И. Вештомова, автора известной «Истории Вятчан» [1908], в которой он дал свою гипотезу происхождения удмуртов, проследил картину изменения их этнической территории по мере расширения русской колонизации края, проанализировал данные об их численности.

В 1838 г. в «Вятских губернских ведомостях» был издан небольшой очерк А. И. Герцена, отбывавшего в Вятке ссылку. В нем даны основные сведения о расселении удмуртов, их поселениях и жилище, о религии. К числу немногих работ первой половины XIX в. относится публикация А. А. Фукс о поездке к удмуртам Казанской губернии. Автор бегло пишет о верованиях, культе, обрядах, праздниках, языке. Свои исследования в области истории и языка удмуртов во время длительных экспедиций по России провели в 20–40-е гг. XIX в. финские ученые А. Й. Шёгрэн и М. А. Кастрен.³ Краткие зарисовки из жизни удмуртов д. Омсинской, расположенной близ г. Слободского, сохранились в путевом дневнике немца И. Ф. Эрдмана, побывавшего в Вятской губернии в 1816 г.

Во второй половине XIX – начале XX в. интерес к изучению удмуртов заметно оживился. Широкую планомерную деятельность по организации исследований всех народов страны, в том числе и удмуртов, развернуло отделение этнографии Русского географического общества, созданного в 1845 г. Центрами изучения народностей Поволжья стали Петербург, Москва, Казань, Вятка. На страницах местной печати здесь были опубликованы статьи и заметки М. Блинова, С. Осокина, В. Шестакова, А. Спицына, посвященные различным сторонам жизни удмуртов. Огромное значение для этнографического изучения народов Поволжья имело образование в 1878 г.

³ О финских исследователях этнографии удмуртов см.: Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в.: Монография / А. Е. Загребин. – Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 199. – 185 с.

Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Корреспондентами Общества была местная интеллигенция – учителя, священники, земские служащие, которые хорошо знали свой край.

Из круга работ этого периода необходимо выделить исследование Д. Островского об удмуртах Казанской губернии [1873]. В своей монографии он рассматривает происхождение и расселение удмуртов, их христианизацию, быт, экономику, обращает внимание на то, что северные удмурты подвержены русскому влиянию, а южные – татарскому. Заслуживают внимания работы Б. Гаврилова. Знание удмуртского языка позволило ему собрать богатый материал по этнографии и фольклору. Интересные наблюдения над бытом, традициями, хозяйством, верованиями удмуртов содержатся в работах В. Кошурникова, В. М. Бехтерева, Н. Н. Харузина, Г. Н. Потанина и др.

В конце XIX в. научный интерес к удмуртам проявляли венгерские ученые. Так, в 1884 г. к удмуртам Мамадышского, Малмыжского, Глазовского и Бирского уездов приезжал лингвист Б. Мункачи, который записал большое количество текстов песен, сказок, заговоров, загадок, пословиц. Богатый фольклорно-этнографический материал Б. Мункачи также собрал среди военнопленных-удмуртов, попавших в венгерские лагеря во время первой мировой войны.

На рубеже XIX–XX вв. начался качественно новый этап исследовательской деятельности финских ученых в области удмуртоведения: в удмуртских селениях побывали этнографы А. О. Хейкель, У. Т. Сирелиус, А. Хямяляйнен и У. Хольмберг. Трижды приезжал к удмуртам финский ученый-лингвист Ю. Вихман. За время своей работы финны изучили обширный комплекс традиционной культуры удмуртов: от проблем народного зодчества до религиозных верований и мифологических представлений.

Ценные сведения обо всех сторонах жизни удмуртов содержатся в работах Г. Е. Верещагина, первого этнографа-удмурта. Его труды по широте охвата материала представляют собой своего рода энциклопедию

дореволюционной жизни удмуртского народа. Описанию удмуртских божеств, культов и празднеств удмуртов Глазовского уезда посвящены опубликованные в 1888–1890 гг. «Эскизы...» Н. Г. Первухина.

Одним из крупных дореволюционных поволжских этнографов является профессор Казанского университета И. Н. Смирнов. В своей монографии «Вотяки» [1890] он описывает этническую историю, географические и антропологические характеристики удмуртов, их хозяйство, религию. Этнографией удмуртов, историей их обычаев и мифологии много лет занимался педагог Н. Н. Блинов. Описанию обрядов, связанных с рождением и смертью человека, свадебных обрядов, верований удмуртов посвящены труды И. Васильева, С. К. Кузнецова, М. М. Хомякова.

Важное значение для изучения Вятского края и населявших его народов имело учреждение в 1904 г. Вятской ученой архивной комиссии, в работе которой активное участие принимали А. С. Верещагин, А. А. Спицын и П. Н. Луппов. На протяжении долгих лет своего творческого пути в разное время к удмуртскому материалу обращался Д. К. Зеленин.

Первые этнографические сведения о пермских удмуртах находим в «Хозяйственном описании Пермской губернии» Н. С. Попова [1804]. Удмуртов Большегондырской волости Пермской губернии в конце XIX в. посетил по долгу службы врач Н. И. Тезяков, посвятивший им несколько статей. В 1903 г. результаты наблюдений над праздниками и молениями большегондырских удмуртов обнародовал И. В. Яковлев.

В целом необходимо отметить, что внимание дореволюционных исследователей в основном было сосредоточено на религии удмуртов, их дохристианских верованиях, свадебных обрядах, при этом сообщаемые сведения носили преимущественно описательный характер.

В первое десятилетие после Октября 1917 г. научно-исследовательская работа по этнографии удмуртов проводилась через любительские научные и культурно-просветительные общества. В 1923 г. в Москве организовалось

общество «Бöляк». Результаты исследований членов общества частично опубликованы в сборнике «Вотяки» [1926], в который вошли статьи К. Герда об удмуртских песнях, пословицах, поговорках; статья М. Ильина о похоронных обрядах удмуртов Башкирии, М. Прокопьева – о сельском хозяйстве удмуртов Татарской республики.

Материалы по этнографии удмуртов печатались в «Трудах» Научного общества по изучению Вотского края в Ижевске. Авторы статей Г. Верещагин, М. Ильин, С. Ласточкин, С. Перевощиков, К. Герд писали о происхождении удмуртов, их свадебных обычаях и обрядах.

Из работ 20-х годов следует отметить труды М. Худякова и А. И. Емельянова. Огромную роль в деле изучения историко-этнографического изучения удмуртов сыграл П. Н. Луппов, исследовавший историю удмуртов XVII в., колонизацию бассейна р. Чепцы, процессы христианизации удмуртов.

Летом 1925 г. у карлыганских удмуртов работала этнографическая экспедиция Центрального музея народоведения под руководством известного фольклориста Б. М. Соколова. Экспедицией был собран материал, в том числе по духовной и материальной культуре удмуртов.

В 1930 г. в Удмуртии начала работать комплексная экспедиция Института народов Советского Востока. Ее этнографический отряд возглавляли М. О. Косвен и А. И. Пинт. Их материалы частично опубликованы в сборнике «На удмуртские темы».

В 1931 г. появилась статья известного исследователя народов Поволжья М. Т. Маркелова, в которой наряду с изменениями, происшедшими в жизни удмуртов после 1917 г., отмечались сохранившиеся еще к тому времени пережиточные явления прошлого.

После ряда экспедиций, предпринятых в 30-е годы к удмуртам центральными учреждениями, этнографическая работа в Удмуртии пошла на убыль, хотя отдельные публикации все же появлялись. В 1940 г. вышла статья Н. П. Гринковой о домашних промыслах удмуртов. Изучению удмуртского

костюмного комплекса посвящен ряд работ В. Н. Белицер – советского этнографа, специалиста по народам Поволжья.

Новый этап в этнографическом изучении удмуртского народа начался в 60-е годы. К этому времени выросло новое поколение удмуртских ученых, прошедших научную подготовку в Москве, Ленинграде, Казани.

С 1970 г. регулярные этнографические экспедиции организует Научно-исследовательский институт при Совете Министров УАССР (ныне Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, далее – УИИЯЛ УрО РАН), с 1972 г. – Удмуртский государственный университет (далее – УдГУ). Они проводят объединенные полевые исследования, иногда – совместно с Удмуртским республиканским краеведческим музеем (ныне – Национальный музей УР).

В этот же период начинается целенаправленное изучение локальных групп удмуртов Марийской, Татарской, Башкирской АССР, Кировской, Пермской и Свердловской областей. В 1974 г. под руководством В. Е. Владыкина впервые проведена экспедиция к удмуртам Сибири (Красноярский край и Томская область). Круг научных интересов, связанных с изучением диаспоры, значительно расширяется, появляются монографические труды по отдельным аспектам функционирования диаспорных групп удмуртов.

Вопросам истории и диалектологии удмуртов Татарстана были посвящены труды В. К. Кельмакова и И. В. Тараканова. Диалектные особенности языка удмуртов Закамья изучал Р. Ш. Насибуллин, фольклора – Е. К. Егоров.

Венгерские музыковеды Л. Викар и Г. Берецки предприняли исследование музыкальной культуры удмуртов Татарии, Башкирии и Марийской АССР. Результаты их полевых наблюдений нашли отражение в опубликованной в Венгрии антологии удмуртской песни [1969].

Описанию костюмного комплекса кировских удмуртов были посвящены работы Т. А. Крюковой [1973], К. Климова [1980], С. Х. Лебедевой

и М. Г. Атаманова [1980]. В 1973 г. издан альбом С. Н. Виноградова «Удмуртская одежда», в которой показана традиционная одежда удмуртов разных регионов.

Среди исследователей, внесших весомый вклад в изучение истории и современного состояния удмуртской диаспоры, достойное место занимает профессор В. Е. Владыкин. Он впервые организовал научные экспедиции практически ко всем группам удмуртов и обобщил итоги научных поисков в своих трудах [1993; 1994, 2003, 2005 и др.]. Получить целостное представление о процессах формирования удмуртских диаспорных групп, а также истории становления удмуртского национального образования помогают работы доктора исторических наук М. В. Гришкиной, построенные на основе анализа обширного архивного материала [1994; 1995; 2003 и др.]. Ценные сведения о древней истории удмуртского этноса можно почерпнуть из трудов археологов Р. Д. Голдиной [1987 и др.], М. Г. Ивановой [1994; 1995 и др.]. Вопросам образования государственности удмуртов, развития этноса в советские годы посвящены исследования профессора К. И. Куликова [1990; 2000 и др.], Н. П. Павлова [2000], Г. К. Шкляева [1998 и др.]. Фольклорное наследие удмуртской диаспоры нашло отражение в трудах известного ученого Т. Г. Владыкиной.

Исследованием истории Вятской Земли и взаимодействия русского и удмуртского народов на Вятке в эпоху средневековья занимается Л. Д. Макаров. Отдельные элементы традиционной духовной культуры удмуртов Башкирии изучаются И. М. Нуриевой, Т. Г. Миннихметовой. В 1994 г. в Уфе была опубликована небольшая брошюра Л. С. Христюковой и Т. Г. Миннихметовой «Удмурты Башкортостана (история, культура, современность)». В 2000 г. в г. Ижевске вышла в свет монография Т. Г. Миннихметовой «Календарные обряды закамских удмуртов», в которой автор обобщил результаты многолетних исследований и межлокального сравнительного анализа народного календаря и традиционной обрядности удмуртов, проживающих в северо-западных районах Республики Башкортостан

и Куединском районе Пермской области. Исследованию традиционной организации жизненного пространства (поселений и жилища) и его духовному осмыслению посвящена опубликованная в Уфе в 2001 г. монография Р. Р. Садикова. Примечательно, что удмуртские ученые Т. Г. Миннихметова и Р. Р. Садиков являются уроженцами Башкортостана. С недавних пор к изучению проблем, связанных с историей, этнографией и фольклорным наследием удмуртов Пермской области, подключились ученые Пермского государственного университета (ПГУ) и Областного краеведческого музея. Так, в 1995 г. в Перми в серии «Народы Прикамья» были опубликованы этнографические очерки А. В. Черных «Буйские удмурты». Особенности современного этнокультурного развития куединских удмуртов посвящены работы доктора исторических наук, профессора Пермского университета Г. Н. Чагина. Изучением музыкально-песенного фольклора завятских удмуртов, в том числе проживающих на территории Марий Эл, занимается И. М. Нуриева.

В контексте рассматриваемой темы особо значимую роль играет монография М. Г. Атаманова «От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов», в которой автор впервые в удмуртской историографии дает историко-лингвистическое описание всех регионов и отдельных районов, где шло формирование удмуртского народа – от самой северной точки удмуртской Ойкумены (д. Дондыкар Глазовского района Удмуртской Республики) до крайне южного населенного пункта, где компактно проживают удмурты (д. Урсыгурт Бавлинского района Татарстана) [2005]. Любопытный материал для размышлений над обширным кругом вопросов этногенеза и этнической истории удмуртов содержит также монография И. А. Косаревой «Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов» [2000].

Актуальность комплексного изучения современного состояния удмуртской диаспоры впервые обоснована доктором исторических наук Г. А. Никитиной [2002]. Некоторые аспекты жизнедеятельности этнотерриториальных групп удмуртов на рубеже XX–XXI вв. нашли отражение

в статьях Г. К. Шкляева, К. И. Куликова, И. Л. Поздеева, опубликованных в сборниках материалов научно-практических конференций и других изданиях (например, в информационно-методических сборниках Министерства национальной политики УР).

Важным явлением в историографии удмуртской диаспоры несомненно станет подготовленный к изданию в рамках крупномасштабного проекта «Феномен Удмуртии» восьмой том под названием «Удмуртская диаспора», посвященный удмуртам, расселенным вне титульной республики. Авторским коллективом известных этнологов, историков, лингвистов (М. Н. Губогло, В. Е. Владыкин, К. И. Куликов, Г. А. Никитина, Л. С. Христолюбова, И. В. Тараканов, М. Г. Атаманов и др.) впервые делается попытка представить панорамное изображение удмуртской диаспоры и ее связей с основным ядром удмуртского народа.

Основную **цель** своего диссертационного **исследования** автор видит в возможно полном и объективном анализе современного состояния удмуртской диаспоры в субъектах федерации различного типа.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие **задачи**:

- рассмотреть теоретико-методологический аспект проблемы диаспоры;
- определить этнодемографические параметры диаспорных групп удмуртов с учетом истории их формирования;
- выявить особенности современного состояния отдельных диаспорных групп.

Источниковая база. Основной источниковой базой исследования стали **полевые материалы автора** и его коллег – членов экспедиционного отряда (К. И. Куликов, Г. А. Никитина, Г. К. Шкляев, И. Л. Поздеев), участвовавших в реализации исследовательского проекта УИИЯЛ УрО РАН «Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа». В ходе экспедиций путем прямого интервьюирования и собеседования, анкетного опроса, извлечения

необходимых статистических и иных данных из оперативных материалов районных и сельских администраций, производственных предприятий, учреждений культуры (сельских клубов, библиотек, краеведческих музеев), образования (детских садов, школ), медицинского и социального обслуживания населения (больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, аптек, домов престарелых, детских домов) была собрана обширная информация об этнодемографическом потенциале этнотерриториальных групп удмуртов, их количественных и качественных параметрах, особенностях этнокультурных и этноязыковых процессов, протекающих в различных диаспорных сообществах, деятельности общественных и производственных объединений, нюансах эмоционально-психологического самочувствия и уровнях идентичности удмуртов, локализованных в субъектах федерации областного и республиканского типов.

Методом «экспертных оценок», использованным при беседах с руководителями, специалистами, общественными деятелями были получены данные оценочного характера, позволяющие судить о самоощущении диаспоры, восприятии процессов, протекающих в титульной республике и субъектах проживания, об ожиданиях и надеждах, связанных с прогнозами на среднесрочную перспективу относительно судеб диаспорных групп⁴.

Ценная информация о жизни удмуртской диаспоры содержится в материалах СМИ, прежде всего – в издаваемых в Удмуртии удмуртскоязычных газетах и журналах «Удмурт дунне», «Зечбур!», «Герд», «Кизили», «Инвожо», «Вордскем кыл», «Кенеш», «Ашальчи». Из них можно почерпнуть данные о связях ядра удмуртского этноса с диаспорой, межрегиональных, межведомственных контактах Удмуртии с соседними субъектами федерации.

Более подробные сведения о повседневной (хозяйственной, культурной, общественной) деятельности самой диаспоры, ее проблемах и успехах, конкретных фактах и событиях, происходящих во «внутренней» жизни,

⁴ Материалы, собранные экспедиционным отрядом, в том числе полевые материалы автора, хранятся в фондах научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН.

содержатся в печатных изданиях соседних регионов, например, в республиканской удмуртскоязычной газете «Ошмес» (Республика Башкортостан), или в удмуртскоязычном дубляже районной газеты «Азьлане» (Балтасинский район Республики Татарстан), в районной газете «Куединская правда» (Куединский район Пермской области).

Обширный и разнообразный материал об этнотерриториальных группах удмуртов накоплен в фондах ГТРК «Удмуртия». Гостелерадиокомпанией более шести лет транслировалась передача на удмуртском языке «Тупал удмуртъёс» (в 1997–2003 гг. – по радио, в 2003–2004 гг. – по телевидению), знакомящая население Удмуртии с жизнью удмуртов вне титульной республики (редактор – В. А. Тороков). В контексте данной работы целенаправленное прослушивание и просмотр названных передач были полезными для расширения общего представления о современной жизни диаспоры.

Достаточно познавательными в плане получения справочных и статистических данных о местах компактного проживания удмуртов являются рекламные буклеты и юбилейные издания, подготовленные районными муниципальными образованиями субъектов РФ.

Важное значение для актуализации и уточнения имеющихся сведений имела оперативная информация, получаемая автором в ходе практической деятельности в Министерстве национальной политики УР и Межрегиональной общественной организации «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш». Статистические и справочные материалы, нормативно-правовые документы (законы, постановления, распоряжения, региональные целевые программы и др.), предоставляемые министерствами, ведомствами, администрациями, удмуртскими общественными объединениями, как Удмуртии, так и других субъектов РФ, результаты экспертных оценок событий и фактов, связанных с удмуртской диаспорой, представляют существенную часть источниковой базы исследования.

При выявлении этнодемографических параметров удмуртских диаспорных групп активно использовались материалы переписей населения, прежде всего – 1989 и 2002 гг., а также информация, полученная от региональных, районных, поселенческих административных структур. Сравнительный анализ данных этой группы источников позволил выявить динамику этнодемографических процессов в межпереписной период, специфику их протекания в различных диаспорных группах.

С точки зрения исследования вопроса о развитии отношений удмуртской диаспоры с иноэтничным окружением интерес представляет литература, изданная в других субъектах федерации. Проблемам этнокультурного развития башкирского народа, к примеру, посвящена монография «Башкиры», подготовленная сотрудниками отдела этнографии и антропологии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН [Башкиры, 2002]. Вопросы духовно-нравственной культуры башкир и их взаимоотношений с соседними народами рассматриваются в книге доктора философских наук Д. Ж. Валеева [Валеев, 1989]. Материалы по этнополитической истории, демографии, антропологии и лингвистике, о быте, хозяйстве и духовной культуре татар представлены в монографии «Татары» [Татары, 2003]. Сведения об основных историко-этнографических параметрах народов Прикамья можно почерпнуть из книги пермских этнографов Г. Н. Чагина и А. В. Черных [Народы Прикамья, 2002]; различным аспектам жизнеобеспечения народов, проживающих в Пермской области, посвящен сборник «Этнические проблемы регионов России. Пермская область» [1998]. Об этногенезе, этнической истории, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре марийского народа повествуют историко-этнографические очерки «Марийцы» [Марийцы, 2005] и др.

В качестве вспомогательных источников использованы энциклопедические издания, опубликованные в соседних регионах, например, «Башкортостан: Краткая энциклопедия» [1996], «Татарский энциклопедический словарь»

[1998], «Энциклопедия Земли Вятской» [1994], а также энциклопедия «Удмуртская Республика» [2004] и др. Интерпретация происходивших в крае событий и фактов с точки зрения ученых разных регионов Урало-Поволжья представляет любопытный материал для размышлений о судьбах удмуртской диаспоры.

Методологические основы и методы исследования. В своей работе автор опирался на теоретико-методологические разработки ученых – представителей различных гуманитарных дисциплин, что обусловлено сложностью и многогранностью исследуемого явления. Помимо трудов зарубежных и отечественных этнологов, антропологов, историков, филологов, философов, упомянутых в историографии, автор опирался также на работы известных отечественных авторов в области политологии (Р. Г. Абдулатипов, В. Зорин), психологии (В. Ю. Хотинец, А. Н. Петров), культурологии (Н. Розенберг), педагогики (Г. Н. Васильева, В. М. Ившина). Основными принципами исследования явились историзм, объективность, системность, целостный подход, единство логического и исторического. Использовался сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить общее и особенное в различных диаспорных группах удмуртов, сравнить процесс формирования удмуртской диаспоры с типичными чертами образования мировых диаспор. Данный метод сочетался с наблюдением (в том числе – включенным), интервьюированием, анкетированием, экспертной оценкой. В работе также используются методы интерпретации источников.

Научная новизна исследования. Несмотря на значительный материал, собранный учеными о диаспорных группах удмуртов, актуальность комплексного исследования удмуртской диаспоры остается достаточно острой. Можно констатировать, что относительно изученными сферами жизни удмуртов, живущих за пределами Удмуртской Республики, являются религиозные верования и обряды, традиционная женская одежда, фольклор, отчасти диалектные особенности языка. В то же время современное состояние

удмуртской диаспоры, проблемы ее этносоциального и этнокультурного развития, эмоционально-психологического самочувствия в условиях российских социальных трансформаций еще не становились предметом специального научного интереса.

Таким образом, комплексное историко-этнографическое исследование особенностей развития и современного состояния отдельных этнотерриториальных групп удмуртской диаспоры проводится фактически впервые.

Научная и практическая значимость диссертации заключается в возможности использования материалов для дальнейших исследований в области этнической истории удмуртского народа, региональных и локальных традиций духовной и материальной культуры, особенностей современного развития удмуртских диаспорных групп; для выработки научно выверенной и обоснованной государственной национальной политики УР и других субъектов федерации Волго-Камского региона, разработки программ межправительственных и межведомственных соглашений, расширения и углубления взаимовыгодных и добрососедских отношений через каналы народной дипломатии, в первую очередь – через национально-культурные объединения.

Фактологический материал и теоретические выводы исследования могут стать основой научно-популярных изданий по отдельным диаспорным группам удмуртов, обобщающих монографий, учебных курсов по региональной истории и этнографии.

Выдвигаемые на защиту положения:

– компактно расселенные в субъектах РФ группы удмуртского населения являются внутренней удмуртской диаспорой;

– одним из главных факторов, повлиявших на формирование диаспорного сознания у оказавшихся в отрыве от «материнского» ядра локальных групп

удмуртов, является административно-территориальное размежевание этноса без учета исторически сложившихся границ его расселения;

– существенное сокращение численности удмуртской диаспоры в межпереписной период (1989–2002 гг.) вызвано, прежде всего, ассимиляционными процессами, более интенсивно протекавшими в субъектах федерации областного типа, нежели типа национальных республик;

– снижение темпов ассимиляции, лучшее владение родным языком, достаточно высокий уровень этнической идентификации среди диаспорных групп, расселенных в субъектах федерации республиканского типа, обеспечивается благодаря созданию здесь более благоприятных условий для этнокультурного развития удмуртов. Существенное влияние на сохранение этничности удмуртской диаспоры оказывает и пример активного нациестроительства титульных народов республик;

– в условиях социальных трансформаций последних лет выживанию диаспорных групп удмуртов, представляющих преимущественно сельское население и занятых в основном в аграрной сфере труда, способствует их приверженность традиционализму и выработанное веками трудолюбие;

– удмуртским диаспорным группам субъектов РФ свойственно ощущение эмоционально-психологического дискомфорта как следствия проживания на территории институционально закрепленного этнически «не своего» субъекта федерации, а также осознания «промежуточности» своего статуса;

– при современной, исторически сложившейся, форме федеративного устройства России наиболее полное удовлетворение этнокультурных запросов и потребностей удмуртского народа как этноса обеспечивается, прежде всего, в Удмуртии, а потому и позитивное этнокультурное развитие удмуртской диаспоры во многом зависит от политических шагов, осуществляемых титульной республикой. Но подобный сценарий может быть успешным только при условии всестороннего и конструктивного сотрудничества УР с руководством регионов с компактным проживанием удмуртов, взвешенной и

реалистичной политики в области межнациональных отношений со стороны федерального Центра и активности самой диаспоры.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 8 публикациях общим объемом более 2,5 п. л. и апробированы на республиканских, межрегиональных и международных конференциях и симпозиумах: «Состояние и перспективы развития сельскохозяйственных производственных кооперативов в России» (г. Ижевск, 2002), «Формирование и развитие удмуртской этничности в условиях полиэтничного региона: история и современность» (с. Большой Гондыр, Пермская область, 2002), «Государственная национальная политика в XX–XXI вв.: региональный аспект» (г. Пермь, 2003), «Россия в поисках национальной стратегии развития» (г. Екатеринбург, 2003), «Диаспоры Урало-Поволжья» (г. Ижевск, 2004), «Проблемы и перспективы функционирования родных языков» (г. Ижевск, 2005), «Экология, демография и здоровье финно-угорских народов» (г. Ижевск, 2006), «Этнография восточно-финских народов: история и современность» (г. Ижевск, 2006), «Сохранение национальных традиций: из прошлого в настоящее» (с. Светозарево, Кировская область, 2007), «Роль общественных организаций в становлении гражданского общества в России» (г. Ижевск, 2007).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты «диаспорной проблемы»

Глобальные перемены, происходящие в современном обществе, наполнили понятие «диаспора» новым содержанием. Область обозначаемых данным словом явлений, заметно расширилась, в связи с этим вкладываемый в него смысл, также значительно изменился. Между тем, четкого общепринятого определения термина до сих пор не существует, что вынуждает исследователей при описании и анализе сложных социальных процессов современности или выбирать приемлемую дефиницию, или пытаться не оперировать им вообще. Однако стремительная экспансия термина в повседневную жизнь, широкое использование без учета заложенных в нем исторических смыслов вызывает опасение потерять его эвристическое значение и ставит под вопрос применение в качестве научного [Милитарев, 2005: 8-17; Дятлов, 2004: 126-138]. Словом «диаспора» сегодня пытаются объединить все возможные процессы размежевания, его используют по отношению к любым группам мигрантов, по тем или иным причинам оказавшимся вне страны своего происхождения: этническим меньшинствам, беженцам, трудовым мигрантам и т. д. [См., например: Попков, 2003: 11; Тишков, 2003: 467–472; Дятлов, 2004: 126–138].

К настоящему времени обществоведами было предпринято сравнительно немного попыток теоретического анализа феномена диаспоры и выработки основных подходов и принципов его исследования. В данной работе не ставится задача развернутого анализа теории вопроса. Подходы к пониманию сути диаспоры здесь будут рассмотрены, прежде всего, с точки зрения правомочности оперирования этим термином по отношению к локальным группам удмуртов, проживающих за пределами Удмуртской Республики, на территории других субъектов Российской Федерации.

§ 1.1. Концептуальные подходы

Греческий термин “diaspora” образован от глагола “diaspeirein” (разбрасывать, рассеивать), первоначально обозначавшего естественный процесс рассеивания семян. Позднее в греческих текстах (Геродот, Софокл)

глагол “diaspeiro” стал использоваться в значении «рассеивать, разбивать (войско)» и «расточать (деньги)». В значении «рассеяние евреев среди язычников» существительное “diaspora” впервые засвидетельствовано в Септуагинте, греческом переводе еврейской Библии. Некоторое время спустя термин начал употребляться в основном по отношению к крупным еврейским общинам, которые были хорошо известны в государстве Селевкидов и в Египте. Разрушение Иудеи и Храма римлянами, потеря евреями своей родины постепенно наполнили слово «диаспора» трагическим и болезненным смыслом [Милитарев, 2005: 12–13; Попков, 2003: 12–13].

Таким образом, под термином «диаспора» в его первоначальном виде подразумевалось изгнание евреев с исторической родины и их разбросанность по многим странам, а также вытекающие отсюда угнетенность и упадок духа. В дальнейшем диаспорой стали называть многие другие этнические группы, живущие в инокультурном окружении, и термин, таким образом, потерял свое трагическое содержание.

В современном иврите «диаспора» в значении собственно «еврейская диаспора» передается традиционным термином «галут». Этот термин, употребительный в самых разных еврейских общинах мира, говорящих на разных языках, имеет явно выраженную отрицательную коннотацию. Он означает еще и «тяжелую, мучительную жизнь», «рабское положение» [Милитарев, 2005: 12–13; Попков, 2003: 12–13].

Подавляющее большинство исследователей диаспоры признают первородность еврейского рассеяния. В частности, А. Милитарев отмечает, что «... использование греческого термина diaspora в отношении любых других исторических ситуаций, кроме рассеяния евреев, о котором идет речь в Библии, является его расширительным толкованием» [Милитарев, 2005: 12]. Поскольку еврейское рассеяние считается своего рода идеальным случаем диаспоры, оно рассматривается многими теоретиками диаспоры чаще всего в качестве исторически сложившегося «классического» прототипа, на основе которого

делаются попытки определения других подобных сообществ как соответствующих или несоответствующих критерию диаспоральности. Кроме еврейской и армянской диаспор, между которыми некоторые исследователи находят много сходства, упоминается еще ряд этнических групп в рассеянии, которые, как евреи или армяне, также претендуют на то, чтобы называться **«классическими» (или иначе «историческими») диаспорами**, например, цыгане, греки, палестинцы, кубинцы, китайцы, индийцы, ирландцы и т. д. Причем, мнения авторов о том, какие модели считать «правильными», «настоящими», варьируют в широком диапазоне [Попков, 2003: 13–14].

При отсутствии четкой дефиниции термина предлагаются наборы характерных черт, типичных, по мнению авторов, для классической (еврейской) диаспоры. В частности, Р. Коэн [Cohen, 1997: 180] называет следующие критерии:

- рассеяние по отношению к своей изначальной родине, часто насильственное;
- в альтернативном варианте – экспансия за пределы родины в поисках работы, с торговыми целями или для удовлетворения более далеко идущих колониальных амбиций;
- коллективная память и мифологизация утраченной родины;
- идеализация воображаемого наследия отцов;
- возвратное движение;
- сильное групповое этническое самосознание, сохраняющееся долгое время;
- беспокойные отношения с обществами-хозяевами;
- чувство солидарности с этническими собратьями в других странах;
- возможности выдающейся созидательной и обогащающей жизни в странах-хозяевах, проявляющих терпимость.

А. Милитарев, предлагая свой вариант наиболее типичных для еврейских диаспорных групп разных стран и периодов черт [Милитарев, 2005:

16–17]), отмечает, что все это не более чем грубая схема, так как выделяемые им признаки частично характерны только для еврейской диаспоры, а отдельные черты – и для других диаспорных и недиаспорных меньшинств. Тем не менее, по его мнению, сравнение нижеперечисленных признаков с характеристиками различных групп мигрантов, меньшинств и т. п. могло бы быть полезным для выработки критериев и развернутого определения понятия «диаспора».

Предлагаются следующие характерные признаки:

- принадлежность к меньшинству населения;
- корпоративность;
- ограниченность сфер трудовой деятельности;
- изолированность от других групп населения;
- запрет или ограничение на изменение социального статуса, в первую очередь, на вхождение в высшие сословия, землевладение и военную карьеру;
- ассимиляционные тенденции;
- диаспорное сознание – сознание общности с родственными диаспорными группами.

По концепции, предложенной Х. Тололяном [Tölölyan, 1996: 12–14], суть феномена еврейской диаспоры заключена в следующих элементах:

- диаспора формируется вследствие принуждения к выселению; в результате этого за пределами страны происхождения оказываются большие группы людей или даже целые общины. Одновременно может иметь место добровольная эмиграция индивидов и малых групп, что также приводит к возникновению анклавов в принимающих странах;

- основа диаспоры – сообщество, которое уже обладает ясно очерченной идентичностью, сформированной в стране исхода;

- диаспорной общиной активно поддерживается коллективная память, которая является основополагающим элементом ее самосознания. В случае с еврейской диаспорой коллективная память воплощена в текстах Ветхого Завета;

– как и другие этнические группы, общины диаспоры сохраняют свои этнокультурные границы. Это происходит либо по собственной воле, либо под давлением населения принимающей страны;

– общины заботятся о поддержании связей друг с другом. Такие связи часто носят институционализированный характер;

– общины стремятся к контактам со страной исхода. Недостаток в подобных контактах компенсируется общеразделяемой лояльностью и сохранением веры в мифическую идею возвращения.

Существуют и другие достаточно известные концепции классической диаспоры. В частности, свои базовые характеристики еврейского рассеяния предлагают У. Сафран [Safran, 1991: 83], А. Ашкенази [Ashkenasi, 1993: 110] и др.

Однако попытки выработать четкие критерии, позволяющие ясно определить суть понятий «диаспора» и «классическая диаспора» на примере еврейского рассеяния, до настоящего времени не увенчались успехом, о чем свидетельствуют и вышеприведенные примеры. Проанализировав основные, наиболее известные на сегодняшний день, подходы к объяснению феномена диаспоры, доктор философии В.Д. Попков, в частности, отмечает, что далеко не все существующие в современном мире этнические группы в рассеянии могут соответствовать «классической» парадигме. По его мнению, возможно, вообще не стоит сравнивать между собой опыт формирования диаспор различными этническими группами, опираясь на жесткую систему признаков, используя при этом еврейское рассеяние в качестве «измерительного прибора». Диаспорное самосознание характерно для очень многих ситуаций рассеяния, и многие миграционные сообщества идентифицируют себя как диаспоры, мало задумываясь о том, насколько они соответствуют данному термину [Попков, 2003: 14–24].

Интерес современных исследователей диаспоры обращен к сообществам, возникшим относительно недавно в результате трудовых

миграций в промышленно развитые страны. Подобные общности изначально рассматривались в рамках теории миграции просто как этнические группы или меньшинства вне страны своего происхождения. Однако такая позиция неоправданно упрощала проблему, так как при этом не учитывалось наличие различных видов транснациональных сообществ мигрантов. В то же время акцентирование внимания на этой стороне проблемы привело к попыткам исследовать любые перемещения людей, связанные с пересечением государственных границ, с точки зрения процессов диаспоризации. В результате диаспорой стали называть любое этническое рассеяние, даже если оно не отвечало критериям классической диаспоры. С другой стороны, чтобы избежать неопределенности и разграничить понятия «диаспора» и «группы переселенцев», порожденные трудовой миграцией, исследователи стали более внимательно изучать явление сообществ трудовых мигрантов, соотнося его при этом с «классическим» пониманием диаспоры. Такие тенденции привели к частичному отказу от «классической» интерпретации понятия диаспоры и, как следствие, к более широкому толкованию термина, который в специальной литературе стали называть **«новой»** или **«современной» диаспорой**. Тем не менее, при объяснении современных этнических рассеяний ученые в большинстве случаев опираются на исходные постулаты классических диаспор, но при этом значительно расширяют понятие [Попков, 2003: 25–26].

Одним из первых теоретическую дискуссию по проблемам современных и классических диаспор начал Дж. Армстронг [Armstrong, 1976: 393–403]. По характеру взаимодействия диаспоры с полиэтничным государством он предложил разделять их на мобилизованные (укоренившиеся) и пролетарские (возникшие относительно недавно). Первый тип диаспор, по его определению, имеет более длинную и сложную историю, складывался веками в отдельное общество в рамках большого государства. Пролетарские (или современные) диаспоры Дж. Армстронг называет «непривилегированными продуктами современной политики» [Armstrong, 1976: 393].

В настоящее время в центре внимания концепций современных диаспор находятся проблемы идентичности и формирования транснациональных пространств, в особенности, когда их члены создают разветвленную систему социальных связей с принимающей страной.

Одним из привлекательных подходов к анализу диаспоры является концепция А. Бра [Brah, 1996]. В центре понятия диаспоры А. Бра лежит образ перемещения, переселения, хотя не всякое переселение может быть представлено как диаспора. По мнению автора, в случае с диаспорой данные перемещения представляют собой попытку этнической группы устроиться, укорениться на одном месте. Таким образом, диаспора вытекает из миграции коллективов, независимо от того, переезжают ли члены коллективов индивидуально, семьями или в какой-то другой комбинации. Диаспоры – это места долгосрочных, если не постоянных формирований общности, которые сохраняются даже в том случае, если некоторые ее члены или их семьи мигрируют куда-нибудь в другое место. Одним из ключевых моментов в данной концепции является проблема определения «дома» (места исхода) для диаспоры. Проблема «дома», как и вытекающая из нее проблема идентичности, существует на каждом историческом этапе развития диаспоры. По мнению А. Бра, далеко не все диаспоры несут в себе идею «о доме» в форме желания вернуться на место «происхождения». В целом, можно сказать, что данная концепция касается исторически изменяемых форм связей внутри и между формациями диаспор. Важным представляется то, что все эти процессы неразрывно связаны с актуальной ситуацией в диаспоре.

В подходе М. Дабага и К. Платта [Dabag & Platt, 1993: 117–145] ключевая роль отводится диаспорной идентичности. Авторы предлагают рассматривать диаспору не как специфическую судьбоносную ситуацию, а как общественную модель, создающую идентичность, которая может предложить некие коллективные ориентиры и создавать общественные институты. По мнению авторов, данная позиция приводит в своей основе к дискуссии о

понимании идентичности. Это вытекает из тезиса о том, что стиль жизни диаспоры формируется на основе взаимодействия традиций и современности, опыта и воспоминаний, а также взаимодействий историй, культур, языков и ориентаций трех актеров отношений: диаспоры, принимающей страны и страны исхода. Поскольку внутри принимающего общества группа, принадлежащая к диаспоре, всегда узнается как чужеродное тело, дальнейшее рассуждение должно идти об отдельных отличительных факторах, характерных для данной группы, которые отграничивают ее от общества в целом. Важно подчеркнуть, что в данном подходе диаспора представляется как общественная модель, которая в отношении своей общественной ориентации не находится в исключительно зависимых отношениях со страной исхода, определяемой как государственно-территориальное образование. Диаспора сохраняет живыми воспоминания о стране исхода, образуя, однако, идентичность, созданную также на основе новых элементов реального общества и являющуюся критерием для обозначения собственной отличительности.

Другой подход к пониманию сущности диаспоры, автором которого является Г. Шеффер [Sheffer, 1993], сосредотачивает внимание на построении стратегии взаимодействия диаспоры и стран поселения. По мнению автора, большинство диаспор выбирают наиболее предпочтительную и универсальную для них стратегию общины, которая является попыткой создать и сохранить тщательно разработанную сеть добровольных организаций, которые могут дополнять государственные организации в принимающей стране. Если в прошлом члены диаспоры стремились сконцентрироваться в политических и экономических центрах, то сейчас они распространены более широко по всей территории принимающей страны. Термин «община диаспоры» выбран Г. Шеффером неслучайно, поскольку, по его мнению, стратегическое стремление большинства диаспор сфокусировано именно на общине, которая определяет сущность их организации и их деятельности.

Общинные организации диаспор функционируют на уровне обеспечения деятельности внутри принимающей страны и на уровне зарубежной деятельности в интересах страны исхода и других общин своей диаспоры. На каждом из этих двух уровней функции диаспор разделяются на три широкие категории: сохранение, защита и стимулирование развития общины.

Функция сохранения, по мнению Г. Шеффера, включает усилия членов диаспоры по увеличению капитала, которые совершаются через специальные организации или частных лиц; сюда же относится управление и поддержка общественно-культурной деятельности среди множества общинных организаций, поддержка специальных воскресных школ, религиозных учреждений, исследовательских институтов, общественных центров и т. д. Функция сохранения включает денежные переводы, частные и коллективные взносы, другие типы односторонних переводов денежных ресурсов, а также различные политические и социальные обмены. Сюда же относится деятельность по координации социальных и политических акций.

Функция защиты осуществляется через локальные организации, созданные с целью обеспечения защиты членов общины, когда это считается необходимым. К данной функции относится лоббирование различных структур с целью защиты экономических и политических интересов диаспоры. Функция защиты включает также поддержку организации и проведения кампаний, направленных на создание благоприятной атмосферы как для страны исхода, так и для диаспоры в целом.

Функция стимулирования развития диаспоры содержит в себе три пересекающиеся категории: культурную, политическую и экономическую. Все три категории имеют дело с такими вопросами как привлечение и вербовка новых членов, оказание моральной, политической и финансовой поддержки членам диаспоры. Большое значение придается стимулированию идентичности

членов диаспоры, улучшению имиджа диаспоры в принимающей стране и повышению интереса к стране исхода.

Хотелось бы отметить, что предлагаемую Г. Шеффером модель, можно пронаблюдать в деятельности Общинного центра еврейской культуры Удмуртской Республики (ОЦЕК УР). Данный вывод сделан мною из опыта практической деятельности в Министерстве национальной политики Удмуртской Республики, включающего, в том числе, более чем шестилетнее взаимодействие с ОЦЕК. Для того чтобы убедиться, что функции диаспоры, предложенные Г. Шеффером, реализуются Общинным центром, достаточно взглянуть на устав, структуру, направления деятельности, осуществляемые проекты и систему финансирования ОЦЕК. В диссертационной работе не ставится задача широкого освещения деятельности еврейской общины в Удмуртии, но в качестве примечания представляется логичным обратить внимание на отмеченные факты.

Своеобразные подходы к анализу явления диаспоры и новых сообществ мигрантов предлагают также Р. Хеттлаге [Hettlage, 1993: 75–105], Шаин [Shain, 1993: 287–322] и др.

В последние десятилетия, как отмечает директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков, в общественной жизни появляются принципиально новые явления, которые нельзя осмыслить в старых категориях. Обнаруживаются факторы, размывающие привычные представления и о диаспоре. Одно из таких явлений – формирование транснациональных общностей за привычным фасадом диаспоры [Тишков, 2003: 462]. Многие члены диаспор долгое время живут в принимающей стране, сохраняя семью, жилье, связи, профессиональные и личные контакты как в стране исхода, так и в стране поселения. Интенсивность таких контактов со странами исхода благодаря современным средствам передвижения и массовой коммуникации находится на очень высоком уровне. По сути, это делает возможным проживание сразу в двух культурах, способствует глобализации таких анклавов

и выдвигению на первый план единых социально-этнических образований, которые получили название **транснациональных (также трансгосударственных) пространств или сообществ** [См., например: Cohen, 1997; Тишков, 2003: 459–466; Попков, 2003: 42–50].

По мнению ряда исследователей, ключевую роль в образовании транснациональных пространств играют этнические сети связей, возникающие посредством непрерывных миграционных потоков. Этнические сети связей не только способствуют перемещению и облегчают миграцию, но и служат способом передачи капиталов, товаров и информации для участников данной сети отношений. В. А. Тишков отмечает, что в современном мире возникает целая категория человеческих коалиций, для которых понятия семья, работа, дом, родина носят множественный характер. Признавая бесспорное присутствие диаспорных характеристик в практике транснациональных пространств, В. А. Тишков все же полагает, что данная категория не попадает под описание диаспорных ситуаций и предлагает рассматривать исторический процесс в интересующем нас аспекте в следующей последовательности: миграция (или изменение границ), диаспора, транснациональные общности [Тишков, 2003; 462, 464–465].

В. Д. Попков придерживается другой точки зрения. Он считает, что диаспора предстает, скорее всего, как одна из форм транснациональных сообществ [Попков, 2003: 48]. По его мнению, один из общих моментов, объединяющих диаспору и транснациональные пространства, заключается в том, что в обоих случаях в результате массовых перемещений мигранты создают определенную инфраструктуру и постепенно «запутываются» в сетях связей, возникающих между своей страной и принимающим государством. Автор отмечает, что возникновение феномена диаспоры, во-первых, напрямую связано с миграцией. В этой связи «корни» транснациональных пространств (и диаспоры в частности) следует искать в явлении массовых перемещений людей, которые в последнее время существенно возросли. Вторым определяющим

моментом, проливающим свет на феномен диаспоры, по мнению В. Д. Попкова, является подход к пониманию этнической идентичности. В случае с транснациональными сообществами они, вероятнее всего, изначально предполагают объединение на основе общей этнической идентичности. В любом случае, большинство мигрантов циркулируют между двумя (реже тремя) странами и не являются космополитами, то есть обладают (обычно) двойной или «множественной» идентичностью [Попков, 2003: 48–50].

Предложенный выше краткий обзор диаспорных концепций преимущественно освещает точку зрения зарубежных авторов. Подходы к объяснению явления диаспоры отечественными исследователями будут рассмотрены далее. Такое разделение представляется вполне логичным, так как, с одной стороны, разработка теории диаспоры в отечественной науке имеет относительно недолгую историю, с другой – при рассмотрении российского диаспорного вопроса необходимо учитывать реалии, не характерные или не столь значимые для других регионов мира.

Несмотря на то, что история России XIX–XX вв. тесно переплеталась с историей двух древнейших и известнейших диаспор – еврейской и армянской, понятие «диаспора» было не слишком популярно в СССР, а феномен диаспоры почти не привлекал внимания исследователей. После же распада Союза понятие «диаспора» по разным причинам оказалось удобным для описания процессов постсоветского этнического размежевания и стало довольно широко использоваться в постсоветской литературе.

Территориальное рассеяние народов было характерно для российской, а затем – советской империи. Ее этническая карта складывалась в результате как присоединения к славянскому ядру империи земель, населенных другими народами, так и последующих миграций представителей разных этнических общностей внутри страны или за ее пределы. Эти миграции стали особенно интенсивными во второй половине XIX в., продолжались в XX в. и привели к

существенному смешению этносов и отрыву многих из них от прежних традиционных территорий.

В отечественной науке наиболее развернутый анализ явления диаспоры предложен В. А. Тишковым. Критически оценив традиционный подход к трактовке феномена диаспоры, он подчеркивает необходимость учета историко-ситуативного и личностно-ориентированного аспектов явления и предлагает определять диаспору как «культурно-отличительную общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине» [Тишков, 2003: 46]. Автор отмечает, что при отсутствии данных характеристик, диаспоры не существует, т. е. «диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность, и потому данное явление отличается от остальной рутинной миграции» [Тишков, 2003: 46].

Среди основных характеристик диаспор В. А. Тишков выделяет: наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о «первичной родине»; фактор доминирующего общества (или среды существования диаспоры) и отсюда сохраняющееся чувство отчужденности от этого общества; романтическую (ностальгическую) веру в родину предков и убеждение в необходимости коллективно служить ее сохранению [Тишков, 2003: 439–446].

По мнению известного российского этнолога Ю. И. Семенова, В. А. Тишков, сконцентрировав свое внимание на политической стороне диаспоры, в конечном счете пришел к выводу, что она явление только политическое, отказав, таким образом, чисто этнической, неорганизованной диаспоре в праве называться диаспорой, он назвал ее просто «миграцией». «С этим вряд ли можно согласиться, – пишет Ю. И. Семенов, полемизируя с В. А. Тишковым. – Диаспора в своей основе – явление, прежде всего этническое» [Семенов, 2000: 71].

С. А. Арутюнов считает, что свойственная трудам В. А. Тишкова некоторая переоценка значимости государств и государственных границ приводит к схематизированным представлениям о возможности четкого разграничения ядерной и диаспорной частей этноса, и убежден что «у государств диаспор нет», она бывает у этносов, наций или народностей, которые могут обладать своими национальными государствами, а могут и не обладать ими, но стремиться к их созданию (или не стремиться) [Арутюнов, 2000: 75–76].

Интересная попытка рассмотреть диаспору как предмет социологического анализа была предложена Ж. Тощенко и Т. Чаптыковой [Тощенко, Чаптыкова, 1996: 33–42]. В своем подходе авторы выделяют четыре основных признака диаспоры: первым из них является пребывание этнической общности за пределами своей исторической родины. Этот признак является исходным, без которого невозможно рассматривать сущность феномена диаспоры. Согласно второму признаку, диаспора рассматривается как этническая общность, обладающая основными характеристиками культурной самобытности своего народа. Если этническая группа выбирает стратегию ассимиляции, то она не может быть названа диаспорой. В качестве третьего признака называются организационные формы функционирования диаспоры, например, землячества, общественные и политические движения. Таким образом, если у этнической группы отсутствуют организационные функции, то это предполагает и отсутствие диаспоры. Четвертым признаком диаспоры является «осуществление ею социальной защиты конкретных людей» [Тощенко, Чаптыкова, 1996: 36].

По мнению авторов, только этносы, «устойчивые к ассимиляции», способны создавать диаспоры; причем устойчивость диаспоры обеспечивается фактором организации и наличием некоторого «стержня», в качестве которого может фигурировать, например, национальная идея или религия. Особое внимание в данном подходе уделяется функциям диаспор. Как полагают

авторы, одной из наиболее распространенных ее функций является поддержание и укрепление духовной культуры своего народа. Особый акцент ставится ими на сохранении родного языка, хотя подчеркивается, что эта задача далеко не всегда является основной функцией диаспоры. Существует достаточно примеров тому, когда диаспоры частично или полностью утрачивали свой язык, но не прекращали свое существование.

В качестве ключевой функции диаспоры Ж. Тощенко и Т. Чаптыкова выделяют сохранение этнического самосознания. В основе этой функции лежит противопоставление «мы – они», которое определяет процессы идентичности членов диаспоры. Важной функцией считается защита социальных прав своих членов. Это касается помощи в профессиональном самоопределении, регулировании миграции и занятости. Кроме того, здесь предусматривается деятельность по преодолению предрассудков и других негативных явлений, связанных с антисемитизмом, шовинизмом и другими агрессивными проявлениями в отношении членов диаспорной общности.

Особо выделяются экономическая и политическая функции. Раскрывая экономическую функцию, авторы обращают внимание на то, что некоторые виды экономической деятельности являются (или постепенно становятся) «специфичными» для представителей той или иной диаспоры. В случае с политическими функциями речь идет о лоббировании членами диаспоры дополнительных гарантий, прав, возможностей для своего этноса или диаспоры.

Наконец, авторы поднимают вопрос о длительности существования диаспоры или о ее «жизненном цикле». Здесь считается, что диаспора может существовать неопределенно долго как автономная часть материнского этноса. В то же время прослеживается идея о том, что те мигранты, которые уже однажды потеряли свою родину, никогда больше полностью не будут приняты в общество страны исхода, и в то же время никогда полностью не освободятся от чувства «чужого» в стране поселения. Поэтому они вынуждены создавать

свой мир «между» двумя обществами, который базируется на двойной идентичности.

В качестве примечания следует отметить, что по личным наблюдениям автора диссертации в процессе работы в Министерстве национальной политики Удмуртской Республики и в Удмуртской республиканской общественной организации «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» концепция Ж. Тощенко и Т. Чаптыковой, а также модель, представленная Г. Шеффером, вполне «приложимы» к сегодняшней жизнедеятельности диаспор. Причем функции диаспор, перечисленные Г. Шеффером, как уже отмечалось выше, наиболее ярко и полно реализуются в деятельности Общинного центра еврейской культуры Удмуртской Республики, а функции по Ж. Тощенко и Т. Чаптыковой – в жизни удмуртской диаспоры, которая через свои общественные объединения в виде национально-культурных автономий (НКА) и национально-культурных центров (НКЦ), действующих в субъектах Российской Федерации с компактным проживанием удмуртов, претворяет их в повседневную практику.

§ 1.2. Феномен внутренней удмуртской диаспоры: теоретическое обоснование

В данном параграфе на основе концептуального подхода, предложенного академиком Ю. А. Поляковым, предпринимается попытка обосновать правомочность оперирования термином «диаспора» по отношению к локальным группам удмуртов, компактно проживающих в субъектах Российской Федерации вне титульной республики.

Академик Ю. А. Поляков, признавая глобальный характер существования диаспор, предлагает два варианта определения этого понятия. В первом диаспора рассматривается как общность, находящаяся в иноэтничной среде и в некотором смысле близкая к понятию национального меньшинства, во втором под диаспорой имеется в виду население той или иной страны, принадлежащее этнически и культурно к другому государству. По его мнению, можно говорить о существовании диаспор на всем постсоветском пространстве,

а также на территории Российской Федерации в виде региональных (внутренних) диаспор. Им выделяется две различные группы диаспор – иммигрантские и коренных жителей той или иной страны, оказавшиеся оторванными от основ пребывания своего этноса в силу ряда исторических обстоятельств. Автор отмечает также многообразие форм существования диаспор, включая компактность или дисперсность расселения, различия в происхождении и условиях пребывания, степень адаптированности, их влияние на различные стороны жизни стран-реципиентов, в том числе на демографическую ситуацию [См.: Мосейкина, Мелихов, 2000: 208–209].

Однако отнесение к диаспоре нерусских граждан страны, проживающих за пределами своих «титულных» республик, принципиально отрицается В. А. Тишковым и некоторыми другими исследователями [См., например: Тишков, 2003: 435–480; Фадеичева, 2004: 140–154 и др.]. В. А. Тишков, к примеру, такой подход называет порождением доктрины этнонационализма, но при этом отмечает, что для осуществления категоризации той или иной культурно отличительной группы населения как диаспоры необходимо проследить ощущение и поведение самой группы [Тишков, 2000: 3].

В большинстве предлагаемых дефиниций термина «диаспора» отправным тезисом является ее определение как части этноса, живущего вне своей исторической родины. Для наглядности данного утверждения приведем некоторые примеры. Диаспора – это «...этнос или часть этноса, проживающая вне своей исторической родины или территории обитания этнического массива, сохраняющая представление о единстве своего происхождения и не желающая потерять стабильные групповые характеристики, заметно отличающие ее от остального населения страны пребывания, вынужденно (осознанно или неосознанно) подчиняясь принятому в ней порядку» [Левин, 2001: 5], «...устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или ареала расселения своего народа) и имеющая социальные

институты для развития и функционирования данной национальной общности» [Тощенко, Чаптыкова, 1996: 33–42], «...сегмент населения, живущий за пределами родины» [Conner, 1986: 16].

Категории «этнос» и «родина», являющиеся исходными в большинстве определений понятия «диаспора», также достаточно условны, так как среди ученых продолжаются дискуссии по поводу их интерпретации. Автор диссертации исходит из традиционного подхода к теории этноса, согласно которой «этнос (или этническая общность) есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп» [Семенов, 2000: 64]. Относительно категории «родина», автору больше импонирует толкование, данное В. А. Тишковым: «Обычно под «родиной» имеется в виду регион или страна, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы, и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив» [Тишков, 2000: 48]. Суть данного определения, как представляется, близка к интерпретации понятия «родина», данной Ю. И. Семеновым: «В случае диаспоры под родиной обычно понимают либо часть этнической территории, либо всю этническую территорию, либо, наконец, всю территорию геосоциального организма, в состав которого входит эта территория», при этом «этническая территория» определяется как «территория, на которой компактно проживает тот или иной этнос, и где он составляет большинство населения» [Семенов, 2000: 65–66]. Понятие «геосоциальный организм», по определению Ю. И. Семенова, это «...конкретное отдельное общество, т. е. социоисторический организм (социор), причем того вида, который присущ классовому обществу... Границы современного геосоциора, как правило, совпадают с государственными. Поэтому в литературе геосоциальный организм принято именовать государством. Другое широко употребляемое в литературе название – страна» [Семенов, 2000: 65].

Исходя из логики вышеизложенных определений, можно смело утверждать, что **«родиной» удмуртов** на настоящий момент является Удмуртская Республика – государство в составе Российской Федерации, исторически утвердившееся на основе осуществления удмуртским народом своего неотъемлемого права на самоопределение [Конституция УР, 2006: ст.1], где компактно проживает основной массив удмуртского этноса, и на территории которого, в том числе, происходило формирование историко-культурного облика удмуртов.

Одним из основополагающих типичных черт, характеризующих диаспору, многими исследователями определяется **миграция**, причем, в случае с классической диаспорой – это главным образом принуждение к переселению.

Удмурты, являющиеся автохтонным населением Волго-Уральского региона, начиная с середины I тысячелетия н. э., вплоть до начала XVIII в. были вынуждены постоянно мигрировать с традиционных мест расселения в связи с тюркской, марийской и славянской колонизациями края. В исторической памяти всех групп удмуртов, в том числе живущих в Удмуртской Республике, живы предания о вынужденном переселении предков и о пережитых ими при этом трудностях и лишениях [См., например: Удмурты, 1993; Гришкина, 1994; Иванова, 1994; Владыкин, Христолюбова, 1997; Атаманов, 2005 и др.].

Таким образом, хотя историческая родина удмуртов, под которой сегодня понимается Удмуртская Республика, образовалась лишь в первой четверти XX в. (Вотская автономная область, ныне – Удмуртская Республика), в народе сохранилась память о другой, «первичной родине», которую предки удмуртов когда-то были вынуждены покинуть и рассеяться в другие периферийные регионы.

Народная память связывает рассеяние своих предков с разрушением двух центров – племенного центра северных удмуртов Ваткакара, располагавшегося на месте современного г. Кирова, и Арска (удм. – *Арча*, совр.

пгт Арск в Татарстане) – столицы одноименного княжества, где с древнейших времен жили южноудмуртские родоплеменные группы.

Другой, наиболее характерной чертой, присущей диаспоре, исследователи считают **наличие и поддержание коллективной памяти**.

Сохранению коллективной памяти удмуртов о «первичной родине», общих корнях, общей исторической судьбе, вероятнее всего, значительно способствовала воршудно-родовая организация, достаточно долго сохранявшаяся в удмуртском обществе. Еще в начале XX в. каждый удмурт четко представлял, к какому воршуду⁵ (хранителю рода) он относится. Миграционные процессы, особенно активно затронувшие удмуртов в XVI–XVII вв., способствовали смешению и рассеянию воршудно-родовых групп, однако на новых местах расселения удмурты во время молений традиционно обращались к родовым святилищам, оставшимся на «старой родине» [См., например: Атаманов, 2001; Атаманов, 2005 и др.]

С достаточно большой долей уверенности можно также утверждать, что другим фактором, сыгравшим существенную роль в поддержании коллективной памяти удмуртов, живущих в отрыве от основного этнического ядра, являлась приверженность традиционным верованиям, которая у многих групп сохранялась вплоть до 30-х–40-х гг. XX в. В частности, удмурты, живущие в Республике Башкортостан, в Агрызском районе Республики Татарстан и Куединском – Пермской области, и в наши дни являются язычниками и проводят массовые общественные моления [См., например: Миннихметова, 2000].

Еще одной отличительной чертой диаспоры, по мнению исследователей, является **сохранение своих этнокультурных границ** [Tololyan, 1996 и др.]. Как отмечает В. А. Тишков: «Идеология диаспоры предполагает, что ее члены не верят в то, что они есть интегральная часть и, возможно, никогда не смогут быть полностью приняты обществом проживания

⁵ «Воршуд – имя основательницы рода, возведенной в ранг божества, хранителя семейно-родового счастья. В основе воршудных имен лежат тотемы рода» [Атаманов, 2001: 31].

и по этой причине хотя бы частично чувствуют свое отчуждение от этого общества. Чувство отчужденности, прежде всего, связано с социальными факторами, особенно с дискриминацией и принижением статусом представителей той или иной группы» [Тишков, 2003: 445].

В подтверждение того, что данная черта присуща удмуртам, проживающим вне метрополии, приведем некоторые высказывания, записанные в ходе бесед с респондентами во время экспедиций в 2002–2005 годах.

«То, что наши дети изучают татарский язык в школе, – это нормально. Раз уж мы в Татарии живем, надо язык знать. Только слишком уж требования высокие, читать-писать научили бы, нашим детям бы хватило. Они же здесь все равно какими-то начальниками не станут», – такого мнения придерживается жительница одной из удмуртских деревень Балтасинского района Республики Татарстан.

Бывший председатель одного из сельхозкооперативов (удмурт) Балтасинского района РТ таким образом оценивает социальное положение удмуртов в Татарстане: «Чтобы удмурту здесь стать руководителем, надо быть в десять раз умнее, хитрее и сильнее татарина. Только тогда они признают в тебе равного».

«Мы в Удмуртии хотя бы на втором месте (после русских – И. Ш-З.), поэтому нам легче там пробиться, а у себя в Башкирии – мы только третий сорт, если не четвертый (после русских, башкир и татар – И. Ш-З.). Об этом никто открыто, конечно, не говорит, но такое отношение все равно чувствуется», – высказывание известной удмуртской журналистки и поэтессы, уроженки Республики Башкортостан.

«Кому мы здесь нужны? Что они о нас знают, что понимают? Они нас только используют, чтобы покрасоваться, как мы все дружно и хорошо живем», – с горечью и болью говорит одна из активисток Удмуртского культурного центра Кировской области о руководителях районной администрации.

Приведенные примеры достаточно наглядно демонстрируют, что удмуртской диаспоре в течение многовековой жизни в иноэтничном окружении не удалось избавиться от чувства отчужденности от основного общества проживания.

С этим же чувством связана, по мнению исследователей, следующая черта, свойственная диаспоре. Это «**связующий миф**» (Ашкенази), или «романтическая (ностальгическая) вера в родину предков как в подлинный, настоящий (идеальный) дом и место, куда представители диаспоры или их потомки должны рано или поздно возвратиться» [Тишков, 2003: 445].

В настоящее время для удмуртской диаспоры «родина предков» – это Удмуртия. Именно так воспринимает большинство удмуртов, проживающих в разных субъектах Российской Федерации, титульную республику. Представители всех исследуемых групп удмуртской диаспоры стремятся по возможности, если не сами, то хотя бы своих детей «вернуть» на «подлинную родину». Получив основное и среднее образование, многие выпускники «удмуртских» школ регионов стремятся поступить в учебные заведения Удмуртии, после завершения которых свою профессиональную деятельность также стараются продолжить на ее территории. «Вернувшиеся» и обосновавшиеся в метрополии удмурты помогают впоследствии обустроиться на «старой» родине своим родственникам, друзьям и знакомым. Таким образом за годы существования удмуртской национально-государственной автономии на территории республики образовались многочисленные землячества «башкирских», «татарских», «марийских» удмуртов, которые являются активным связующим звеном между удмуртами метрополии и удмуртской диаспорой.

Диаспорное сознание характеризуется еще одной существенной чертой – **стремлением к контактам и помощи исторической родине** (У. Сафран, Х. Тололян и др.). Члены диаспоры убеждены, что они «должны коллективно

служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности», – пишет В. А. Тишков [Тишков, 2003: 445].

Стремление служить и помогать исторической родине ярко выражено, например, в словах одного из представителей «башкирских» удмуртов, сказанных на встрече ученых Удмуртии с руководителями «удмуртских» сельхозкооперативов (далее – СПК) Янаульского района Башкортостана: «Не шевелитесь вы там (в Удмуртии – И. Ш-З.). Мы к вам таких людей, такие кадры направляем, а вы даже этим не можете воспользоваться».

Похожее мнение высказал и житель д. Карык-Серма Балтасинского района Республики Татарстан (бывший главный агроном одного из СПК): «Слабые вы какие-то в Удмуртии. Наши (удмурты Татарстана – И. Ш-З.) к вам едут и становятся председателями, министрами. Я много ездил по Удмуртии, знаю о чем говорю. У вас там такие возможности. У нас тут совсем никакой поддержки, а получается – мы крепче вырастаем. Смелее надо быть, лениться и пить меньше».

«Когда про Удмуртию что-нибудь по телевизору показывают, или в газете напечатают, так у нас люди, особенно постарше, ходят из дома в дом и делятся радостной новостью, а газету из рук в руки передают», – рассказывает заведующая сельским клубом д. Старая Турья Балтасинского района Татарстана.

«Если уж честно, – говорит председатель Национально-культурной автономии удмуртов Башкортостана, – первый съезд удмуртов (Ижевск, 1991 г. – И. Ш-З.) мы, удмурты Башкирии, инициировали. Ездили в Удмуртию, с людьми встречались, а то, может, так бы вы там и спали до сих пор».

Подобные высказывания отражают чувства и настроения большинства представителей удмуртской диаспоры, что подтверждается и результатами исследования (опросы, анкеты).

Таким образом, стиль жизненного поведения удмуртской диаспоры наглядно демонстрирует их веру в существование общей родины и групповую солидарность в деле служения ее процветанию и безопасности.

Согласно Конституции Удмуртской Республики, «Удмуртия – государство в составе Российской Федерации, исторически утвердившееся на основе осуществления удмуртской нацией и народом Удмуртии своего неотъемлемого права на самоопределение и самостоятельно осуществляющее государственную власть на своей территории...» [Конституция УР, 2006: ст.1, п.1]. На территории Российской Федерации только Конституцией Удмуртской Республики «гарантируется сохранение и развитие языка и культуры удмуртского народа», забота о сохранении и развитии удмуртской диаспоры, компактно проживающей в субъектах Российской Федерации, определяется как одна из главных задач органов государственной власти Удмуртии [Конституция УР, 2006: ст. 1, п. 2]. И только в Удмуртской Республике возможно наиболее полное и оптимальное удовлетворение этнокультурных потребностей удмуртского народа. Здесь функционируют высшие учебные заведения с преподаванием родного языка, научно-исследовательские институты, занимающиеся изучением истории, языка и культуры удмуртов, проблемами национального образования; действуют профессиональные художественные коллективы, пропагандирующие и развивающие национальную культуру; публикуются печатные издания, поддерживается теле- и радиовещание на удмуртском языке и т. д. В других субъектах Российской Федерации, даже непосредственно граничащих с Удмуртией, таких условий для полноценного удовлетворения этнокультурных запросов удмуртов нет. Исходя из этого, можно сказать, что исторически сложившаяся форма федеративного устройства России так или иначе детерминирует появление и существования внутренних диаспор коренных жителей страны. В данной работе на примере удмуртской диаспоры была сделана попытка показать, что подобные этнотерриториальные группы вполне соответствуют классическим диаспоральным критериям. Таким

образом, твердо можно сказать, что **внутренняя удмуртская диаспора – это удмурты, компактно проживающие в субъектах Российской Федерации, за пределами Удмуртской Республики.**

Удмуртская диаспора отнюдь не однородна. Длительное проживание в различных субъектах Российской Федерации способствовало существенной дифференциации историко-культурного облика отдельных групп удмуртов. Следовательно, структурной единицей удмуртской диаспоры можно считать компактно проживающие в том или ином субъекте России группы удмуртов. Такую структурную единицу диаспоры предлагается определять как **диаспорная группа**, например, диаспорная группа удмуртов Янаульского района Республики Башкортостан.

Глава 2. Формирование этнотерриториальных групп удмуртов, их этнодемографические параметры

§ 2.1. Основные этапы и пути формирования нижнечепецкой, завятской и закамской групп удмуртов

В данном параграфе процессы этногенеза и формирования этнической территории рассматриваются с точки зрения возникновения исторической ситуации, в которой стало возможно формирование диаспорного сознания у тех групп удмуртов, которые в ходе национально-государственного строительства народов СССР в первой четверти XX в. оказались за пределами своей автономии.

Удмурты – один из древних и крупных, этнически сплоченных финно-угорских народов России. Общим для всего удмуртского народа самоназванием является этноним «удмурт» (диалектные варианты: удморт, уртморт, утмурт, у'морт, укморт). Булгары, позднее татары и другие тюркские народы Волго-Камья удмуртов называли «ар» (арлар, ар кешесе), марийцы – «одо» или «одомари», русские – «вотьяк» (<*отьяк), «ары», «арские люди», «аряне». Среди финно-угров, расселенных в лесной зоне от Прибалтики и Скандинавии на западе до реки Обь на востоке, удмурты занимают срединное положение. Материалы устного народного творчества, топонимии, археологии убедительно показывают, что их формирование и развитие с древнейших времен происходило на территории Прикамья в междуречье р. Камы и Вятки. Эти две речные магистрали в древности играли роль основных коммуникаций, по ним осуществлялись практически все связи местного населения с внешним миром. Гидронимы Кама, Вятка, Чепца, Кильмезь стали своеобразными символами удмуртов. Срединное положение удмуртов в системе финно-угорской этноязыковой общности вызывает особый интерес к их этногенезу, истории и культуре, так как исследователи не без оснований полагают, что с помощью «удмуртского ключа» можно открыть многие проблемы финно-угроведения [См., например: Владыкин, 2005: 13-23; Иванова, 2005: 24–40].

Истоки этногенеза удмуртов восходят к ананьинской археологической культуре (VIII–III вв. до н. э.). Во второй половине I тысячелетия н. э. на базе позднелепельских вариантов (поломская, азелинская культуры) оформляется древнеудмуртская этноязыковая общность, располагавшаяся в бассейне нижнего и среднего течений р. Вятки и ее притоков. Основой для оформления древних удмуртов послужили автохтонные племена Волго-Камья. В разные исторические периоды имели место иноэтнические включения (индоиранские, угорские, раннетюркские, славянские, позднетюркские) [См., например: Голдина, 1987: 6–36; Владыкин, 2003: 7–28].

В структуре удмуртского этноса различают две крупные этногеографические группы – северную и южную. Их развитие протекало в различных этноисторических условиях, что предопределило их своеобразие в элементах материальной культуры, обрядах и языке. У южных удмуртов ощущается тюркское влияние, у северных – русское. Северные удмурты довольно рано вошли в состав своеобразного политического и экономического образования – Вятской земли, которая складывалась в процессе освоения Вятки русскими крестьянами-переселенцами. Вятская земля стала вотчиной нижегородско-суздальских князей, а летом 1489 г. после длительной междоусобицы вместе со всеми вятчанами, в том числе удмуртами, вошла в состав Московского великого княжества. Южные удмурты попали под власть Волжско-Камской Булгарии, позднее – Золотой Орды и Казанского ханства, с падением последнего в 1552 г. присоединены к Русскому государству. Считается: присоединение удмуртов к Русскому государству завершилось в 1558 г. [См., например: Владыкин, 2003: 55–71; Атаманов, Владыкин, 1993: 28–35].

Картина современного расселения удмуртов сложилась к концу XVII – началу XVIII в. Вынужденные с середины I тысячелетия н. э. к постоянной миграции в связи с тюркской, марийской и русской колонизациями края, удмурты покинули освоенные территории по берегам крупных рек – Камы,

Волги, Белой, Вятки и сосредоточились в основном в бассейнах Кильмези, Валы, Ижа, Чепцы и их притоков. В ходе переселений различные родоплеменные группы удмуртов смешались, северные и южные удмурты сомкнулись в единый этнический массив на территории современной Удмуртии, возникли их совместные селения.

В процессе создания Русского государства царское правительство неоднократно проводило административно-территориальные реформы, особенно активно их реализация проходила в XVIII в. При определении административных границ правительство, прежде всего, руководствовалось целью нейтрализации протестных настроений инородческого населения во вновь присоединенных землях, дальнейшего его объединения на основах христианства и постепенной русификации. Исторически сложившееся расселение коренных народов при этом практически не учитывалось, что привело к тому, что удмурты в XIX – к началу XX в. оказались рассеяны в различном иноэтничном окружении – русском, татарском, башкирском, марийском (см. табл. 1) [Гришкина, 1995: 108–139; Владыкин, 1993: 35–41].

Таблица 1

Данные переписи населения Российской империи 1897 г.

Название губернии и уезда	Количество удмуртов (тыс. человек)
Вятская губерния	
1. Глазовский уезд	153,5
2. Сарапульский уезд	97,8
3. Малмыжский уезд	66,9
4. Елабужский уезд	52,7
5. Слободской уезд	6,1
Казанская губерния	
1. Казанский уезд	9,7
2. Мамадышский уезд	

Уфимская губерния	
1. Бирский уезд	22,5
2. Белебеевский уезд	
3. Уфимский уезд	
Пермская губерния	
1. Осинский уезд	6,5
2. Красноуфимский уезд	
Самарская губерния	
1. Бугульминский уезд	2,1

Источник: Шкляев Г. К. Расселение и этнодемографические характеристики / Г. К. Шкляев // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. – С. 55–56.

В то же время вхождение удмуртов в состав Русского государства в исторической перспективе имело прогрессивное значение: объединение в рамках единого государства способствовало возникновению условий для сложения удмуртской народности; принятие христианства препятствовало дальнейшей исламизации и тюркизации, особенно активно проходивших в среде южных удмуртов; развитие сети миссионерских школ служило появлению зачатков грамотности и первых групп интеллигенции среди удмуртов; ускорение процесса социально-экономического развития вызвало рост социально-политического и этнического сознания народа [Гришкина, 1994: 107–197; Владыкин, Христолюбова: 36–39].

Тем не менее, в условиях царизма удмурты испытали все тяготы национального и социально-экономического гнета, при этом дискриминация по отношению к удмуртам наблюдалась не только со стороны администрации, но и со стороны иноэтнического окружения. Возникновение подобной исторической ситуации во многом связано с двойственной политикой царского правительства относительно инородческих народов России – если татарские мурзы были уравнены в правах с русскими дворянами в 1784 г., а башкирские

крупные феодалы после присоединения к Русскому государству жаловались титулом «тархан», дающим особые привилегии, а с 1863 г. также приравнены к русским дворянам, удмурты, феодально-патриархальная знать которых была почти полностью ликвидирована в ходе завоевания Москвой Казанского ханства, оказались в составе неполноправного, эксплуатируемого класса черносошных и ясачных крестьян [См.: Башкортостан: Краткая энциклопедия, 1996: 34; Татарский энциклопедический словарь, 1998: 469]. Для завоевания более высокого социального статуса в обществе у удмуртов в дальнейшем было только два пути – принять ислам и «отатариться» («обашкириться»), или принять христианство и «обрусеть». Подобная ситуация сохранялась вплоть до 1917 г.

После Октябрьской революции в истории удмуртского народа произошли события, сыгравшие важнейшую роль в его этнокультурном развитии: шел процесс национально-государственного строительства, происходили культурные преобразования (развитие образования на удмуртском языке, создание профессиональной художественной культуры и т. д.), готовились квалифицированные кадры для всех отраслей народного хозяйства. В процессе создания Вотской автономной области (ВАО) активное участие принимали удмурты разных губерний российского государства – Вятской, Казанской, Пермской, Уфимской. Образование национальной государственности служило консолидации и повышению этнического сознания народа. Однако, при утверждении границ созданной в 1920 г. ВАО, территория проживания около трети компактно расселенных удмуртов не была включена в ее состав. Впоследствии данный факт явился основной причиной возникновения факторов, повлиявших на формирование диаспорного сознания у удмуртов, оказавшихся вне национальной автономии [Куликов, 2000: 124–125; Шкляев, 1993: 41–53].

Самоназвание удмуртского народа официально признано в 1932 г., когда Вотская область была переименована в Удмуртскую. В декабре 1934 г.

область получила статус автономной республики. К 30-м годам XX в. оформился в основном общий литературный удмуртский язык, к этому же периоду, очевидно, можно отнести завершение процесса консолидации удмуртов в единый этнос. В то же время внутри удмуртского этноса выделяется ряд локальных этнолингвистических групп, возникновение которых связано с их длительным проживанием в разных этноисторических условиях.

Далее будут рассмотрены основные этапы образования локальных групп удмуртов, проживающих в современных Слободском и Унинском районах Кировской области, Балтасинском и Кукморском – Республики Татарстан, Мари-Турекском – Республики Марий Эл, Куединском – Пермской области, Татышлинском и Янаульском – Республики Башкортостан.

Удмурты, проживающие в *Слободском и Унинском районах Кировской области* относятся к *нижнечепецкой* группе северных удмуртов. Данная группа, расселенная по нижнему течению р. Чепцы, является автохтонной и представляет собой древнейшую этнолингвистическую группу, сформировавшуюся на основе ананьинской (VIII–III вв. до н. э.) и последующих за ней археологических культур [См., например: Голдина, 1987: 6–37; Макаров, 1994: 10–34].

В *нижнечепецкой* группе северных удмуртов ученые выделяют две *подгруппы* - *слободскую и косинскую*. К *слободской* подгруппе относятся удмурты, проживающие в современном Слободском районе Кировской области, *косинская* включает в себя удмуртов Унинского, Зуевского, Богородского и Фаленского районов области. Населенные пункты *косинских* удмуртов расположены в бассейне р. Коса – левом притоке р. Чепцы [Атаманов, 2005; Косарева, 2000; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332, 110 л.].

В составе *косинской* подгруппы представлены две древнейшие этнолингвистические группы – *ватка* и *калмез*, между которыми имеются

существенные различия в языке, материальной и духовной культуре. Даже сегодня косинские удмурты могут указать, в каком селении живут ватка, а в каком – калмез. В отличие от удмуртов-ватка среди калмезов традиционная культура и родной язык почти не сохранились. Вероятно, отчасти этим объясняется меньший к ним интерес со стороны ученых и их малоизученность. В настоящее время, говоря о косинских удмуртах, прежде всего подразумевают удмуртов-ватка (калмезы почти полностью обрусели) [Атаманов, 2005; Косарева, 2000]. Автор данного исследования также опирается на материалы, собранные среди косинских ватка.

Территория современной Кировской области, бывшая Вятская земля, по многочисленным письменным, фольклорным, топонимическим, лингвистическим и археологическим данным, в конце I – начале II тыс. н. э. была заселена древними удмуртами. На Средней Вятке и низовьях Чепцы располагались поселения племенного объединения Ватка. С названием племени Ватка многие ученые связывают и происхождение названий реки и города Вятка [Атаманов, 2005: 61–70; Косарева, 2000: 23–102]. Первые русские поселения на р. Вятке появляются, по всей вероятности, в конце XII – начале XIII вв., среди них одно из первых – г. Вятка⁶, основанный в середине XIII в. По народным преданиям, на его месте до этого существовало удмуртское капище. Об этом свидетельствуют и материалы археологических раскопок: на Вятском городище – на территории г. Кирова обнаружено дорусское удмуртское поселение [Голдина, 1987: 6–37; Макаров, 1994: 10–34].

Взаимоотношения коренных жителей и пришлого славянского населения на первых порах были сложными: предания и письменные источники повествуют о военных столкновениях между ними. В частности, в д. Салтыки была построена каменная часовенка в память об убиенных в сражении с вотью,

⁶ 1374 г. – первое упоминание в летописи о г. Вятке. В 1457 г. город стал называться Хлыновым. В 1780 г. ему возвращено первоначальное название – Вятка, современное наименование Киров город получил в 1934 г. [Энциклопедия Земли Вятской, 1994: 87].

к ней еще в 40-е годы XX в. в летние дни стекался народ со всей округи, чтобы почтить память предков. Известны также крестные ходы русских Хлыновского уезда (слободские удмурты в них не участвовали), совершавшиеся вплоть до XVIII в., на р. Великую и с. Волковское – на места побоищ – для поминовения павших сородичей при сражениях с коренными жителями края. В дальнейшем, когда с разрушением племенного центра Ваткакар в XII–XIII вв. сопротивление удмуртов было сломлено и увеличением численности русских на р. Вятке, местное население стало избегать открытой конфронтации с переселенцами [Атаманов, 2005: 61–70; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332, 110 л.].

Численность русского населения в Вятском крае заметно возрастает во второй половине XIV в. с потоком беженцев из Нижегородско-Суздальской земли, опустошенной монголо-татарами. С конца XIV в. судьбу северных удмуртов история неразрывно связывает с деятельностью арских князей, относительно появления которых существует несколько версий, но неоспоримыми на данный момент являются лишь два факта: их происхождение из Арской земли (об этом говорит и их название, хотя этническая принадлежность определяется неоднозначно) и появление на Вятке не позднее конца XIV в. вместе с частью подвластных им южных удмуртов и бесермянами⁷ (чувашой). Переселенцы владели татарским языком и, очевидно, принесли с собой необычный для вятских удмуртов термин «аряне» (русские называли удмуртов «отяки», «вотяки») [Владыкин, 1993: 37; Рева, 1994: 113 – 114; Голдина, 1987: 27].

Арские князья вместе с пришедшими с ними арскими людьми расселились восточнее г. Хлынова в Карино. По мнению доктора филологических наук М. Г. Атаманова, селение Карино, ставшее впоследствии

⁷ Бесермяне – особая этническая группа, живущая среди северных удмуртов и говорящая на удмуртском языке. Проблема их происхождения, несмотря на обилие гипотез, все еще находится на стадии доказательств. Вероятнее всего, бесермяне имеют общее с удмуртами происхождение, хотя в их этническом оформлении, происходившем, очевидно, в болгарскую эпоху, не исключено участие какой-то тюркской группы, родственной позднейшим чувашам [Удмуртская Республика: Энциклопедия, 2004: 111].

центром Каринского стана и давшее второе название арским князьям на Вятке – каринские князья, было основано на месте удмуртского городища с селищем (удм. *кар* ‘городище; город’ + *ин* ‘место’) [Атаманов, 2005: 65]. Каринские князья, пользуясь своими связями и влиянием на инородческое население, в дальнейшем сыграли существенную роль в укреплении власти Москвы на Вятке и ликвидации Казанского ханства. Значителен был их вклад и в организацию обороны Вятской земли при столкновениях с неприятелем.

В XIII–XV вв. территория Средней Вятки представляла собой удобный путь для продвижения войск волжских булгар, золотоордынцев, казанских татар в их походах на Устюг, а для новгородских ушкуйников – в набегах на города Поволжья. В то же время и Вятка нередко подвергалась нападениям со стороны монголо-татар и ушкуйников, при этом разорению подвергались как удмуртские, так и русские поселения. Данное обстоятельство – необходимость совместной обороны против военной агрессии, – вероятнее всего, и стало побудительным мотивом для объединения отдельных самостоятельных волостей (Никулицына и Котельнича) в единую Вятскую землю и основания общей столицы. Письменных источников, освещающих структуру управления и социальный состав населения Вятской земли вплоть до XV в., пока не обнаружено, но основываясь на «Повести о стране Вятской...» и «Архангелогородском летописце», доктор исторических наук Л. Д. Макаров приходит к заключению, что государственный строй вятчан был во многом идентичен новгородскому и представлял собой не что иное, как феодальную республику. При этом удмурты, очевидно, участвовали в возведении г. Вятки и в XIII – XV вв. являлись его жителями, а удмуртская племенная знать была включена в систему управления города, но впоследствии были ассимилированы русскоязычным окружением. Антропологические материалы пяти городских кладбищ XVI–XVIII вв. фиксируют финно-пермскую примесь в физическом облике умерших жителей г. Вятки [Макаров, 1995: 86–87].

В условиях удаленности от основной территории Древней Руси Вятская Земля, судя по всему, в XV в. оставалась независимой и являлась скорее не владением великих князей, а их союзником, заключая время от времени с ними договоры. Однако в 1480 г. Русь окончательно освободилась от золотоордынского ига, в 80-е гг. XV в. пределы формирующегося Российского государства расширились за Урал. Вятская земля оказалась со всех сторон окруженной владениями великого князя. В этой ситуации попытки вятской феодальной верхушки, в число которых входили и арские князья, сохранить остатки независимости были обречены на провал. В августе 1489 г. московское войско после взятия г. Котельнич подошло к столице Вятской земли г. Хлынову и осадило его. Предвидя свое поражение, вятчане вывели за городские стены главных предводителей, которые впоследствии были казнены в Москве. Масса рядовых жителей в короткий срок подверглась процедуре приведения к присяге на верность великому московскому князю. Вместе с ними в состав Московского государства вошли и северные удмурты. Таким образом, соглашение об окончательном присоединении Вятской земли к Московскому великому княжеству было достигнуто без кровопролития, путем переговоров. Селения удмуртов и других народов края не подверглись опустошительному разгрому, мирное население не понесло жертв [Гришкина, 1994: 31–34; Макаров, 1995: 86–87].

После присоединения Вятской земли правительство взяло решительный курс на ликвидацию местного феодального землевладения. В 1490 г. Иван III подверг Вятскую землю обычному в таких случаях «разводу» – наиболее знатные и влиятельные вятские люди были вывезены и расселены по подмосковным городам-крепостям, находившимся на засечной линии, защищавшей Москву от набегов татар. Среди вывезенных вятских феодалов оказались, вероятно, и представители удмуртской знати: неслучайно еще в середине XIX в. два поселения в пределах Московского княжества назывались Отяково, а в Боровском уезде, по переписям начала XVII в., зафиксированы

поместья Новокрещеных, в том числе удмуртов [Гришкина, 1994: 51–52; Макаров, 1995: 90–91].

В начале XVI в., в период нового ухудшения отношений Москвы с Казанским ханством, усилилась миграция южных удмуртов на территорию соседней Вятской земли. Связи между южными и северными удмуртами еще более расширились после разорительных походов ханских войск на Вятскую землю в 1541–1542 гг. Северные удмурты вместе с другими вятчанами неоднократно приходили в пределы Казанского ханства для выкупа попавших в плен сородичей. Русское правительство всемерно поощряло миграцию южных удмуртов на Вятку, рассматривая эти процессы как один из способов увеличения своих людских ресурсов и ослабления ханства. Посредников во взаимоотношениях с подвластными ханству народами правительство видело в лице выходцев с территории Арской земли – арских князей, позиции которых на Вятке оно всячески стремилось укрепить. В этот период около Карино и в среднем и верхнем течении Чепцы оформляется имевший особый статус Каринский стан, впоследствии ставший основной территорией расселения северных удмуртов.

По мере ухудшения взаимоотношений с Казанским ханством, московское правительство все больше расширяло привилегии каринских феодалов, которые обладали достаточно полным объемом прав над зависимым от них инородческим населением – удмуртами, бесермянами, татарами. Грамотами 1510 и 1520 гг. каринские князья жалуются судебным и податным иммунитетом. Однако уже по реформе 1583–1588 гг. они потеряли все свои привилегии, лишились земельных владений и были юридически низведены до уровня черносошных крестьян. Северные удмурты царским указом от 1588 г. были выведены из-под юрисдикции местной вятской администрации и отнесены в податном и судебном отношении непосредственно в ведение

московского приказа. Такое их экстерриториальное положение сохранялось вплоть до 1686 г. [Макаров, 1995: 92–93; Гришкина, 1994: 57–58].

В XVII–XVIII вв. небывалое усиление феодально-крепостнического гнета в Российском государстве явилось причиной массового бегства крестьян. В русских станах и волостях бегство приобрело огромные размеры. На Вятке усилившийся приток русских крестьян из районов Поморья вынуждал удмуртов покидать свои исконные территории. В течение XVII в. удмурты окончательно оставляют среднее и верхнее течение Вятки и сосредотачиваются в бассейне Чепцы, в основном по ее среднему и верхнему течению. Лишь небольшая часть северных удмуртов расселяется в привятских лесах по правому берегу нижней Чепцы, и именно из этой части в дальнейшем сформировались слободская и косинская группы нижнечепецких-ватка. Основным ядром косинских удмуртов-ватка явились переселенцы, мигрировавшие в бассейн р. Косы в конце XVII в. из-под Слободского. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и народные предания, схожесть фамилий и воршудно-родового состава. Однако в формировании косинских удмуртов, по всей вероятности, принимали участие не только выходцы из Слободского района, так как между двумя родственными группами нижнечепецких ватка существуют определенные различия в традиционной одежде и в языке, особенно в его лексическом составе [Косарева, 2000: 92–98; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332, 110 л.] .

В XVIII в., по сравнению с предшествующим периодом, многократно возрос податный и налоговый гнет государства. Например, с 1701 г. были введены постоянные мобилизации работных людей для строительства городов и крепостей. Так, удмурты Каринской волости в 1705 г. поставляли на строительство Архангельска по человеку с каждых пяти дворов, снабжая мобилизованных деньгами на питание, снаряжение и заготовку строительных материалов. С 1705 г. на нерусские народы Волго-Камья всей тяжестью легла

рекрутская повинность, ставшая для них, особенно из-за незнания русского языка, одной из тягчайших. В 1706 г. налогом было обложено право северных удмуртов на изготовление национального напитка – кумышки. [Гришкина, 1994: 120–136].

Непосильное бремя тягот Северной войны, промышленного строительства, возведения крепостей и новой столицы, рекрутская повинность вызывали массовые выступления крестьян против налоговой политики правительства. Утайка дворов, душ мужского пола, слияние отдельных семей в один хозяйственный двор, бегство являлись основными формами протеста против невыносимого податного гнета. Часть беглых уходила в Башкирию. Например, к 1736 г. бежавшими «в башкирцы» числились 210 душ мужского пола жителей Каринской бесермянской и удмуртской долей. Распространенной формой движения среди удмуртских крестьян была и подача челобитных во всевозможные правительственные инстанции, в которых они с гневом и возмущением повествовали о своем бесправии, разорении, злоупотреблениях властью имущих и своих духовных пастырей [Гришкина, 1994: 120–135]. В то же время недовольство и протест северных удмуртов не приобретали форму организованной вооруженной борьбы. Не были они активно вовлечены и в Крестьянскую войну 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева, хотя отзвуки восстания в виде волнений мастеровых и крестьян достигли самых глухих уголков Вятского края.

Много жалоб и нареканий вызывали действия духовенства по насильственной христианизации удмуртов. Вятская епархия была создана в 1657 г., но деятельность церкви по ликвидации язычества особенно активизировалась в XVIII в. Излишняя назойливость миссионеров вызывала не только жалобы, но и открытое противодействие. Проповедников, посланных для их увещевания, удмурты беспощадно избивали. Однако, несмотря на массовость, выступления удмуртов против насильственной христианизации

были совершенно стихийными и относительно легко подавлялись воинскими командами [Гришкина, 1994: 124–129].

Как уже отмечалось, удмуртское население Вятского края, начиная с XVII в., было преимущественно сосредоточено на территории Каринского стана, который делился на доли и волости. В начале XVIII в. выделялось 6 долей, в том числе 4 удмуртские и по одной – татарская и бесермянская. В исторической памяти северных удмуртов достаточно четко сохранилось представление о своем происхождении: исследователями в разные периоды записана масса народных преданий, рассказывающих о переселении предков чепецких удмуртов из-под Хлынова. Миграционные процессы, которыми северные удмурты были охвачены начиная с XV–XVI вв. вплоть до конца XIX в., приводившие к постоянному пересечению и смешению различных воршудно-родовых групп, способствовали большему их сплочению. Определенную роль в объединении чепецких удмуртов сыграла, по-видимому, и политика царского правительства по отношению к единственному коренному «инородческому» народу Вятки: будучи сосредоточены на территории одной административно-территориальной единицы и испытывая общие лишения и нравственные переживания, они вынуждены были объединять усилия в борьбе за свои права и свободы. Социально-экономическое развитие края также способствовало расширению и интенсификации связей между различными группами чепецких удмуртов. Излишки со своих хозяйств они реализовывали на крупных рынках городов Слободской и Глазов, в с. Уни, куда в базарные дни приезжали удмурты с достаточно отдаленных уголков края.

В ходе реализации губернской реформы 1775–1780 гг. территория Каринского стана была разделена между тремя округами – Слободским, Кайским и Глазовским – в составе Вятского наместничества. В 1796 г. наместничество преобразовано в губернию, округа – в уезды. В XIX в. к территории Глазовского уезда была присоединена северная часть

ликвидированного Кайского округа (от истоков Камы на востоке и до р. Чепцы на западе). Основная часть северных удмуртов, в том числе проживающих в современном Унинском районе Кировской области, отошла к Глазовскому уезду. Удмурты современного Слободского района, населявшие территорию близ поселения Карино, вошли в состав Слободского уезда. Таким образом, при проведении административно-территориального деления правительство не учло исторически сложившегося расселения северных удмуртов [Унинский район, 1999: 9–11; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332, 110 л.].

В конце XIX в. в Глазовский уезд входили 42 волости. Занимая одно из первых мест в Вятской губернии по площади, он был одним из наиболее малонаселенных. По переписи 1897 г., на его территории проживало удмуртов – 41,6%, русских – 54,7%, татар – 2,1%, коми – 1,5%. Это был самый «инородческий» район губернии. Несмотря на неблагоприятные почвенно-климатические условия, экономика уезда базировалась на сельском хозяйстве: в конце XIX в. 98,7% населения относилось к крестьянскому сословию. Удмурты Слободского уезда (по переписи 1897 г. – 6,1 тыс. человек) также продолжали оставаться крестьянами, хотя в расположенном относительно недалеко от населенных пунктов слободских удмуртов в г. Слободском в конце XVIII– XIX в. активно развивается мелкотоварное производство [Рева, 1994: 117–133; Гришкина, 1994: 156–175].

В период революционных преобразований начала XX в. затерянные в лесах населенные пункты северных удмуртов были относительно пассивно вовлечены в национально-освободительное движение «инородческих» народов Волго-Камья. Так, если в среде закамских удмуртов в с. Большой Гондырь современного Куединского района Пермской области молодые учителя-удмурты уже в 1901 г. организовали тайный кружок единомышленников с целью активного включения соплеменников в национально-политическое движение по освобождению от социального и национального гнета, а завятские

удмурты занимались просветительской, пропагандисткой и агитационной работой, в том числе через Общество малых народностей Поволжья, которое уже в мае 1917 г. организовало I съезд народностей Поволжья, то северные удмурты объединились в «Глазовское культурно-просветительное общество» и начали активную работу лишь после всех этих событий. При этом следует отметить, что основная масса крестьян-удмуртов все же, по-видимому, оставалась в стороне от его деятельности. В частности, в протоколе III съезда удмуртов Глазовского уезда, проходившего в марте 1918 г., отмечается, что в его работе участвовали делегаты только из 11 волостей, в то время как удмурты из остальных 12 волостей уезда на съезд не приехали. В протоколе также зафиксировано, что во время работы съезда в ответ на предложение выступить с мест в прениях воцарилось длившееся достаточно долго гробовое молчание. Эти и многие другие схожие факты свидетельствуют о некоторой инертности северных удмуртов в ходе революционных преобразований, на что указывали в своих выступлениях и активисты Глазовского культурно-просветительного общества [См., например: Павлов, 2000: 3–69]. Относительная пассивность северных удмуртов, вероятно, объясняется отсутствием у них опыта освободительной борьбы, который в силу особенностей исторического развития был у их южных соплеменников, а также их достаточной изолированностью от других «инородческих» народов Волго-Камья, объединивших свои усилия в процессе созидания нового государства. Массивы причепецких лесов, в течение веков укрывавшие и спасавшие северных удмуртов, по-видимому, все еще создавали иллюзию возможности выжить и сохранить свой род, не изменяя привычного уклада жизни.

В ходе создания Вотской автономной области в 1920 г. территория Глазовского уезда была включена в ее состав не полностью. Земли удмуртов, живших вдоль р. Коса (хотя они граничат с современными северными районами Удмуртии), не вошли в состав автономии. Не была включена в ВАО и территория проживания слободских удмуртов, достаточно удаленная от

основного массива расселения северных удмуртов. Таким образом, нижнечепецкие удмурты в процессе национально-государственного строительства 20-х годов XX в. были оторваны от непосредственного участия в преобразовательной-созидательной деятельности по построению собственной государственности, хотя продолжали поддерживать активные связи с другими группами чепецких удмуртов. Например, во время нашей экспедиции в 2005 г., старожилы вспоминали, что слободские и косинские удмурты даже в послевоенные годы (после Великой отечественной войны 1941–1945 гг. – И. Ш-З.) предпочитали ездить торговать на базар в г. Глазов, так как «народ там жил побогаче». По словам же молодых респондентов, и «сегодня слободские удмурты обеспечивают поросятами весь Глазовский район Удмуртии» [Унинский район, 1999; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332, 110 л.].

Длительная оторванность от основного этнического ядра, многовековая жизнь в иноэтническом окружении не могла не отразиться на формировании историко-культурного облика нижнечепецких ватка, в материальной и духовной культуре которых прослеживается сильное русское влияние. Тем не менее, именно косинским и слободским удмуртам удалось сохранить наиболее архаичные формы традиционных костюмных комплексов женской одежды, в то время как древняя национальная одежда завятских удмуртов, находящая прямые параллели с нижнечепецкой, в ходе исторического развития и в результате иноэтнического влияния претерпела существенные изменения. Исследование костюмных комплексов слободских и косинских ватка дало возможность ученым найти дополнительные аргументы, свидетельствующие о едином происхождении самой северо-западной – нижнечепецкой – и самой юго-западной – завятской – групп удмуртов [Косарева, 2000: 23–102; Атаманов, 2005: 61–70, 92–103].

На современном этапе среди удмуртов Кировской области происходят активные ассимиляционные процессы, особенно усилившиеся в 70-е годы XX

в., когда в ходе реализации политики укрупнения населенных пунктов многие деревни слободских и косинских удмуртов были признаны неперспективными. Ассимиляционные процессы приобрели почти необратимый характер, начиная с 90-х годов XX в. Неблагополучная социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Кировской области в постперестроечные годы, вынуждает слободских и косинских удмуртов в поисках работы уезжать из сельской местности в города и другие регионы, что приводит к дальнейшему исчезновению удмуртских деревень. Болезненно переживая процессы потери этнической идентичности, усугубленные проблемами социального и экономического развития региона, нижнечепецкие удмурты ждут и надеются на моральную, политическую, экономическую поддержку со стороны Удмуртской Республики, которую они воспринимают как последнюю инстанцию, способную помочь потомкам древнейших жителей Вятской земли сохраниться как часть большого удмуртского этноса [Унинский район: 1999; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332, 110 л.].

Удмурты Балтасинского и Кукморского районов Республики Татарстан, Мари-Турекского района Республики Марий Эл относятся к *завятской (арской, приказанской)* группе южных удмуртов. Названия «завятские», «приказанские» связаны с современным расселением данной группы по берегам рек и небольших ручьев, входящих в бассейн р. Вятки, относительно недалеко от г. Казани. «Арской» группа обозначается по названию Земли и одноименного княжества, где с древнейших времен жили удмуртские родоплеменные группы, которых тюркские народы края называли *ар – человек, мужчина, муж* [Кельмаков, 1970: 189–193; Чураков, 2000: 55–61].

Удмуртов Кукморского и Мамадышского районов Татарстана ученые относят к *кукморско-мамадышской подгруппе* арских удмуртов. Удмурты Балтасинского района Татарстана, Мари-Турекского – Марий Эл, а также Малмыжского – Кировской области образуют *шошминскую (балтасинско-карлыганскую) подгруппу* завятских удмуртов. Название второй подгруппы

связано с названием р. Шошма, в бассейне которой расположено подавляющее большинство удмуртских деревень. У кукморско-мамадышских и шошминских удмуртов отдельные говоры, свой воршудно-родовой состав, имеются небольшие различия в одежде, фольклоре. Брачно-родственные связи между данными подгруппами арских удмуртов были довольно редки; общественные моления также проводились отдельно, за исключением моления в Арске (Арче). В настоящее время верующие обеих подгрупп в подавляющем большинстве исповедуют православие [Атаманов, 2005: 92–103; Кельмаков, 1998].

Как уже отмечалось, предки удмуртов, ананьинско-пьяноборские племена Волго-Уральского региона, контролировали все крупные водные артерии Среднего Поволжья – Каму, Белую, Вятку. В середине I тыс. н. э., под напором многочисленных пришельцев азиатских степей и племен Сибири во время великого переселения народов, значительная часть праудмуртских родоплеменных групп была вынуждена уйти из обжитых южных территорий в более северные малообжитые лесные районы. В этот период основная масса древнеудмуртского населения сосредотачивается в бассейне р. Вятки. [Иванова, 1994: 79–82; Владыкин, 2003: 55–70].

Вслед за первой волной кочевых тюркских племен из азиатских степей в VIII в. н.э. в Среднее Поволжье из южнорусских степей переселяются болгарские племена. На рубеже IX–X вв. н. э., подчинив местные финно-угорязычные и тюркоязычные племена, они создают свое государство и принимают ислам [Татары, 2001: 55–61; Татарский энциклопедический словарь, 1998: 118–119].

Одна из факторий болгар – Елабужское Чертово городище (удм. *Шайтан черык*) – была создана в среде южных удмуртов у слияния р. Тоймы с Камой. Болгарская крепость возникла на месте древнеудмуртского поселения. Правобережные прикамские и левобережные вятские земли южных удмуртов болгарам завоевать не удалось. Поселения же нижекамских удмуртов-аров, особенно по левобережью, вошли в состав Болгарии. Значительная часть

жителей удмуртских поселений, особенно родоплеменная знать и торговцы, со временем приняв ислам, влилась в состав волжско-камских булгар [Атаманов, 1987: 85–90; Татары, 2001: 55–61].

Как отмечается в Татарском энциклопедическом словаре, «булгары оказали сильное влияние на этнокультурную историю народов Среднего Поволжья и Приуралья (татар, чувашей, башкир, бесермян и др.)...» [Татарский энциклопедический словарь, 1998: 96]. Необходимо отметить, что данное влияние было взаимным. Участие местного финно-угорского населения в формировании булгар, а впоследствии – волго-камских татар, подтверждается данными антропологии [Татары, 2001: 35–38].

О тесных связях древних удмуртов со своими южными соседями говорят и данные языка: в удмуртском языке выявлено около 200 тюркских заимствований булгаро-чувашского типа, имеющих отношение к сельскохозяйственному производству, животноводству, ткачеству, торговле, семейным, религиозным, общественным делам и отношениям. Этот процесс был обоюдным: булгаро-чувашаи заимствовали ряд слов из древнеудмуртского языка [Атаманов, 1987: 85–90].

Ары – самое раннее (из известных в источниках) название удмуртов. Из сообщений арабских географов и путешественников IX–XII вв. (ал-Истархи, Ибн-Хаукаль, ал-Идриси, ал-Гаранати и др.) следует, что «у Булгара есть области Вису и Ару, жители которой платят харадж»; ведут оживленную торговлю с булгарами; спускаются по воде, но никого из чужеземцев не пускают на свою землю; жители страны имеют своего царя, который сидит в г. Арса [Чураков, 2000: 55–61; Атаманов, 2005: 11–16].

В русских летописях город Арск становится известным в XIII в. В XIV в. упоминаются Арская земля, аряне, арские люди, а в XV – первой половине XVI вв. сведения об Арском городке, Арской земле, арских князьях уже достаточно часты. Границы Арской земли в источниках не указываются, но картография удмуртских топонимов показывает, что они распространены на

всей территории междуречья Нижней Вятки, Камы и Волги, включая бассейн р. Шошмы и верховья р. Илеть на северо-западе. Можно заметить, что удмуртские топонимы несколько удалены от крупных рек и особенно плотно заполняют бассейн р. Шошмы и прилегающие верховья р. Казанки. По-видимому, эту территорию правомерно рассматривать как максимальные пределы Арской земли [Иванова, 1994: 79–82; Владыкин, 2003: 55–70].

В первой половине II тыс. н.э. под напором тюркской и славянской колонизаций Поволжья к р. Вятке вышли марийские племена, оттеснив при этом правобережных удмуртов на левобережье. Марийцы р. Вятку до сих пор называют «Виче», а «вис» с удмуртского переводится как «граница», «межа». «Тюр мланде» – «окраинная земля» – так была прозвана марийцами правобережная вятская земля. Удмурты ее левобережье обозначили тоже как «дур», что значит «окраина» [Турекская сторона, 2000: 9–10].

В 1236–1240 гг. Волжско-Камская Булгария подпала под иго Золотой Орды, а в 1438 г. – Казанского ханства, образованного в результате распада Золотой Орды. Население Волжско-Вятского междуречья, в том числе южные удмурты, оказалось в положении поработенных народов, ясачных «черных» людей («ясачные чуваша» или «бесермен»). Ясачное население должно было платить сельский, поземельный, подымный, подворный и другие налоги, общее число которых достигало двадцати. Основной из них – ясак – брался пушниной, хлебом, медом, скотом и продуктами. На ясачных «черных» людях также лежала обязанность выполнять различные повинности, в том числе в строительстве военных укреплений. По первому повелению хана оно призывалось на войну в качестве ополчения. Удмурты (аряне, арские люди) неоднократно восставали против гнета казанских ханов и феодалов, скрывались от непомерных налогов и повинностей в глухих малодоступных лесных дебрях, мигрировали на р. Вятку [Гришкина, 1994: 34–44; Турекская сторона, 2000: 10–13; Татары, 2001: 103–105].

Согласно письменным источникам и удмуртским преданиям Арская земля предстает как один из двух исторических центров расселения удмуртов в эпоху средневековья. По упоминаниям в русских летописях, в совокупности с фольклорными и лингвистическими сведениями, это объединение предстает как достаточно сильное удмуртское княжество со столицей в г. Арске (удм. *Арча*), расположенном на высокой горе, где жил удмуртский князь (*эксей*). О наличии Арского княжества, игравшего заметную роль в Казанском ханстве и принимавшего участие в междоусобной борьбе, свидетельствуют и татарские предания. Арские люди играли заметную роль во внутривосточной жизни ханства, арские князья входили в состав признанной знати. К XVI в., ко времени взятия Арска войском Ивана Грозного, он был хорошо укрепленным городом с башнями, бойницами, где вмещалось около 15 тысяч человек [Гришкина, 1994: 34–44; Иванова, 1994: 79–82].

С 1487 по 1507 гг. Казанское ханство находилось под Московским протекторатом, установленным после взятия Казани войсками великого князя московского Ивана III. После войны 1505–1507 гг. протекторат был ликвидирован, отношения между Казанским ханством и Русским государством резко обострились. В середине 40-х гг. XVI в. Русское государство начинает решительную борьбу за окончательную ликвидацию ханства и присоединение его территории. Южные удмурты вместе с другими поработенными народами были заинтересованы в этом, так как в условиях жесткого режима угнетения в Российском государстве они видели своего освободителя. Арские люди не раз поднимали восстания в поддержку Москвы. 19 августа 1552 г. 150-тысячная русская армия осадила Казань. Часть феодально-патриархальной верхушки южных удмуртов выступила на стороне казанских ханов. Действия арских князей подставили под неизбежный удар и мирное население Арской земли. На Арскую сторону Иван Грозный отправил 3 усиленных полка. После двухдневной осады было взято Арское городище. В результате десятидневного похода было сожжено много деревень и сел, в том числе и Арск, взято в плен и побито

огромное количество не только воинов, но и мирного населения, стариков, женщин, детей, разграблено имущество, 12 арских князей взято в плен и убито у стен осажденной Казани. 2 октября 1552 г. Казань пала. Оставшиеся в живых после разгрома Арской стороны южные удмурты откликнулись на призыв русской ставки и били челом государю о принятии их в подданство русского царя [Гришкина, 1995: 108–120; Турекская сторона, 2000: 10–13; Татары, 2001: 103–105].

Непременным условием, которое должны были безоговорочно принять будущие подданные Русского государства, была уплата ясака. Победенным не предоставлялись никакие привилегии и пожалования. Таким образом, жестокий ханский гнет сменился новым, и вхождение в состав Русского государства не принесло южным удмуртам ожидаемого освобождения от угнетения и даже какого-либо облегчения участи. В то же время их хозяйству в ходе казанской войны был нанесен непоправимый урон. Сбор ясака русской администрацией и злоупотребления, проявленные при этом, в 50-е гг. XVI в. вызвали несколько восстаний народов Поволжья, в которых активное участие принимали аряне. Царская администрация принимала решительные меры против восставших и проводила активные карательные операции. К 1557 г. силы повстанцев были истощены, и к маю царские войска ликвидировали последние очаги восстаний. В ходе карательных мероприятий правительства Арская сторона несколько раз подвергалась полному опустошению, погибло огромное количество людей, почти целиком была ликвидирована феодально-патриархальная знать южных удмуртов – князья, мурзы, сотные князья, десятники и др. Арская земля лежала в развалинах. В этот тяжелейший период истории удмуртского народа начались массовые переселения всех воршудно-родовых групп. Уцелевшие остатки арского населения, оставив территорию Заказанья, передвинулись в лесные массивы Предкамья. В результате этих переселений опустели одни территории, например, южная и центральная части Арской земли, зато образовались новые, особенно в Приуралье. Покинутые земли были розданы русским помещикам,

казанскому архиепископу, монастырям и местным феодалам, отличившимся верной службой Москве [Гришкина, 1994: 34–44; Татары, 2001: 103–105].

Таким образом, удмурты Балтасинского и Кукморского районов Республики Татарстан и Мари-Турекского района Республики Марий Эл являются потомками древнего населения нижекамско-средневожского региона – пьяноборско-азелинских племен, создавших Арское княжество. Об этом свидетельствуют архивные документы, предания завятских удмуртов, многочисленные археологические памятники. Еще в 70-е годы XX в. М. Г. Атаманову в среде приказанских удмуртов удалось записать множество преданий-воспоминаний об Арске. Дата основания современных населенных пунктов завятских удмуртов в основном относится к концу XVI – XVII вв., и расположены они на северной окраине бывшего Арского княжества [Атаманов, 2005: 11–16, 92–103; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1322, 51 л.; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1325, 30 л.].

В Казанском крае сразу после его присоединения к Русскому государству была введена система воеводского управления. Южными удмуртами (арскими людьми) в первые десятилетия XVI в. управляли казанские воеводы. С 1576 г., после подавления очередного восстания местных народов, самостоятельного воеводу, либо голову стали назначать и в пригород Арск – административный центр Арской дороги. Упрочению царской власти во вновь присоединенных землях должна была содействовать православная церковь. В 1555 г. была создана Казанская епархия, главной миссией церковников являлось крещение нерусских народов и обучение их христианскому закону. Новокрещены должны были стать опорой центральной власти в провинциях многонационального государства. До присоединения к Русскому государству, в середине XVI в., южные удмурты придерживались традиционных языческих верований. Большие общественные моления проходили в Арске, куда собирались не только завятские удмурты, но и удмурты из южных и центральных районов территории современной

Удмуртии, выходцы из Арской земли [Шутова, 1992: 97–104; Тавадов, 1998: 131].

На начальном этапе христианизации переход «иностранцев» в лоно христианской церкви был добровольным и сопровождался податными льготами. Этими мерами, а также освобождением от наказаний за преступления и принуждением, часть удмуртского населения была обращена в христианство, но христианизация носила формальный характер. Это подтверждается и археологическими данными. Анализ материала поздних могильников, расположенных на территории проживания завятских удмуртов, показал, что в обряде захоронения умерших вплоть до конца XIX в. сохраняются стойкие языческие традиции. В конце XVII–XVIII вв. усилившийся феодально-крепостнический гнет стал сопровождаться беспощадной борьбой церкви с языческими суевериями. Письменные источники и археологические материалы подтверждают, что проводимая царским правительством христианизация нерусских народов со второй четверти XVIII в. приобретает насильственный характер. Насильственное насаждение христианства усугубляло и без того тяжелое социально-экономическое положение «иностранцев» и воспринималось удмуртами как покушение на их самостоятельное этническое существование. Южные удмурты вместе с другими народами края не раз поднимались на вооруженную борьбу против произвола царских властей и церкви, кульминационным моментом которой стала Крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева. В ней южные удмурты, в абсолютном большинстве являвшиеся государственными крестьянами, принимали самое активное участие [Гришкина, 1994: 72–136].

В административном плане удмуртские населенные пункты современного Балтасинского и Кукморского районов Татарстана в XVII в. относились к Арской дороге Казанского уезда. По губернской реформе Петра I начала XVIII в. весь Казанский уезд вошел в Казанскую губернию. В ее же

рамках кукморские и балтасинские удмурты остались и после административно-территориального деления, проведенного в 1775–1780 гг. Екатериной II. Большая часть деревень кукморских удмуртов вошла в Мамадышский уезд (создан в 1781 г.), а балтасинских – в Казанский уезд.

Удмуртские населенные пункты современного Мари-Турекского района Республики Марий Эл были основаны в конце XVIII в. В частности, с. Большой Карлыган, исторический, культурный и образовательный центр удмуртов Республики Марий Эл, основано в 1795 г. некрещеным удмуртом Ураком, уроженцем д. Старая Ципья современного Балтасинского района Татарстана. По губернской реформе 1775 г., Турекская волость с центром в с. Турек отошла к Уржумскому уезду Вятской губернии, соответственно и удмуртские деревни вошли в ее состав [Гришкина, 1994: 73–77, 107–110; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1322, 51 л.; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1325, 30 л.].

К концу XIX в. основная масса южных удмуртов проживала в Сарапульском, Малмыжском и Елабужском уездах Вятской губернии. В первой половине XIX в. началось активное освоение территории южных удмуртов русскими крестьянами-переселенцами из других уездов. В результате этих процессов с 1795 по 1850 гг. численность русского населения на территории края почти удвоилась. В это же время территория проживания балтасинских и кукморских удмуртов в основном осваивалась татарским населением Казанской губернии. По данным первой переписи населения Российской империи 1897 г., в Казанском и Мамадышском уездах Казанской губернии проживало 9,7 тыс. удмуртов. К началу XX в. удмурты современного Балтасинского и Кукморского районов Татарстана оказались в окружении абсолютного татароязычного большинства. Данное соотношение сохраняется до сих пор. Так, по переписи 1989 г., в Кукморском районе проживало татар – 76,9%, удмуртов – 14,5%, русских – 6,3%; в Балтасинском – татар – 84,3%, удмуртов – 13,5%. Этнический состав населения Мари-Турекского района отличается большим разнообразием:

на начало 2000 г. здесь насчитывалось 51,2% марийцев, 22,8% русских, 17,4% татар, 8,1% удмуртов [Шкляев, 1993: 53–56; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1322, 51 л.; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1325, 30 л.].

В годы становления советской власти, приказанские удмурты принимали активное участие в национальном движении, они с нетерпением ждали создания Удмуртской автономии [См., например: Павлов, 2000: 205–206]. Этому способствовал и тот факт, что г. Елабуга, уездный центр Вятской губернии, один из главных политико-просветительских центров удмуртов, располагался в приграничье с Казанской губернией, что облегчало налаживание связей между удмуртами двух административно-территориальных образований. Немаловажную роль в консолидации приказанских удмуртов со своими сородичами из Вятской губернии сыграли также их общие воршудно-родовые корни: на территории Елабужского уезда проживало немало потомков древних арян, переселенцев из Арской земли [Павлов, 2000; Атаманов, 2005: 70–92].

Надежды приказанских удмуртов на объединение со всем удмуртским этносом в рамках удмуртской автономии не оправдались. В 1920 г. Декретами ВЦИК и СНК, подписанных В.И. Лениным и М.И. Калининым, 27 мая была образована Татарская АССР, 4 ноября - Вотская АО и Марийская АО. Согласно утвержденным границам, территории проживания балтасинских и кукморских удмуртов оказались в составе Татарской АССР, а карлыганских – Марийской АО. Данное соотношение границ сохраняется до настоящего времени [Турекская сторона, 2000: 34–35; Татарский энциклопедический словарь, 1999: 469].

Территориальное разъединение не привело к обособлению арских удмуртов от остальной части этноса. В течение веков завятские удмурты поддерживали контакты со своими сородичами из южных районов современной Удмуртии. В исторической памяти народа сохранились предания о вынужденной миграции их общих предков с Арской земли, о принадлежности

к общим воршудно-родовым корням, совместной борьбе против тюркской, марийской, русской колонизаций края. Активное участие в национально-освободительном движении «инородческих» народов конца XIX – начала XX вв. укрепило связи приказанских удмуртов с удмуртами, проживающими в других регионах России, послужило пробуждению этнического самосознания, стремления к консолидации. Оказавшись оторванными от «материского» ядра своего этноса, завятские удмурты, тем не менее, до сих пор продолжают поддерживать активные связи с титульной республикой. События, происходящие в метрополии, находят среди них живой отклик, вызывают большой интерес и чувство сопричастности. Многие выдающиеся деятели в области культуры, образования, науки Удмуртии являются выходцами из кукморских и балтасинско-карлыганских удмуртов. Удмуртская Республика воспринимается приказанскими удмуртами как субъект России, выражающий и защищающий интересы всего удмуртского народа, где гарантировано дальнейшее существование этноса.

Удмурты Куединского района Пермской области, Татышлинского и Янаульского – Республики Башкортостан относятся к закамской этнографической группе южных удмуртов. В данную группу некоторые ученые включают разнодиалектные группы удмуртского населения Татарии, Башкирии, Пермской и Свердловской областей, локализованных за р. Камой, другие к ней относят лишь удмуртов Башкирии и соседнего Куединского района Пермской области [Миннихметова, Христюлова, 1996: 581-582; Миннихметова, Христюлова, 1999: 119-130; Миннихметова, 2000: 3-5; Садиков, 2001: 16-49; Черных, 2002: 4-5; Атаманов, 2005: 113-132].

Закамская группа сформировалась в результате переселения части удмуртов с мест традиционного расселения на башкирские земли, начавшегося в XV–XVI вв. и продолжавшегося до конца XIX в. Для представителей этой группы характерны общие черты в традиционной материальной и духовной культуре. В конфессиональном отношении закамские удмурты, за исключением

двух небольших крещеных подгрупп, являются приверженцами традиционных верований [Миннияхметова, 2000: 3–5; Садилов, 2001: 16–49; Черных, 2002: 4–5].

Среди основных причин переселения удмуртов на башкирские земли исследователи называют сокращение свободных земель в связи с расширением русской колонизации, усиление социального гнета и начало насильственной христианизации. Современное удмуртское население Закамья миграцию предков связывает лишь с последней причиной [Миннияхметова, 2000: 4; Садилов, 2001: 16–17], что отрицается М. Г. Атамановым. Он считает, что подобные версии не соответствуют действительности, так как большинство первых крупных поселений закамских удмуртов было основано до начала массового крещения в Волго-Камье. По его мнению, уходить «в бега» людей вынуждали, прежде всего, социально-экономические причины периода петровских реформ начала XVIII в. [Атаманов, 2005: 113–119].

Анализ лингвистических особенностей говоров закамских удмуртов, характера размещения воршудно-родовых образований, а также архивные документы, народные предания дают веские основания считать, что в Закамье переселялись в основном южные удмурты с небольшим участием северных и бесермян [Атаманов, 1982: 89–126; Косарева, 2000: 174–193; Насибуллин, 1997: 12].

Переселенцы селились на башкирских землях в качестве припущенников. Они заключали с башкирами-вотчинниками припускные договора и поэтому, кроме кунного ясака в казну, платили оброк за землю башкирам [Садилов, 2001: 22; Черных, 2002: 4]. Для закамских удмуртов характерно кустовое расселение – деревни, связанные общностью происхождения, располагаются компактными группами. Один из таких кустов, причем самый крупный, был образован рядом деревень, находящихся на территории современного Башкортостана и деревнями Сухая Кирга, Шагирт, Большой Гондыр Куединского района Пермской области. Жители этих

поселений также составляли языческую религиозную общину и устраивали совместные моления [Садиков, 2001: 30–36].

Удмуртов Куединского района Пермской области и Янаульского – Башкортостана ученые относят к *буйско-таныпской подгруппе* закамских удмуртов; удмурты Татышлинского района Башкирии образуют особую, *татышлинскую*, подгруппу [Атаманов, 2005: 113–115; Черных, 1998: 95].

Из всех групп удмуртов закамские испытали наиболее сильное тюркское влияние не только в языке, но и в материальной, духовной культуре. Контакты не ограничивались одними лишь этнокультурными заимствованиями. Немало переселенцев, особенно из зажиточных, под влиянием мусульманских миссионеров, владевших удмуртским языком, перенимали ислам. Став мусульманами, они полностью отрекались от своих национальных традиций, переходили на татарский или башкирский язык общения даже в кругу своей семьи [Атаманов, 2005: 126–127; Черных, 1998: 46, 95].

После падения Казанского ханства в 1552 г. и Астраханского – в 1556 г., башкиры приняли предложение царского правительства о вхождении в состав Русского государства. В соответствии с Жалованными грамотами царя, правительство согласилось оставить за башкирами земли на условиях вотчинного права, но по мере укрепления своих позиций, оно с середины XVII в. приступает к захвату башкирских земель [Бикбулатов, 2002: 19–20, 162–163, 176–186; Валеев, 1989: 89–93]. Подобные действия вызвали серию башкирских восстаний XVII–XVIII вв., направленных против экономической и идеологической экспансии царских властей. Колонизаторская политика затрагивала и интересы переселенцев, так как именно с башкирами в свое время они заключали припускные договора, позволявшие обрабатывать арендованные земли. Данное обстоятельство отчасти объясняет, почему закамские удмурты активно поддерживали борьбу башкирских повстанцев за свои земли и свободу. Совместно с башкирами переселенцы также выступали в Крестьянской войне

под предводительством Е. Пугачева [Акманов, 1996: 151–153; Валеев, 1989: 96–109, 91–93; Юлдашбаев, 1995: 90].

После жестокого подавления Пугачевского восстания царское правительство приступает к укреплению своих позиций на окраинных территориях. В конце XVIII в. по указу Екатерины II была проведена административно-территориальная реформа. В результате территориальных делений была образована Оренбургская губерния, включавшая в том числе современный Башкортостан, и Пермская губерния, куда входила территория современной Пермской области [Башкортостан: Краткая энциклопедия, 1996: 34; Черных, 1998: 68–69]. Соответственно, большая часть поселений удмуртов-переселенцев оказалась в рамках Бирского уезда Оренбургской губернии, а часть удмуртских деревень по р. Буй – Осинского уезду Пермской губернии [Садиков, 2001: 22].

Данное территориальное разъединение, похоже, явилось, началом этнокультурного отдаления куединских (буйских)⁸ удмуртов от сородичей, живущих по соседству, но относящихся к иному административно-территориальному образованию. Дело в том, что Осинский уезд, к которому были отнесены поселения куединских удмуртов был самым полиэтничным в Южном Прикамье⁹. В конце XVIII – первой половине XIX в. земли в верхнем и среднем течении р. Буй и верховья р. Танып активно заселялись русскими, и местные удмурты оказались в окружении абсолютного русскоязычного большинства. Удмурты же Бирского уезда Оренбургской губернии жили в окружении в основном башкир и татар и тесных, постоянных контактов с русскоязычным населением не имели. Взаимодействие с различными этническими «мирами» повлияло на формирование особенностей в культуре, быту и образе жизни куединских и башкирских удмуртов [Черных, 1998: 46–79, 68–69, 100; Ковязин, Шитова, 1996: 504–505].

⁸ Удмуртов Куединского района Пермского края называют «куединскими» - по названию районного центра, или «буйскими» - по названию р. Буй.

⁹ Куединский, Чайковский, Чернушинский, Октябрьский, Уинский, Суксунский, Ординский, Кишертский, Кунгурский, Бардымский, Еловский и Осинский районы Пермской области [М. Черных, 1998: 39–40].

После Октября 1917 г. башкиры первыми среди народов Урало-Поволжья получили автономию. В марте 1919 г. была провозглашена Башкирская АСР, включавшая южную, юго-восточную, северо-восточную части современного Башкортостана (так называемая Малая Башкирия). В 1922 г. в состав Автономной Советской Башкирской Республики вошли Уфимский, Бирский, Белебеевский уезды, а также преимущественно башкирские волости Златоустовского уезда упраздняемой Уфимской губернии (Большая Башкирия). Столицей Большой Башкирии стала Уфа [Башкортостан: Краткая энциклопедия, 1996: 10, 39–40, 187, 381].

Историческим, культурным и административным центром куединских удмуртов Пермской области было село Большой Гондыр. В 60-е г. XIX в. оно стало центром вновь образованной Больше-Гондырской волости, входившей в Осинский уезд Пермской губернии. В селе стали проводиться еженедельные базары, весенняя и осенняя ярмарки. В конце XIX в. в нем построили мусульманскую мечеть, православную церковь Петра и Павла [Черных, 2002: 5].

Постановлением Президиума ВЦИК от 12 ноября 1923 г. на территории Пермской губернии было образовано 4 округа, в том числе Сарапульский, куда входил нынешний Куединский район. В это же время ликвидируются уезды и создаются районы, в том числе – Бикбардинский, который в феврале 1924 г. был переименован в Куединский. Спустя 2 года был образован Куединский район с центром в Бикбарде. В апреле 1932 г. районным центром стал поселок Куеда. С октября 1938 г. Куединский район стал относиться к Пермской области, образованной путем выделения из состава Свердловской области [Рекламно-информационный сборник Куединского района, 2002].

Таким образом, территориальное разъединение между куединскими удмуртами и остальной частью закамских удмуртов, происшедшее в результате административно-территориальных реформ конца XVIII в., было продолжено и после установления советской власти. Данное обстоятельство повлекло за

собой формирование специфических черт, отличающих буйских удмуртов от удмуртов Башкортостана. Характерной особенностью первых, достаточно отчетливо осознаваемой, является большее русское влияние в материальной и духовной культуре. Осознается также более интенсивная степень эрозии традиционной культуры в своей среде, по сравнению с удмуртами Башкортостана. Куединские удмурты считают, что их сородичи в Башкирии лучше сохранили удмуртскую культуру, часто при этом ссылаясь на то, что даже в советское время там проводились общественные моления, чего не было в Куединском районе. Как отмечает исследователь куединских удмуртов А. В. Черных, в XX в. обособленность на основе разного административного подчинения стала еще более заметной: если в прошлом сохранялись активные конфессиональные связи с соседними деревнями Янаульского района Башкортостана, сегодня они разрушены [Черных, 2005: 207–212].

Тем не менее, закамская этнографическая группа удмуртов, соотнося себя с удмуртским этносом в целом, осознает свое родство и достаточно отчетливо выделяет себя на основе исторических, конфессиональных, территориальных, культурных и языковых особенностей. Предания о переселении закрепили историческую основу этой идентичности. Конфессиональные различия закрепились в осознании себя «настоящими удмуртами» (*чын удмуртъес*), сохранившими язычество, в отличие от крещеных удмуртов титульной республики. В то же время закамская группа удмуртов осознает себя частью большого и сложного по структуре удмуртского этноса. В основе общеудмуртской идентичности лежит историческая память, предания об удмуртской «родине», язык, а также основные элементы традиционной культуры, которые расцениваются как удмуртские и противопоставляются соседним этническим сообществам. [Черных, 2005: 207–212; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320].

Таким образом, в ходе федеративного устройства советской России значительная часть удмуртского этноса оказалась за пределами удмуртской

автономии – на территориях современных Республик Татарстан, Башкортостан, Марий Эл, Кировской и Пермской областей. В последствии на формирование историко-культурного облика диаспорных групп удмуртов существенное влияние оказали два взаимосвязанных фактора – тип субъекта федерации, на территории которого локализована группа, и этническое окружение. Современная демографическая и социально-экономическая ситуация, во многом сложившаяся под влиянием данных факторов, будет рассмотрена далее.

§ 2.2. Этнодемографические параметры диаспорных групп удмуртов на рубеже XX–XXI вв.

Демографические процессы внутри удмуртского этноса отражают общую ситуацию, сложившуюся в России к концу XX в., определяемую как демографический кризис.

По данным переписи 2002 года 27,7% удмуртов Российской Федерации живет за пределами Удмуртской Республики, в 1989 г. численность внутрироссийской удмуртской диаспоры составляла 30,5%. Таким образом, за 13 межпереписных лет численность диаспоры относительно удмуртов, проживающих в титульной республике, сократилась на 2,8% (табл. 2).

Таблица 2

Численность удмуртов в РФ и УР в 1989 и 2002 гг.

1989			2002		
всего в РФ (чел.)	всего в УР (чел.)	диаспора в РФ (чел.)	всего в РФ (чел.)	всего в УР (чел.)	диаспора в РФ (чел.)
714800	496500	218300	636906	460584	176322

Составлено по источнику: Финно-угорские и самодийские народы России. Статистический сборник. – Сыктывкар, 2006. С. 12, 169.

В рассматриваемых пяти субъектах Российской Федерации (и для сравнения – в Удмуртской Республике) динамика численности удмуртов за период 1989–2002 гг. выглядит следующим образом (табл. 3):

Динамика численности удмуртов в субъектах РФ за период 1989-2002 гг.

Субъект РФ	1989 (тыс. чел.)	2002 (тыс. чел.)	Убыль (тыс. чел.)	2002 г. к 1989 г. в %
Республика Татарстан	24,8	24,2	0,6	97,6
Республика Башкортостан	23,7	22,6	1,1	95,4
Удмуртская Республика	496,5	460,6	35,9	92,8
Республика Марий Эл	2,5	2,2	0,3	88,0
Пермская область	32,8	26,3	6,5	80,2
Кировская область	23,0	18,0	5,0	78,3

Составлено по источникам: Финно-угорские и самодийские народы России. Статистический сборник. – Сыктывкар, 2006. С. 159,169,186, 220.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. Т 4. Кн. 1; 2. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.

Как видим, сокращение численности удмуртского этноса наблюдается везде, но в процентном отношении, по сравнению с 1989 г., наибольшие потери произошли в Пермской и Кировской областях.

В Кировской области во время переписи 2002 г. 17952 чел. (7777 муж. и 10175 жен.) назвали себя удмуртами, из них в городах – 3845 муж. и 5303 жен., в сельской местности – 3932 и 4872 соответственно. Из 39 административных районов области удмурты более широко представлены в Вятско-Полянском и Слободском районах.

Достаточно большая численность удмуртов также насчитывается в Омутнинском, Малмыжском, Кирово-Чепецком, Кильмезском, Унинском и Фаленском районах и г. Кирове (табл. 4).

Таблица 4

Динамика численности удмуртов в Кировской области за период 1989–2002 гг.

Районы	1989			2002		
	всего	город	село	всего	город	село
Вятско-Полянский	4031	2306	1825	3716	2198	1518
Слободской	3135	1122	2013	3007	1003	2004
Омутнинский	1854	1266	588	1744	1204	540
Малмыжский	1762	169	1593	1582	154	1428
Кирово-Чепецкий	1714	1306	408	1591	1232	359
Кильмезский	1537	133	1424	1462	119	1343

Унинский	1440	238	1202	1393	201	1192
Фаленский	1043	198	845	959	176	783
г. Киров	1946	1946	-	1782	1782	-

Составлено по источнику: НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332, 110 л.

В Слободском районе удмурты проживают в основном на территории Светозаревского сельского округа.

Численность населения на 01 января 2004 г. в деревнях, входящих в округ, составляла:

1. д. Алексеево – 1 чел.
2. д. Бурино – 29 чел.
3. д. Верхнее Мочагино – 21 чел.
4. д. Зямино – 5 чел.
5. д. Кобляки – 2 чел.
6. д. Красногорье – 60 чел.
7. д. Круглово – 10 чел.
8. д. Нижнее Мочагино – 86 чел.
9. д. Пески – 39 чел.
10. с. Светозарево – 420 чел.
11. д. Ужоговина – 5 чел.

ИТОГО: 678 чел.

Национальный состав населения Светозаревского сельского округа на 01 января 2004 г. выглядел следующим образом:

1. Удмурты – 659 чел.
2. Русские – 12 чел.
3. Татары – 3 чел.
4. Марийцы – 2 чел.
5. Украинцы – 1 чел.
6. Азербайджанцы – 1 чел.

Возрастной и половой состав населения округа на 01 января 2004 г.:

Дошкольников – 13 чел. Мужчин – 328 чел.
 Школьников – 55 чел. Женщин – 350 чел.
 Трудоспособных – 384 чел.
 Пенсионеров – 226 чел.

С 01 января 2005 г. в Светозаревский сельский округ, учитывая национальный компонент, добавили удмуртские деревни Паскино, Омсино и Подгорное из Каринского сельского округа, за счет чего количество населенных пунктов увеличилось с 11 до 14.

По данным административного паспорта Слободского района, бракосочетаний среди удмуртов в 2002 г. зарегистрировано 4, в 2003 – 3, в 2004 – 1. Естественная убыль населения за 2002–2004 гг. в Светозаревском округе составила 53 чел.: родилось 7 чел., умерло – 60.

За 14 лет (1990–2004 гг.) количество населения Светозаревского округа сократилось на 164 чел. (19,5%).

Таблица 5

Динамика численности населения по Светозаревскому сельскому округу

1990 г. – 842 чел.	1994 г. – 846 чел.	1998 г. – 746 чел.	2002 г. – 711 чел.
1991 г. – 850 чел.	1995 г. – 800 чел.	1999 г. – 763 чел.	2003 г. – 694 чел.
1992 г. – 831 чел.	1996 г. – 793 чел.	2000 г. – 722 чел.	2004 г. – 678 чел.
1993 г. – 841 чел.	1997 г. – 749 чел.	2001 г. – 713 чел.	

Составлено по источнику: НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332, 110 л.

В 2004–2005 учебном году детский сад в Светозарево посещало 15 детей, в средней общеобразовательной школе обучалось 50 учащихся, 11-й класс закончило 6 выпускников – все юноши. По словам учителей, раньше школу посещали до 150 и больше ребят, но общее сокращение численности населения округа и снижение рождаемости, естественно, отразилось и на количестве учащихся. К тому же родители более успешных учеников с 5–6 класса предпочитают отправлять своих детей на учебу в г. Слободской – гимназические или профильные классы школ. Дети ездят в город на автобусе

или, по необходимости, остаются у родственников. Устраиваются на работу в городе и многие взрослые.

По словам заведующей Светозаревским фельдшерско-акушерским пунктом (ФАП), население округа за последние годы сильно постарело. И как следствие – появилось много больных гипертонией, раком; четыре человека поставлены на учет по заболеванию сахарным диабетом. За 28 лет работы фельдшера в с. Светозарево – это первые случаи заболевания диабетом. Наблюдается рост числа людей, злоупотребляющих алкоголем, но, по мнению заведующей, в ее округе ситуация лучше, чем на других участках, так как «удмурты никогда не пьют так, чтобы забросить свое хозяйство и детей», практически не встречаются среди них пьющие женщины. Случаев наркомании и СПИДа на территории округа также не зарегистрировано.

«Молодые женщины рожают здоровых и желанных детей, – говорит фельдшер. – Здесь мало приезжих, все – местные, потому и молодежь не такая распущенная, как в других местах». Молодые семьи предпочитают иметь 1–2 детей, есть только одна семья с тремя детьми. Основная причина снижения рождаемости, по словам респондентов, – неуверенность в завтрашнем дне в связи с общей неблагоприятной социально-экономической ситуацией, сложившейся в Кировской области в постперестроечные годы.

В *Унинском районе* по переписи 2002 г. проживает 1440 удмуртов. Большая часть из них компактно расселена на территории Астраханского сельского округа (д. Астрахань – 305 чел., д. Сибирь – 285 чел.) и Сурвайского сельского округа (д. Удмуртский Сурвай – 96 чел.).

Динамика демографических параметров населения деревень Сибирь и Астрахань за период 2000 – июль 2005 г. выглядит следующим образом:

Таблица 6

Демографические показатели среди населения Астраханского сельского округа (2000–2005 гг.)

Показатели	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Насел. всего	643	610	613	602	605	578

Рождаемость	6	4	5	4	4	4
Смертность	13	8	14	15	15	2
Браки	-	3	3	1	1	2
Разводы	-	-	-	1	1	-
Прибыло	10	6	4	22	22	18
Убыло	6	10	34	29	29	15
Работающих в бюдж. сфере	нет информ.	нет информ.	42	48	48	48
В сельскохоз. производ.	_*_	_*_	215	191	191	204
В торг. обл.	_*_	_*_	4	4	4	4
По найму (вахта)	_*_	_*_	3	6	6	4
Безработных всего	_*_	_*_	3	5	5	17
Иные катег. работающих	_*_	_*_	6	6	6	33
Дошкольники	_*_	_*_	48	47	47	43
Школьники	_*_	_*_	83	76	76	76
Молодежь до 30 лет	_*_	_*_	130	117	117	120
Пенсионеры	_*_	_*_	147	146	146	146
Инвалиды	30	30	30	30	30	32

Составлено по источнику: НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332, 110 л.

Таким образом, за последние неполных шесть лет в двух небольших удмуртских деревнях Унинского района умерло на 40 человек больше, чем родилось, почти такое же сокращение численности населения (41 чел.) произошло за счет миграции. При этом, как отмечают работники Астраханской администрации, среди прибывших достаточное количество тех, кто только прописан в округе, а в действительности живут и работают в городах. Уезжают из деревень в основном молодые семьи (в ближайшие крупные населенные пункты, за пределы района или области) в поисках работы и жилья. В целом, сокращение населения в д. Астрахань и д. Сибирь за 2000 – июль 2005 г. произошло на 10,1%.

Отток населения из сельской местности приводит к вымиранию деревень. Начало этому процессу было заложено в 70-е гг. прошлого века, во время реализации так называемой политики «неперспективных деревень». Только за один 1975 г. решением Кировского облисполкома 79 населенных пунктов Унинского района были признаны неперспективными и подлежали сселению на центральные усадьбы хозяйств и их отделения. В настоящее время люди покидают деревни в основном из-за отсутствия работы и дорог.

Тенденция к сокращению численности населения в целом по Унинскому району началась с середины 1990-х гг. По данным администрации, численность населения района за 1980–1998 гг. сократилась на 1600 чел., но при этом в середине 1980-х гг. здесь наблюдался еще значительный естественный прирост (+119 чел.). С середины 1990-х гг. эти показатели приобрели отрицательное значение (- 67 чел.) (табл. 7).

Таблица 7

Демографические показатели среди населения Унинского района (1980–1998 гг.)

Показатели	Ед. изм.	1980	1985	1990	1995	1998
Население всего	тыс. чел.	14,3	13,5	13,1	13,0	12,7
Естественный прирост	чел.	47	119	7	-67	-59

Источник: Унинский район: история и современность. – Киров, тип. ОБМС: 1999. С. 66.

О неблагоприятных демографических процессах (снижение рождаемости, повышение смертности, рост общей заболеваемости и в конечном итоге – значительное сокращение численности населения) в последнее десятилетие XX века свидетельствуют и данные таблицы 8, в которой приведены основные показатели работы органов здравоохранения Унинского района.

Таблица 8

Основные показатели работы органов здравоохранения Унинского р-на (1989–1998 гг.)

Показатели	Ед. изм.	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Рождаемость	на тыс.	16,8	14,8	14,5	12,7	10,9	11,6	8,4	10,5	9,5	7,8

Смерт- ность	-*-	11,4	14,2	12,5	13,3	15,8	17,5	14,1	16,7	15,1	12,7
Естеств. прирост	-*-	5,4	0,6	1,6	-0,6	-4,9	-5,9	-5,7	-6,2	-5,5	-4,9
Детск. смертн.	-*-	9,1	14,9	29	17,3	46	13,3	17,8	22,2	57,9	60
Общая заболева- емость	-*-	509,5	568,6	550,3	531,2	637,8	622,2	656,3	680,3	729,9	626,9

Источник: Унинский район: история и современность. – Киров, тип. ОБМС: 1999. С. 69.

С 1988 по 1998 г. рождаемость в районе сократилась в 2 раза, смертность возросла в 1,5 раза, количество браков уменьшилось примерно в 2 раза. Численность пенсионеров увеличилась и составляла в 1999 г. 27% от численности населения района.

В целом по Кировской области сокращение численности удмуртского населения за 1989–2002 гг. составило 21,7%. По оценке чиновников областной администрации, одну из причин тому следует искать в миграции в Удмуртию: «... не секрет, что за последние годы в Удмуртской Республике значительно вырос уровень жизни населения. Появилось больше возможностей для самореализации в интеллектуальном, культурном и экономическом плане. Воспользоваться такой возможностью, особенно удмуртской молодежи, было бы вполне естественно...» (из оперативной информации Министерства национальной политики Удмуртской Республики).

Конечно, можно и нужно делать скидки и на естественную убыль населения, и на миграционные процессы, но все же следует признать, что основной причиной сокращения численности удмуртов в области является ассимиляция. Причем, интенсивность ее на рубеже XX–XXI вв. резко усиливается. Так, численность удмуртов Унинского района за 1979–1989 гг. сократилась на 6,5%, а за 1989–2002 гг. – на 25,8%.

Исходя из вышеизложенных фактов, естественно предположить, что при существующих темпах ассимиляционных и миграционных процессов, а также

естественной убыли численности удмуртов Кировской области, дальнейшее сохранение данной диаспорной группы (несмотря на активную работу областного Центра удмуртской культуры, поддержку его деятельности районными и областной администрациями) оказывается под угрозой исчезновения. Интенсивность сокращения численности кировских удмуртов сегодня – приблизительно 20% в каждые 10 лет, соответственно «потеря» этой диаспорной группы может произойти в ближайшие 50–60 лет.

Этнотерриториальная группа удмуртов **Пермской области** среди пяти рассматриваемых субъектов РФ отличается самым высоким процентом городских жителей. По переписи 1989 г., он составил 51%, по переписи 2002 г. соответственно – 56,3% (табл. 9).

Таблица 9

Численность удмуртского городского и сельского населения в субъектах РФ по данным переписи населения РФ в 2002 г.

Субъекты РФ	Удмуртов всего (чел.)	Город. насел. (чел.)	% гор. нас.	Сельск. насел. (чел.)	% сельск. насел.
Российская Федерация	636906	296976	46,6%	339930	53,4%
Республика Башкортостан	22625	6227	27,5%	16398	72,4%
Республика Татарстан	24207	9139	37,7%	15068	62,2%
Удмуртская Республика	460584	204266	44,3%	256318	55,7%
Кировская область	17952	9148	51%	8804	49%
Пермская область	26272	14781	56,3%	11491	43,7%

Составлено по источнику: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. Т 4. Кн. 1; 2. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.

Формирование городской удмуртской этносреды происходило в регионе за счет поздней трудовой миграции из-за пределов области, прежде всего, из Удмуртии и Башкирии. Сравнение данных переписей 1989 г. и 2002 г. показывает, что в межпереписной период активная миграция сельских

удмуртов в города шла и внутри самой области: в 1989 г. 51% пермских удмуртов проживало в городах, 49% – в селе; в 2002 г. соответственно – 56,3% и 43,7%. Относительно небольшой удельный вес в составе городского населения (например, по переписи 1989 г., в г. Перми удмурты составляли всего 0,8% от числа всех горожан [Этнические проблемы регионов России, 1998: 26]) и дисперсное расселение неизбежно влекли за собой ускоренный процесс ассимиляции, что, скорее всего, и явилось основной причиной существенного сокращения численности удмуртов Пермской области за период 1989–2002 гг. – на 19,8%.

В Куединском районе, где удмурты расселены компактно, их удельный вес в общем количестве населения не изменился: по данным обеих последних переписей, удмурты составляют 17,7% от количества жителей района.

Куединские удмурты относятся к закамской этнографической группе, сформировавшейся в результате миграции удмуртов за Каму в XVI–XIX вв., но, учитывая прошлое и нынешнее территориальное разъединение, приведшее к некоторой их обособленности от соплеменников из Башкортостана, ряд ученых все же выделяет их в отдельную, буйскую, группу [Черных, 1998: 69–70].

В 2002 г., по данным районной администрации, национальный состав населения выглядел следующим образом: русские – 64,4%; удмурты – 17,7%; татары – 6,4%; башкиры – 5,9%, другие этносы – 5,6%. В четырех из 22-х сельских администраций удмурты составляли около 90% и даже более населения. В Большегондырскую сельскую администрацию входило 6 населенных пунктов: с. Большой Гондыр, дд. Малый Гондыр, Верхний Гондыр, Барабан, Вильгурт, станция Рабак. Общее количество населения в них составляло 2277 чел., из них 1366 чел.¹⁰ проживало в с. Большой Гондыр. В д. Вильгурт, находящейся на грани исчезновения, насчитывалось всего 54 чел., в основном – пенсионеры.

¹⁰ Численность населения по населенным пунктам и администрациям дана на 01.01.2002 г.

В Киргинскую сельскую администрацию входила одна деревня – Кирга. Население в ней в последние годы колеблется от 600 до 800 человек. В Гожанской сельской администрации, в деревнях Гожан и Новый Шагирт проживало соответственно 621 и 73 чел. В Н. Шагирте после закрытия нефтепромысла оставалось всего 24 двора. В Кипчакскую сельскую администрацию входят деревни Кипчак (562 чел.) и Союз (138 чел.).

С 1998 по 2002 гг., в соответствии с выборкой данных о смертности и рождаемости среди удмуртов Куединского района, сделанной районным отделом ЗАГС, естественный прирост удмуртского населения составил 34 чел. (табл. 10).

Таблица 10

Динамика количества рождаемости и смертности среди удмуртов Куединского района (за 1998–2002 гг.)

Годы	1998	1999	2000	2001	2002
Родилось	93	88	92	102	43
Умерло	79	81	104	71	49
Естеств. прирост	14	7	-12	31	-6

Составлено по источнику: НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320, 64 л.

Мнения жителей района о дальнейших перспективах демографического развития удмуртских деревень различны. Так, заведующая детским садом в с. Большой Гондыр выразила надежду, что со временем численность детей увеличится, так как во многих семьях стали рожать третьего ребенка, при этом респондентка сослалась на то, что по Гожанской сельской администрации в июле 2002 г. на учете состояло 12 многодетных семей; около 30 многодетных семей было зарегистрировано в Киргинской сельской администрации (в том числе семьи с четырьмя-пятью детьми). Некоторые надежды вселяла и положительная динамика в уровне рождаемости в населенных пунктах названных администраций (табл. 11, 12).

Таблица 11

Динамика количества рождаемости и смертности среди населения Кипчакской сельской администрации

Годы	Рождаемость	Смертность
1998	9	15
1999	14	16
2000	13	16
2001	9	7
Июль 2002	4	3

Составлено по источнику: НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320, 64 л.

Таблица 12

Динамика количества рождаемости и смертности среди населения Гожанской сельской администрации

Годы	Рождаемость	Смертность
2001	15	7
Июль 2002	11	7

Составлено по источнику: НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320, 64 л.

Довольно осторожен был в своих прогнозах участковый педиатр Большегондырской больницы: «Рождаемость детей по прошлому и нынешнему годам пока неплохая. По области наш район, пожалуй, единственный, где рождаемость выше смертности. На мой взгляд, это явление временное. Заболеваемость населения повышается. Народ к нам приходит с запущенными формами болезней. СПИД-а пока на участке нет, но в Куеде уже выявлено 9 человек больных. О наркоманах пока тоже не слышно, между тем местная молодежь поговаривает, что в Большом Гондыре можно купить практически любой вид наркотика. Суицид высокий, много смертных случаев, вызванных отнюдь не болезнью. Я специально подсчитал – в прошлом году по нашему участку произошло 29 смертей не по болезни: под поезд кидаются, травятся (умышленно или случайно), вешаются, в драках погибают и т. д. В основном это все мужчины. Пьянство принимает угрожающие размеры, но, похоже, никому до этого нет дела. Раньше хоть принудительно лечили, а теперь этим

никто не занимается. Желающих добровольно пойти на лечение – единицы. Так что судите сами, каковы наши перспективы».

Столь пессимистичная оценка действительности характерна, по-видимому, для крупного поселения с этнически смешанным населением, каковым является Большой Гондыр. Еще в 1982 г. село являлось центральной усадьбой сельской администрации, объединявшей 10 населенных пунктов. В такого рода крупных поселениях разрываются социальные связи, ослабляется социальный контроль, развивается индивидуализм, возникает чувство одиночества, отчужденности, и как следствие - наблюдаются различного рода аномии (суицид, алкоголизм, преступность). Именно по Большегондырской сельской администрации за неполные 7 месяцев 2002 г. произошло пять случаев суицида, в то время как по другим трем удмуртским сельским администрациям случаи самоубийств вспоминались собеседниками с трудом.

Жителям небольших удмуртских поселений Куединского района в целом свойственно более оптимистичное восприятие перспектив дальнейшей жизни. Как сказала заведующая детским садом д. Гожан, «в молодых семьях в основном по двое детей, есть и с тремя детьми. Если бы с деньгами стало чуть полегче, почему бы не рожать? Хорошо хоть то, что колхоз наш неплохо держится. Семьи в деревне, по современным меркам, довольно многочисленные – по 6–7 человек. Молодежь стремится жить с родителями. У нас молодежь не бежит из деревни, правда, парней больше, чем девушек. Приходится парням невест искать в других деревнях. Не могу сказать, что в деревне у нас много пьют. Посмотришь на другие деревни, аж страшно становится, до какой степени пьянствуют». Председатель СПК «Колхоз им. Мичурина», базового хозяйства д. Гожан, считает, что повышение рождаемости в 2001–2002 гг. связано, прежде всего, с улучшением экономической ситуации: «Стал колхоз подниматься с колен, состояние дел в хозяйствах улучшилось, и рождаемость повысилась». «Среди молодежи сейчас многие остаются в деревне, – говорит председатель ОКХ «Выль сюрес» (д. Кирга). – Уходить

некуда. После учебы тоже возвращаются. Были спившиеся в деревне, но я свою работу председателем с дисциплины начал. Сейчас поменьше стали пить». Глава Киргинской администрации также надеется, что ситуация улучшится, и спад численности населения деревни – временное явление.

В моноэтнических удмуртских поселениях среди удмуртов доминируют браки, в которых супруг и супруга являются удмуртами. В то же время в смешанных поселениях (например, п. Куеда, сс. Старый Шагирт, Большой Гондыр), а также в городе часты межэтнические браки. В частности, по результатам этносоциологического исследования «Межэтническое взаимодействие народов Прикамья на современном этапе», из 78,3% ответивших удмуртов 36,7% состояли в браке с русскими, 32,5% – с удмуртами, 4,2% – с татарами, 1,7% – с украинцами, 3,2% – с представителями других национальностей [См.: Чагин, 2005: 53–59]. В межэтнических браках, как правило, этническая идентификация выбирается не в пользу удмуртской. Таким образом, компактное расселение и сохранение мононациональных поселений, этнически комфортной среды, способствует стабильности удмуртской идентичности. Выход за пределы этой среды чаще всего приводит к нивелировке этничности.

Можно надеяться, что этническая идентичность удмуртов Куединского района в ближайшем будущем не будет поглощена ассимиляционными процессами. При этом дальнейшее сохранение и развитие данной диаспорной группы, видимо, во многом будет зависеть от состояния и мироощущения удмуртов с. Большой Гондыр, являющегося культурным и образовательным центром куединских удмуртов. Тем более, что в ходе реформы местного самоуправления с октября 2005 г. все удмуртские поселения Куединского района вновь объединены в одну административную единицу с центром в с. Большой Гондыр.

Конечно, в целом интенсивность ассимиляционных процессов среди удмуртов Пермской области, скорее всего, будет прогрессировать, так как в

региональном масштабе консолидирующий и мобилизующий активность удмуртской диаспорной группы центр, способствующий повышению самосознания и сохранению удмуртской этнической идентичности, отсутствует. А дисперсное расселение большей части этнотерриториальной группы удмуртов края, их сосредоточенность в городах только усложняет противодействие естественным ассимиляционным процессам.

Удмурты **Республики Башкортостан** (как и куединские удмурты Пермской области) в основном являются потомками переселенцев, обосновавшихся на башкирских землях в результате миграции с мест традиционного расселения, вызванной, прежде всего, падением Казанского ханства в XVI в. По переписи 1989 г., доля удмуртов в составе населения Башкирии не превышала 0,6% (23,7 тыс. чел.), по переписи 2002 г. она составляла 0,55% (22,6 тыс. чел.).

В настоящее время башкирские удмурты в основном проживают в г. Янаул и Янаульском районе, Татышлинском, Калтасинском и Бураевском районах. Небольшие массивы удмуртского населения встречаются также в Балтачевском, Кушнаренковском, Илишевском и Ермекеевском районах. Значительное количество удмуртов дисперсно расселено в городах Уфа и Нефтекамск. Более половины всего удмуртского населения Башкирии (55,5%) сосредоточено в г. Янаул, Янаульском и Татышлинском районах (табл. 13).

Таблица 13

Численность населения (2002 г.) и численность удмуртов (1989 и 2002 гг.) в городах и районах РБ

	Все население	Удмурты	
		1989	2002
Республика Башкортостан	4104336	23696	22625
г. Уфа	1049479	1178	811
г. Нефтекамск	129740	1519	1493
г. Янаул	27909	1740	2067
Балтачевский	24695	659	515
Бураевский	28320	1737	1472
Ермекеевский	18205	541	534
Илишевский	36281	457	309

Калтасинский	28881	2807	2766
Кушнаренковский	29344	303	299
Татышлинский	26803	5818	5738
Янаульский	22861	5017	4754

Составлено по источнику: НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320 «а»

Отличительными характеристиками диаспорной группы удмуртов Республики Башкортостан являются ее компактное расселение, существенное преобладание в ее составе сельских жителей (72,4%) и проживание в башкиро-татарском окружении. В частности, по переписи 1989 г. население Янаульского района составляло 51800 чел., из них 36% – башкиры, 29% – татары, 14% – удмурты, 13% – русские, 7% – марийцы. По данным администрации Татышлинского района на октябрь 2002 г. этнический состав населения района выглядел следующим образом: 70% – башкир, 21% – удмуртов, 5% – татар, по 1,5% – русских и марийцев и 1% – другие этносы.

Татышлинский район – самый северный район Башкирии. Из 14 сельских муниципальных образований района преимущественно удмуртскими по составу населения являются три – Новотатышлинское, Нижнебалтачевское и Кальмияровское. В 1989–2002 гг., несмотря на некоторую убыль численности удмуртов по Татышлинскому району (-80 чел.), процентное отношение их к населению района в целом оставалось почти неизменным: 1979 г. – 21,6%, 1989 г. – 21%, 2002 г. – 21,4%. По данным, представленным сельскими администрациями, естественный прирост населения по Новотатышлинскому и Нижнебалтачевскому муниципальным образованиям в 1992–2002 гг. имел положительную динамику (30 и 57 чел. соответственно) (табл. 14, 15).

Таблица 14

Динамика демографических показателей среди населения Новотатышлинской сельской администрации (1992– октябрь 2002 г.)

Показатели	ГОДЫ										
	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Родилось	39	21	27	19	13	18	24	25	21	18	13
Умерло	17	17	23	22	24	14	16	25	20	21	9

Продолжение Таблицы 14

Естеств. прирост	22	4	4	-3	-11	4	8	0	1	-3	4
Браков	10	8	16	12	8	4	9	8	15	3	7
Разводов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1

Составлено по источнику: НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320 «а»

Таблица 15

Динамика демографических показателей среди населения Нижнебалтачевской сельской администрации (1992– октябрь 2002 г.)

Показатели	ГОДЫ										
	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Родилось	30	30	31	36	27	35	27	32	47	30	23
Умерло	21	22	29	25	28	30	27	36	24	21	28
Естеств. прирост	9	8	2	11	-1	5	0	-4	23	9	-5
Браков	32	34	18	24	20	24	27	18	13	20	8
Разводов	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Суицид	-	-	-	1	2	3	-	2	3	-	-

Составлено по источнику: НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320 «а»

Молодые семьи настроены иметь по 2–3 ребенка. Например, семь школьников 8–9-х классов Нижнебалтачевской средней школы дали следующую информацию о количестве детей в их семьях: 8, 4, 3, 2, 3, 2, 2. Таким образом, из семи семей четыре являются многодетными.

Все респонденты отмечали стабильность межэтнических отношений. «Межнациональной розни здесь никогда не было. Живя среди башкир и татар, и мы, похоже, стали смелее», – считает восясь (жрец) из д. Н. Татышлы. «Сколько я себя помню, – говорит директор Нижнебалтачевской школы, – между удмуртами и башкирами не было столкновений, драк. Межэтнические отношения очень хорошие, особенно с татарами. Женятся, выходят замуж. Все дети говорят на удмуртском, татарском языках».¹¹ Особо подчеркивалось отсутствие в лексиконе местных жителей слов, оскорбляющих и унижающих чувство национального достоинства. Среди удмуртов есть смешанные браки с башкирами, марийцами. Любопытно, что утрата этнической идентичности в таких семьях во многом зависит от места жительства, выбранного молодыми.

¹¹ В республике Башкортостан удмурты и татар и башкир обозначают этнонимом «башкорт».

По словам главного редактора газеты «Ошмес», в д. Нижний Балтач татары «обудмуртились», 10–15 семей татар в д. Новые Татышлы – «обудмуртились», в то время как удмуртская деревня Гарибаш – «отатарилась».

Значительное ухудшение социально-экономической ситуации в целом по стране не могло не сказаться на этнодемографических параметрах башкирских удмуртов. Здесь также наблюдается рост заболеваемости, пьянства, увеличение числа случаев суицида, разводов. Снижение уровня жизни населения и, как следствие, – развитие негативных явлений в обществе отмечают все респонденты. «В целом в деревне, по сравнению с прошлыми годами, пить стали больше. Да и как не пить. Власть ослабла, в деревне открыли ларек (пива – море), дома гонят самогон, торгуют им подпольно. Между прочим, владелец лавки «Меркурий» – тоже удмурт. Жалко, что совращается молодежь. Мое поколение пивом уже не обманешь, а вот молодежь – запросто, – рассказывает директор Нижнебалтачевской школы. – Семьи школьников в основном нормальные, явно неблагополучных только две. Пьют жены, а глядя на них, стали пить и мужья. Совершенно понятно, что виноваты жены. Если бы они не пили систематически, то и мужья бы держались. Наркоманов пока в деревне нет». «Удмурты слабее, чем татары и башкиры, – считает фельдшер д. Н. Татышлы с 20-летним стажем работы. – Не умеют беречь свое здоровье, терпят до последнего и обращаются уже с запущенными болезнями». «Любящие выпить в деревне, конечно, есть, но алкоголиков нет. Наркоманов тоже нет, – отмечает директор Кальмияровской школы. – Сегодня утром парень, 21 год было, повесился. Из армии в позапрошлом году вернулся. Временно работал в г. Чернушка (Пермская область – И. Ш-З.), вернулся в колхоз. Особо, вроде, не пил, но в семье были проблемы... В 70–80-е гг. молодежь уезжала из деревни, сейчас практически нет. Периодически выезжают на заработки на Север, на «шабашку» в город, но в качестве постоянного места жительства имеют в виду только родную деревню». Глава администрации Татышлинского района также отмечает рост

суицида среди удмуртов: «Сегодня опять удмурт повесился, в Верхних Татышлах, еще 30-ти лет нет. На мой взгляд, самые трудолюбивые – это удмуртские женщины, а вот мужчин-удмуртов я могу назвать паразитами. Многие из них не достойны своих жен. Вот мой сосед. Взял жену-удмуртку из Кызыл-Яра, свадьбу сыграли. На другой день смотрю – Гена сидит, с соседом событие отмечает, а жена во дворе дрова колет. Так с тех пор и живут: Гена пьет, а жена держит хозяйство, воспитывает детей».

Янаульский район расположен на крайнем северо-западе Республики Башкортостан. На жизнедеятельность удмуртов этого района большое влияние оказывает близость городов Янаул и Нефтекамск, наличие крупного железнодорожного узла «Станция Янаул», а также активная добыча нефти на землях коллективных хозяйств. В целом по Янаульскому району, включая г. Янаул, убыль удмуртов, по сравнению с 1989 г., относительно небольшая (64 чел.). Снижение же удельного веса удмуртского населения в общем количестве жителей более значительно: в 1989 г. они составляли 14% от численности жителей района, по данным переписи 2002 г. – 13,3%. Активный процесс переселения части сельских удмуртов в Янаул в 1990-е гг. приводит к тому, что к 2002 г. их численность в городе увеличивается на 327 чел.

В сельской местности района удмурты составляют 21% от численности населения (по переписи 2002 г.). Расселены они в основном на территории 4-х из 22-х муниципальных образований: Шудекского, Сандугачского, Староваряшского и Иткинеевского.

По мнению отдельных представителей старших поколений, город и нефтяной промысел разлагают молодежь. «Портятся люди в последние годы, – говорит председатель СПК «Колхоз Восток». – Все хотят большие деньги, развлечения. Пьют водку, вино, особенно мужчины. Молодежь не хочет работать, как мы. Процентом 30 нигде не работает и едва ли будут работать. Живут в основном за счет родителей, даже пенсионеров. Рядом нефтяники. У них зарплата, питание, спецодежда, медицина – все. В пять часов закончат

работу и приходят в парк пить вино. Суицида здесь нет среди молодежи. Пока нет и наркомании. Если придет – спасения не будет». «В уборочную страдау просим работать пенсионеров, – рассказывает председатель профсоюзного комитета колхоза «Победа». – Молодежь не хочет работать в колхозе. Город рядом, они там устраиваются». «Конфликтов жестких с колхозниками не бывает, но проблемы есть. В 2001 году 17 человек возил в Ижевск на кодированное лечение. 11 из них держатся до сих пор. Лечение проводил за счет колхоза, сам наблюдал, как лечатся, чтобы не отлынивали... В 2001 г. 4 человека совершили суицид», – из рассказа председателя колхоза «Победа». «Я своего сына в Янаул не отпускаю, – рассказывает жительница д. Норкан, – хоть и квартира у него там есть. Боюсь наркоманов. Он у меня в Чечне служил. Вернулся, слава богу, такой хороший, умница. У меня сын не пьет и не курит».

В Сандугачской же сельской администрации, более удаленной от городов и нефтяного производства, сложившиеся жизненные обстоятельства оцениваются достаточно позитивно. Директор Барабановской средней школы: «Совершенно опустившихся, беспробудно пьющих у нас в деревне нет. По моим наблюдениям, в последнее время удмурты меньше стали пить. Раньше как бывало? Если начнут пьянку, то надолго, на 2–3 дня растянут. Сейчас так не пьют. Неисправимых алкоголиков, пьяниц у нас нет... Случаев суицида в деревне лет 15 уже нет. Старшеклассники не курят, уверен в этом. У нас в Башкирии даже взрослым запрещено курить на территории школы... Семей с одним ребенком в деревне нет, в основном по 2–3 ребенка. У учителей, кстати, в основном по 3 детей... Молодежь стремится жить отдельно от родителей». «Никогда за все эти годы не чувствовала дискриминации, – говорит фльдшер д. Барабановка, марийка, родом из Мишкинского района РБ, – всегда все были приветливы, относились с уважением. Когда родня ко мне приезжает, всем здесь очень нравится... СПИДа, наркоманов, венерических болезней у нас нет. За 18 лет, с тех пор как я здесь работаю, не было ни одного случая сифилиса. Женщины ведут здоровый образ жизни, рожают здоровых детей – по 1–2

ребенка. Шесть семей в деревне с тремя детьми, семей с четырьмя-пятью детьми нет».

Таким образом, удмурты Республики Башкортостан в не меньшей мере, чем остальное население России, подвержены воздействиям кризисных явлений, связанных с постсоветскими социальными трансформациями, но этнодемографическая ситуация в отдельных удмуртских сельских муниципальных образованиях вселяет надежду на то, что в ближайшей перспективе удмурты Башкортостана не станут «очагом» депрессивных тенденций в сфере демографии и сумеют сохранить этническое самосознание, национальную культуру и родной язык.

Удмурты **Республики Татарстан**, судя по данным переписей 1989 и 2002 гг., составляют 0,7% населения республики: 24796 чел. в 1989 г. и 24207 чел. в 2002 г. Татарские удмурты – в основном сельские жители, наибольшее их количество сосредоточено в Кукморском, Балтасинском и Бавлинском районах (табл. 16).

Таблица 16

Динамика численности удмуртов Республики Татарстан (1989–2002 гг.)

Территория	Численность (чел.)		В %% по отношению ко всему населению	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.
Республика Татарстан	24796	24207	0,7	0,7
Городское население	10290	9139	0,4	0,3
Сельское население	14506	15068	1,5	1,5
Города				
Казань	1614	1089	0,1	0,1
Наб. Челны	2857	2326	0,6	0,5
Агрыз	1404	1248	7,2	6,7
Бавлы	634	627	3,2	2,7
Елабуга	443	533	0,8	0,8
пгт Кукмор	1347	1375	9,1	8,2
г. Менделеевск	430	451	2,4	2,4

Продолжение Таблицы 16

г.Нижнекамск	684	610	0,4	0,3
Сельские районы				
Агрызский	1111	1186	5,6	6,5
Бавлинский	1460	1636	10,0	11,2
Балтасинский	3901	4109	13,5	12,5
Кукморский	5817	6204	17,6	17,7
Менделеевский	638	647	7,7	7,6

Составлено по источнику: НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1322, 51 л.

Удмурты Балтасинского и Кукморского районов являются коренными жителями этих мест и относятся к завятской группе удмуртов, чья история тесно переплетена с историей Арской земли.

Балтасинский район расположен на самом севере Татарстана, вдали от железнодорожных и водных путей. По данным краеведческого музея с. Ципья, в 18 деревнях из 78 преобладает удмуртская этносреда. Численность проживающих в районе удмуртов, по сравнению с 1989 г., увеличилась на 208 чел., но их относительный удельный вес в составе населения сократился (1989 г. – 13,5%; 2002 г. – 12,5%). Кроме татар (более 85% населения) и удмуртов, в районе проживают русские, кряшены и марийцы. Так, в Ципьинской средней школе, охватывающей детей из 13 деревень, в 2003–2004 учебном году обучалось 195 удмуртов, 181 – татар, 37 – марийцев, около 35 – детей из смешанных семей.

В одно из самых крупных сельских муниципальных образований – Ципьинское – входят 7 населенных пунктов: д. Арбор (татарская), д. Янгурчи (удмуртская), с. Ципья (удмуртско-татарская), д. Мельничная (удмуртская), д. Старая Ципья (кряшенская), д. Тагашур (удмуртская), д. Сырья (удмуртская). На август 2003 г., в администрации числилось 825 хозяйств с населением 2998 человек.

Социально-экономическая ситуация в районе, по мнению респондентов, в последние годы ухудшилась, что привело к росту негативных явлений в жизни всех этнических общностей. «В Ципье есть пьющие, – говорит заместитель председателя Ципьинской администрации, – и среди татар, и среди

удмуртов». «Сказать, что удмурты нашего района пьют больше, чем какие-либо другие народы, никак нельзя», – считают работники колхозной бухгалтерии. Директор же Среднекушкетской средней школы говорит, что «удмурт, по сравнению с татаринном, мягче характером, любит выпивать». «Законченных алкоголиков у нас нет, – рассказывает жительница д. Карык-Серма. – Бывает, после полочки пьют, но чтобы уж беспробудно пить, нет, такого не бывает. А женщины тем более воздерживаются от злоупотребления алкоголем. Пьяницу же из колхоза могут выгнать. Все об этом знают. Правда, в нашем колхозе такого случая еще не было». По словам председателя национально-культурной автономии удмуртов Балтасинского района, «случаи суицида у всех бывают, не только у удмуртов, среди татар тоже хватает. А причина – социально-экономическая. Старики не помнят такого всплеска суицида». Молодые учителя Ципьинской средней школы отмечают, что «спившихся, как в деревнях в Удмуртии, здесь нет. Жен своих не избивают, даже не слышали об этом. То, как относятся мужчины к женщинам в Удмуртии, просто поражает. Как они унижают своих жен!».

Балтасинские удмурты предпочитают выбирать брачных партнеров из представителей своего этноса, хотя смешанные браки есть, в основном – с татарами. «Девушкам-татаркам нравятся удмуртские парни, – говорит жительница д. Старая Турья. – К нам даже из Балтасей и Казани приезжают. В деревне много неженатых парней. Не знаю, почему не женятся, хотя и незамужние девушки в деревне есть. Брат вот мой старший тоже не женится, а у младшего жена – татарка, с соседней деревни. Он ее с друзьями умыкнул, хотя ее родители были очень против. Теперь уже сын растет, отношения нормальные. Невестка учится говорить по-удмуртски. Брат говорит, что и сын обязательно будет удмуртом».

Против смешанных браков в основном выступает старшее поколение, считая, что разница в религии, культуре начинает сказываться не сразу, но со временем дает о себе знать, особенно с возрастом, когда люди начинают

задумываться о духовных началах жизни. «Нам незачем выходить замуж за татар, – говорят работницы колхозной бухгалтерии, – лучше уж за своего, за удмурта. По молодости над этим особо не задумываешься, всей проблемы не понимаешь. А ведь замужество за татариним со временем нет-нет да и дает о себе знать». По мнению молодых респондентов, у удмуртов родители против брака с татарами не потому, что им это не нравится, а потому что они считают, что родители с татарской стороны, особенно верующие, будут против. Они боятся за своих детей, так как им кажется, что их детям в будущем в таком браке будет плохо. Молодые семьи удмуртов предпочитают иметь 1–2 детей, так как не уверены, что сумеют «при нынешней жизни поставить на ноги большее количество детей».

В Балтасинском районе пока удалось пресечь распространение такого пагубного социального явления, как наркомания. По словам заместителя главы администрации района, успех профилактических мероприятий в данном направлении – это, прежде всего, результат согласованных и своевременных действий администрации и правоохранительных органов.

Соседний с Балтасинским, *Кукморский район*, – один из крупных северных административных образований Республики Татарстан с развитой сельскохозяйственной, промышленной и строительной отраслями.

По переписи 1989 г. в районе проживало около 54000 чел., из них примерно 77% - татары, 14,5% – удмурты, 6,3% – русские, 1,9% – марийцы. За 1989–2002 гг. численность удмуртов увеличилась как в поселке Кукмор (на 28 чел.), так и в сельской местности района (на 387 чел.). При этом удельный вес удмуртов по отношению к населению Кукмора снизился на 0,9%, а по сельскому району увеличился на 0,1% (табл. 16).

Удмурты Кукморского района компактно проживают на территории шести сельских муниципальных образований (МО), два из них (Среднекуморское и Лельвижское) являются чисто удмуртскими по

этническому составу, остальные – смешанными (Оштормаюмьинское, Важашурское, Нижнерусское и Нырьинское).

На общее социально-психологическое состояние кукморских удмуртов, несомненно, влияет более слабое (по сравнению с Балтасинским районом) экономическое положение сельскохозяйственных кооперативов, в которых они работают. Наиболее активная и успешная молодежь в поисках работы переезжает в близлежащие города – Кукмор, Вятские Поляны, Казань. В деревнях остаются более инертные и не предприимчивые, а также люди пожилого возраста, или с низким социально-профессиональным статусом. «Много неженатых парней, около 15, – рассказывает жительница с. Ошторма Юмья, – в основном пьющие. Девушки уезжают в города, а парни ленятся, не задумываются о будущем. Здесь же есть, где жить, а в городе надо пробиваться. Здесь можно и не работать, но все равно будешь сытым пьяным. Многие на родительской шее сидят». «На учете алкоголиков нет, но пьют многие, особенно молодежь, – говорит заведующая ФАП с. Ошторма Юмья. – С утра уже собираются. По двум деревням в год по 6–8 детей рождается, многие из них – с патологиями. Молодые не хотят рожать. Венерических болезней, наркоманов, СПИДа нет. С олигофренией 6–7 человек на учете состоит, но, я думаю, это парни, которые не хотят идти в армию». По словам жителей д. Верхний Кумор, «в деревне есть пьющие, в том числе среди женщин. Двое-трое из них пьют, несмотря на то, что детей имеют. За детьми вроде и присматривают, но работу могут и прогулять».

«Минорное» настроение, присущее части удмуртов Татарии, совсем не означает, что среди них нет людей, трезво оценивающих сложившиеся обстоятельства, в меру самокритичных и активных, стремящихся и пытающихся изменить ситуацию, добиться успеха: «Кто работает – тот живет. Везде работа есть, есть куда руки приложить. Скотину держат, бригады сколачивают и «шабашат» – и в Казани, и в Кукморе, и в Кировской области. Главное – не утонуть в бутылке», «вырос в детдоме. Не хочу, чтобы мои дети

(их трое) росли, как я. Дети хорошие растут, сам удивляюсь, какие сознательные. Хочу, чтобы выучились. И братья мои не сидят, шевелятся, помогаем друг другу, а как без этого», «удмуртский центр, вроде, у нас есть, но слабо работает, не объединяет людей. Постоянно действующих фольклорных коллективов тоже нет. Да и Удмуртия, надо сказать, нам мало внимания уделяет. Даже на республиканский «Гырон быдтон» (удмуртский национальный праздник «Окончание пахоты» – И. Ш-З.) никто к нам не приехал. А для нас каждая весточка из Удмуртии – большая радость».

Основную роль в воспитании позитивной этнической идентичности у подрастающей удмуртской молодежи играют, прежде всего, школы. Так, из 15 ученых, вышедших из Республики Татарстан и включенных в книгу «Ученые-удмурты» (составитель Л. С. Христолюбова), 9 человек являются выпускниками Оштормаюмьинской средней школы.

В дальнейшем же значимую роль в преодолении некоторой инфантильности и инертности, присущей кукморским удмуртам, могла бы сыграть активизация деятельности национально-культурного центра удмуртов и более существенная, осязаемая поддержка данной диаспорной группы со стороны титульной республики.

В целом динамика численности удмуртов Республики Татарстан за 1989–2002 гг. не вызывает больших опасений по возможной потере ими этнической идентичности.

В **Республике Марий Эл**, по данным переписи 1989 г. удмуртов насчитывалось 2457 чел. (0,3% от общей численности населения). По переписи 2002 г., удельный вес удмуртского населения в республике также составляет 0,3%, хотя количество людей, идентифицировавших себя удмуртами, за период 1989–2002 гг. сократилось на 284 чел. Сегодня удмуртов в Марий Эл насчитывается 2166 чел.

Компактно удмурты проживают только в Мари-Турекском районе республики. Они являются автохтонным населением и относятся к завятской

группе удмуртов. Мари-Турекский район, один из самых крупных в Марий Эл, расположен на северо-востоке республики. Основу экономики района составляет сельскохозяйственное производство. По переписи 1989 г., этнический состав населения выглядел следующим образом: всего населения – 28000, из них 47,2% – марийцы, 27,2% – русские, 18,7% – татары, 6,4% – удмурты. За 1989–2002 гг. численность удмуртов сократилась на 13,1%: в 1989 г. их здесь насчитывалось 1767 чел., в 2002 г. – 1536 чел.

Основная часть удмуртов расселена на территории Карлыганского, значительно меньшая – Хлебниковского и Опаринского сельских муниципальных образований. В Карлыганское МО входят 6 населенных пунктов, в этническом составе которых преобладают удмурты: с. Большой Карлыган (удм. – *Заны*), д. Киселево (*Кисель починка*), д. Малый Карлыган (*Ондрешка, Ондышке*), д. Мамсинер (*Куюк*), д. Нижний Шолдонер, д. Пахомово (*Верхний Шолдонер*).

Село Большой Карлыган – достаточно крупный населенный пункт со смешанным населением. В 1996 г. здесь проживало 749 чел., из них 59,7% – удмурты, 18,7% – русские, 12,8% – марийцы и 0,8% – татары. Будучи административным, культурным, образовательным, производственным центром муниципального образования и сельхозкооператива «Восход», село ежедневно вбирает в себя большой приток населения с близлежащих деревень. В частности, сельская администрация и кооператив объединяют 15 населенных пунктов (5 удмуртских, 1 татарский, остальные – марийские, или со смешанным населением), Карлыганскую школу посещают дети из 15 деревень, детский сад – из 5 населенных пунктов. Интенсивные межэтнические потоки и контакты приводят к увеличению числа межэтнических браков. К примеру, из 53 детей, посещавших в 2003 г. Карлыганский детский сад, 18 были из удмуртских семей, 2 – русских, 3 – татарских, 4 – марийских, остальные 26 – из смешанных семей. По свидетельствам респондентов, в смешанных семьях удмуртов идет активный процесс обрусения. «Народ в Карлыгане смешанный,

многие знают несколько языков, – рассказывает директор Карлыганской школы. – Можно увидеть, как три марийки свободно общаются между собой по-удмуртски. Пожилые татары все знают удмуртский язык. Но! – удмурты между собой часто говорят по-русски». «Боюсь, что преподавание удмуртского языка прекратят вообще, – говорит учитель удмуртского языка и литературы. – Очень трудно стало на уроках. Не понимают дети удмуртов по-удмуртски, приходится переводить. Много говорят по-русски и в школе, и дома. Особенно в смешанных браках. Даже с дедушками-бабушками дети говорят по-русски, хотя тем это не нравится».

В Хлебниковское МО входят три удмуртских населенных пункта – дд. Лом (158 чел.), Сизнер (127 чел.), Семеновка (83 чел.)¹². Базовым предприятием является сельскохозяйственный кооператив «Ломовский». На уровне района хозяйство по производственным показателям «ходит» в середняках, но по словам респондентов, экономическая ситуация на предприятии очень сложная. Работники кооператива уже в течение многих лет не получают заработную плату «живыми» деньгами, ни в одной из деревень нет дома культуры, молодежь собирается по вечерам на автобусной остановке, а на дискотеки ездит в Большой Карлыган. Образовательно-культурным центром для населения администрации является только школа-сад в д. Лом.

Респонденты отмечали, что в деревнях много холостых, пьющих мужчин; нередки случаи суицида; молодежь в поисках работы вынуждена покидать родные места. «Я подсчитала, по нашим деревням около 40 неженатых парней, – рассказывает директор Ломовского школы-сада. – Не знаю, почему не женятся, хотя и незамужние девушки есть. Мужчины живут с пожилыми матерями, сами коров доят. Не все среди них пьющие, есть и хорошие. А девушки выходят замуж в Татарстан, их удмуртские парни с Балтасинского района увозят». «Молодежь уезжает из деревни. Работы нет, зарплату не платят, клуба нет» – говорят жители д. Лом. «Много молодежи

¹² Численность населения на август 2003 года.

сейчас в Удмуртию уезжает, – дополняют жители д. Сизнер. – Там женятся. Артист Леонид Романов и диктор Овчинников Геннадий проложили туда дорогу».

Нельзя сказать, что удмуртам Республики Марий Эл присущ ярко выраженный этнический нигилизм, сознательное отторжение своей этнической идентичности, но сокращение их численности (на 12% с 1989 по 2002 гг.) идет достаточно интенсивно, и этот процесс представляет реальную угрозу для судеб этнотерриториальной группы марийских удмуртов. Активная деэтнизация и обрусение в связи с достаточно большим удельным весом смешанных браков, интенсивное переселение молодежи в города республики и другие регионы, связанное, прежде всего, со сложной социально-экономической ситуацией в местах проживания, может привести к потере языковой идентичности среди молодежи, что в свою очередь повлечет в будущем и утрату этнической идентичности. Вселяет надежду активная культурно-массовая, просветительская, пропагандистская деятельность Удмуртского культурного центра, созданного в районе в 1996 г., поддержка образования и культуры сельскими, районной и республиканской администрациями, тесные контакты с титульной республикой. Все это, хочется верить, будет способствовать сохранению этничности удмуртов Республики Марий Эл. Немаловажную роль, вероятно, сыграет и позитивная историческая память, чувство гордости за вклад, внесенный карлыганскими удмуртами в процесс образования и просвещения удмуртского народа, так как именно в с. Большой Карлыган в 1890 г. открылась первая центральная вотская школа, в стенах которой получили «путевку» в жизнь многие, поистине великие, деятели удмуртской культуры, образования, науки – пассионарии удмуртского народа.

Подведем некоторые выводы.

За 1989–2002 гг. численность удмуртской диаспоры в пяти рассмотренных субъектах Российской Федерации сократилась на 12,6% (13500 чел.). Если в 1989 г. общая численность этнотерриториальных групп удмуртов

составляла 106800 чел., то в 2002 г. – 93300 чел. Процесс сокращения численности удмуртов, расселенных за пределами Удмуртии, в рассматриваемый период проходил более интенсивно, нежели в самой титульной республике, где сокращение составило 7,2%.

Наиболее интенсивно убыль удмуртского населения шла в субъектах России областного типа (в Кировской области на 21,7%, Пермской – на 19,8%). В национальных республиках эта тенденция была выражена слабее (в Республике Марий Эл – на 12%, Башкортостане – на 4,6%, Татарстане – на 2,4%).

В Татарии и Башкирии процесс сокращения численности удмуртов проходил даже менее интенсивно, чем в Удмуртии. Данный факт, вероятнее всего, объясняется как более стабильным, по сравнению с Удмуртией, социально-экономическим развитием двух соседних республик в постсоветские годы, так и позитивным влиянием государствообразующих этносов Татарстана и Башкортостана, отличающихся высоким уровнем этнического самосознания.

В дальнейшем интенсивность сокращения численности удмуртов в Кировской и Пермской областях, Республике Марий Эл, по-видимому, будет прогрессировать. В Пермской области – в связи с ассимиляционными процессами, особенно активно протекающими в городах; а в Кировской области и Республике Марий Эл – также с ассимиляционными процессами, но усугубленными трудовой миграцией удмуртов, прежде всего молодежи, в другие регионы.

В Республиках Башкортостан и Татарстан процесс сохранения удмуртской этничности, очевидно, во многом будет зависеть от хода и результатов реформ, проводимых в масштабах Российской Федерации. Большая часть башкирских и татарских удмуртов компактно расселена в сельской местности. Можно предположить, что ухудшение социально-культурной и экономической среды, сложившейся вокруг татарстанской и

башкортостанской диаспорных групп, негативно повлияет на уровень самосознания удмуртов данных регионов.

Глава 3. Этнотерриториальные группы удмуртов в постсоветский период

§ 3.1. Этноэкономическая характеристика «удмуртских» сельскохозяйственных предприятий, социокультурные аспекты жизнедеятельности

По данным переписи 2002 г., 53,4% удмуртов Российской Федерации являются сельскими жителями. Рассматриваемые в данной работе диаспорные группы также локализованы в сельской местности.

Как известно, в советские времена основным (институциональным, легитимным) каналом поступления денежных доходов и местом приложения труда сельских тружеников было общественное хозяйство. Коренные преобразования 90-х гг. XX в. привели к развалу колхозно-совхозного строя. Аграрная политика реформаторов обернулась для жителей села сокращением производства, диспаритетом цен на сельскохозяйственную продукцию, в конечном счете – тем, что работники сельского хозяйства оказались самой низкооплачиваемой категорией общества. Однако удмуртские «колхозы» в Пермской и Кировской областях, Республиках Башкортостан, Татарстан и Марий Эл, в полной мере испытав на себе тяготы 90-х гг., практически все выстояли.

В *Куединском районе* Пермской области около 70% (по данным 2002 г.) земельной площади находится под сельскохозяйственными угодьями. Основными производственными предприятиями, обеспечивающими удмуртское население района работой, являются сельскохозяйственные кооперативы: СПК "Горд кужым", ОКХ "Выль сюрес", СПК "Колхоз имени Мичурина", колхоз "Югдон". Данные кооперативы среди более чем 20 хозяйств района находятся не только в десятке лучших, но по многим показателям входят в число передовых. Так, по итогам работы среди АПК за 2000 г. СПК «Колхоз имени Мичурина» был на втором месте, СПК "Горд кужым" – на третьем. По итогам зимнего стойлового содержания скота коллектив ОКХ

"Выль сюрес" занял первое место, СПК "Горд кужым" – второе. Среди лучших отмечены коллективы молочнотоварных ферм ОКХ "Выль сюрес" и СПК "Горд кужым". Причем три первых места присуждены дояркам Киргинской фермы. Лучшими телятницами, свиноводами и скотниками по итогам 2000 г. стали также труженики ОКХ "Выль сюрес", СПК "Горд кужым" и СПК «Колхоз имени Мичурина». Не сдали свои позиции хозяйства и в 2001–2002 гг. Среди этих 4-х сельхозкооперативов относительно слабым выглядел колхоз "Югдон", но и ему не угрожало банкротство.

Основную прибыль хозяйствам приносят семеноводство (СПК «Колхоз имени Мичурина», ОКХ "Выль сюрес", СПК "Горд кужым"), племенное (ОКХ "Выль сюрес", СПК "Горд кужым"), молочно-товарное производство (ОКХ "Выль сюрес", СПК «Колхоз имени Мичурина»). Кроме того, в ОКХ "Выль сюрес" выращивали овощи, в СПК "Горд кужым" прибыльно работали кирпичный завод, льноцех и пимокатный цех, в СПК «Колхоз имени Мичурина» – 2 пасеки (около 160 ульев).

На этом общем довольно благоприятном фоне несколько неожиданными кажутся пессимистические высказывания об ожидаемом будущем как со стороны руководителей, так и рядовых тружеников: «...складывается впечатление, что государство сознательно ведет сельское хозяйство к банкротству...», «...мы-то еще работаем, мы привыкли, но дети наши уже не приучены к труду из последних сил. Что с ними будет?», «все хорошо, но в СССР все равно было лучше, а сейчас вообще-то хреново. Так и запишите» (д. Большой Гондыр), «...мы здесь как отшельники. Никому не нужны» (д. Рабак); «...пока работаю, но если и дальше такая политика будет, не знаю, насколько меня хватит...» (д. Кирга).

Унылое настроение населения, по-видимому, объясняется, прежде всего, тем, что обеспечить достойный уровень жизни для своих работников не могут даже передовые хозяйства района. Селяне (в том числе руководители хозяйств) вынуждены вести расширенное подсобное хозяйство (в среднем по 2–

3 головы крупного рогатого скота, 3–4 овцы, 3–4 поросенка; уток, кур, гусей, большие огороды) для более или менее приемлемого существования своих семей. Люди работают на грани физических возможностей, не зная ни выходных, ни отпусков, ни праздников, и, тем не менее, не видят, что их труд приносит результаты, гарантирующие им достойное будущее.

Неопределенность государственной политики в отношении сельского хозяйства усиливала неуверенность в завтрашнем дне. По утверждению руководителей всех 4-х хозяйств, для успешного функционирования производства им было бы достаточно 50% работающих в СПК, но они не могут пойти на сокращение кадров, так как других возможностей для трудоустройства в сельской местности нет.

По словам главы администрации *Татышлинского района* Республики Башкортостан, в 2001 г. по производственным показателям район занял 4 место среди 54-х районов республики. В основном здесь выращивается фуражное зерно, прибыльным является мясо-молочное производство.

Из 14 сельских администраций района «удмуртскими» являются три – Новотатышлинская, Нижнебалтачевская и Кальмияровская. Основным работодателем в Новотатышлинской администрации (входят 4 деревни с удмуртским населением) является колхоз «Дэмен», который среди 13 сельхозкооперативов района – один из передовых. Хозяйство в основном специализируется на выращивании зерна, мясо-молочном производстве, продолжает функционировать свиноводческий комплекс. На балансе колхоза находится столовая, гостиница, магазин.

В Кальмияровское МО входят пять населенных пунктов – две удмуртские деревни (Кальмияр и Петропавловка) и три татарские (Савкяз, Асавды и Манагаз). Экономическая ситуация на территории муниципального образования на период работы экспедиции в 2002 г. складывалась сложная, так как основной работодатель – СПК «Танып», в 2000 г. был объявлен банкротом, и руководителем хозяйства был назначен внешний управляющий из г.

Нефтекамск, который, по словам респондентов, в хозяйстве появлялся редко. Тем не менее, глава администрации района выражал надежду, что «Танып» можно вывести из банкротства, так как заметны положительные перемены. В частности, по результатам 2001 г. рентабельность хозяйства составила 8%.

Более благополучная экономическая ситуация складывалась на территории Нижнебалтачевского МО, в которое входят 10 деревень: Нижний Балтач, Дубовка, Альга, Кызыл-Яр, Таныповка, Ивановка, Бигиней, Утар-Елга, Верхний Балтач и Кыткы-Елга. Население муниципального образования в основном трудится в АО «Рассвет». Учителя Нижнебалтачевской средней школы с гордостью говорят, что «их» колхоз «Рассвет» даже крепче, чем Новотатышлинский «Дэмен». В 2002 г. «Рассвет» являлся акционерным обществом, но, по словам главы района, уже принято решение преобразовать его снова в сельскохозяйственный производственный кооператив.

Однако даже занятость в достаточно крепких СПК республики, не гарантирует селянам достойную жизнь. Большинство семей сельских жителей вынуждены вести большое личное подсобное хозяйство (ЛПХ), которое, прежде всего, является источником дополнительных доходов. В частности, в беседе со школьницами Нижнебалтачевской средней школы выяснилось, что в четырех семьях из семи имеют по 3 единицы крупного рогатого скота, по 5 овец и по 3 свиньи. В двух хозяйствах держат лошадей: в одном – 4, в другом – 1. За счет реализации продуктов домашнего животноводства селяне строят новые дома, что-то приобретают по хозяйству, учат детей. Хотя все считают, что усилия не оправдывают ожиданий, так как цены на сельскохозяйственную продукцию чрезвычайно низки.

Удмуртские СПК *Янаульского район* Башкирии, по словам заместителя главы администрации г. Янаул, являются одними из лучших. «Глава района всегда ставит их в пример другим», – отмечает он. Руководители хозяйств – колхоза «Победа», СПК им. Мичурина, «Восток», «Волга» – имеют награды и звания как республиканского, так и всероссийского уровня.

В условиях «рынка» председатели СПК вынуждены искать пути развития, которые гарантируют дальнейшее выживание хозяйства, но при этом продолжают сохранять явно убыточные отрасли как свиноводство и овцеводство, которые обеспечивают работой население целых деревень. Колхозники всегда имеют возможность обратиться в правление за помощью в технике, строительном материале, фуражном зерне и при этом рассчитывать на определенные льготы и скидки. Любая семья в необходимых случаях может обратиться за поддержкой и консультацией к сельским специалистам, например, ветеринару или агроному. Дети колхозников посещают дошкольные учреждения за минимальную плату. Как правило, руководство хозяйства берет на себя обязательство обеспечить дошкольные и школьные учреждения некоторыми видами продуктов питания (мясо, молоко, масло и др.) по льготным ценам, иногда оказывает единовременную помощь многодетным семьям, пенсионерам. Это то не малое и не последнее, чем может сегодня поддержать общественное хозяйство своих членов. Даже то, что в удмуртских деревнях не видно нищих и бомжей, заброшенных сирот и стариков – заслуга не только конкретных людей, семей, но и руководителей хозяйств.

В Янаульском районе, в отличие от всех других районов рассматриваемых субъектов РФ, широко представлены фермерские хозяйства. В марте 1992 г. здесь была создана Ассоциация фермерских хозяйств, первым председателем которой стал удмурт – В. Т. Касфатов, руководивший объединением до 1998 г. По его словам, он видел свою задачу в «выбивании» штатной единицы при управлении сельского хозяйства района, с которой, кстати, успешно справился. На октябрь 2002 г. в администрации района имелись ставки председателя, юриста и экономиста. В 2002 г. в Ассоциацию входило 230 фермерских хозяйств, из которых процентов 20, по мнению В. Т. Касфатова, были удмуртскими. Экс-председатель Ассоциации продолжает заниматься фермерством и считает, что у фермерских хозяйств есть будущее, так как в отличие от крупных СПК, они мобильнее, гибче и быстрее реагируют

на конъюнктуру рынка. В частности, по информации В. Т. Касфатова, один из фермеров обеспечивает 5% налоговых поступлений в бюджет района только за счет прибыльной реализации тепличных овощей в Пермской области.

Анализ материалов, собранных в ходе экспедиций, дает возможность выявить особенности, присущие всем сельским муниципальным образованиям с преимущественно удмуртским населением трех вышеперечисленных районов Пермской области и Республики Башкортостан, а также различия между ними, обусловленные как историческими, так и современными факторами.

В качестве общего «особенного» можно назвать то, что практически все сельскохозяйственные кооперативы, обеспечивающие население работой, по многим показателям являются передовыми в районах. «Удмуртские» СПК не просто выжили, не только сохранились, они успешно развиваются, при этом выбор моделей адаптации к новым экономическим условиям достаточно разнообразен и во многом зависит от сложившихся условий в регионах.

К примеру, капитализация сельского хозяйства в Пермской области, идет много быстрее, чем в соседнем Башкортостане. Начавшийся в конце 80-х - начале 90-х гг. XX в. процесс развала и разорения хозяйств, вынудил на местах проявлять инициативу и самостоятельность. Удмуртские населенные пункты в этой ситуации создали новые сельские администрации (Большегондырская, Киргинская, Гожанская, Кипчакская), включавшие 1–2 деревни, на базе которых продолжали функционировать старые, или были созданы новые коллективные хозяйства. Осознавая, что успех производства во многом зависит от руководителя, члены кооперативов очень внимательно отнеслись к выбору председателей. Новые руководители сориентировали производство на наиболее прибыльные направления: племенное, семеновое, овощеводство, пчеловодство; активно и достаточно успешно стали искать пути более выгодного сбыта продукции своих хозяйств; наладили конструктивное сотрудничество с районными властями и нефтедобывающими предприятиями.

Анализ полевых материалов, собранных в Татышлинском и Янаульском районах Башкортостана, наводит на мысль, что руководство республики любыми путями пытается сохранить "социалистический островок" на селе: и территории сельских администраций, и коллективные хозяйства, и большая часть руководителей здесь сохранились со времен социализма; в колхозах по-прежнему существует должность освобожденного председателя профкома; в школах активно работает пионерская организация со 100% охватом учащихся (начиная с 5-го класса). При этом у подавляющего большинства опрошенных не возникает даже сомнений, что могут быть использованы какие-то альтернативные варианты. В самом северном районе Башкортостана, в Татышлинском, удаленном от больших городов, непотворение решениям "сверху" особенно ощутимо.

Несколько иная ситуация наблюдается в удмуртских населенных пунктах Янаульского района, на жизнедеятельность которых большое влияние оказывает близость городов Янаул и Нефтекамск и активная добыча нефти на землях коллективных хозяйств нефтегазодобывающим управлением "Краснохолмскнефть".

В конечном итоге, приходится констатировать, что, несмотря на разные подходы к решению возникших на селе проблем, ни одному из двух регионов пока не удается обеспечить наиболее достойную жизнь своим труженикам, даже в лучших хозяйствах летом-осенью 2002 г. среднемесячная зарплата работников СПК составляла лишь 700–800 руб., но и та выплачивалась нерегулярно. Неудивительно, что на фоне сложившейся социально-экономической ситуации, будущее села оценивалось опрошенными отрицательно: откровенно пессимистично в Пермской области и осторожно, с большой долей сомнения в дальнейшем успешном развитии – в Республике Башкортостан.

Удмуртские деревни *Балтасинского района* Татарии в основном расположены на территории двух сельских муниципальных образований –

Ципьинского и Среднекушкетского. Удмуртское население представлено и в других МО, но в меньшем количестве.

Сельскохозяйственное производство является основным занятием балтасинцев. 24 сельскохозяйственных кооператива района по производственным показателям занимают ведущее место в республике. По словам заместителя главы администрации Балтасинского района, «удмурты – очень трудолюбивый народ. Самые высокие надои в районе – у доярок-удмурток. В 2002 г. надоили 5300 л молока на 1 корову – это был лучший результат по Татарстану и где-то 3–4-й по России». «По итогам 2002 г. животноводов района для награждения приглашал президент М. Ш. Шаймиев в Гербовый зал, – рассказывает заместитель главы. – Так вот в списках приглашенных около 20–30% были удмурты». Традиционно на базе удмуртских хозяйств развивается свиноводство. Свиноводческие комплексы есть практически во всех удмуртских СПК.

По данным Ципьинской сельской администрации, в августе 2003 г. в семи населенных пунктах, входящих в совет, насчитывалось 825 хозяйств. Из 2998 человек населения 1410 являлись колхозниками, 1539 – рабочими. Помимо двух сельхозкооперативов, СПК «Труд» и СПК «Ударник», занятость населения на территории совета обеспечивали АО «Сельхозтехника», филиал АО «Агрохимсервис», Ципьинский плетеный цех АО «Карадуган», Ципьинский цех АО «Меховщик» и некоторые другие производства.

СПК «Труд», центральной усадьбой которого является с. Ципья, в самые трудные перестроечные и постперестроечные годы возглавлял удмурт П. Г. Чернов. По словам работников колхозной администрации, именно благодаря его руководству колхоз выстоял в сложные пореформенные годы. Однако, как и в других регионах, колхоз не может обеспечить достатка своим работникам. По словам сварщика СПК «Труд», основной доход они в семье получают от реализации продукции с личного подворья, а заработная плата (в месяц в среднем 1000 руб.) вся уходит на коммунальные и другие выплаты.

Личное подсобное хозяйство вызывает наибольшее доверие у всех слоев сельского населения Татарстана. Оно воспринимается как основа производства продуктов питания, источник дополнительных денежных доходов, возможность оказания материальной помощи родственникам. По словам бывшего инженера одного из лучших СПК района (колхоза «Шошма»), население в удмуртских деревнях Сырья и Старая Турья держит в личном хозяйстве по 5–6 свиноматок. «Это очень тяжелая работа, – говорит он. – Никто этим от хорошей жизни не занимается. Скотину держат, а сдавать некуда».

В реализации продукции личных подворий некоторую помощь оказывает сельский совет. В частности, организована закупка молока у населения. Излишки картофеля дворохозяйства в основном сдают в заготовительную контору или продают скупщикам; через частных скупщиков реализуется и мясо.

Еще менее благоприятно складывается ситуация на других производствах, расположенных на территории Ципьинского муниципального образования. В частности, меховая фабрика работает только зимой. Летом работники фабрики подрабатывают в колхозе. Комбинат бытового обслуживания закрыт. Все бывшие работники – безработные, стоят на учете в центре занятости населения. Причем, по словам заместителя главы сельского совета, мужчин на учет в центре не ставят, говорят, что «они сами должны искать работу». В такой ситуации безработные мужчины создают бригады и работают по найму (так называемая «шабашка») – в основном на частном строительстве в крупных населенных пунктах.

Плетеный цех АО «Карадуган» в с. Ципья существует уже лет 40–50. По словам технолога предприятия, раньше это был один из трех цехов Балтасинской мебельной фабрики. Мебельный цех в Карадугане стал банкротом, оставшиеся два цеха выкупил частный предприниматель из г. Казани. До 2003 г. на предприятии работало около 80 человек, но с приходом нового владельца штат сократили до 50. Работники (среди них много удмуртов)

надеются, что со временем дела в цехе наладятся, так как здесь производят качественную продукцию, пользующуюся спросом – плетеную мебель из лозы. Различные сорта ивы для производства мебели выращивают на своих плантациях. В 2002 г. продукция цеха вошла в число 100 лучших товаров России.

В Среднекушкетский совет местного самоуправления входят 4 деревни (3 удмуртские и 1 татарская), которые до реформы были одним колхозом. В 90-е гг. удмуртские деревни отделились и создали свой СПК «Искра». По словам директора Среднекушкетской средней школы, отделение произошло по чисто экономическим причинам, так как центральной усадьбой бывшего колхоза была татарская деревня, достаточно удаленная от удмуртских. При любых неполадках техники и для решения других вопросов колхозники были вынуждены ехать на центральную усадьбу, что создавало определенные трудности. Председателем вновь созданного удмуртского СПК члены кооператива сознательно выбрали татарина. По их мнению, в сегодняшнем Татарстане такой выбор предпочтителен и оправдан, так как для решения хозяйственных и иных вопросов необходимы связи (у удмуртов их нет), «да и характер у татар потверже, чем у удмуртов», – считают люди. Вновь созданное хозяйство показывает хорошие результаты, по производственным показателям занимает 2–3 места в районе, правда, в последнее время возникли сложности с реализацией продукции, поэтому настроение у работников не самое оптимистичное. Поддержка сельского хозяйства руководством республики, например, льготными кредитами на приобретение горюче-смазочных материалов и удобрений, не решает всего комплекса проблем, имеющих в хозяйствах.

К уборке урожая, особенно картофеля, сельхозкооперативы района привлекают школьников. За помощь в страду детям платят зарплату, выделяют мясо, молоко и картофель для организации детского питания в школе, оказывают транспортные услуги.

В целом экономическая ситуация в Балтасинском районе много лучше, чем в соседних районах Татарстана или в граничащих с ним Республике Марий Эл и Кировской области. Не случайно в деревнях идет активное жилищное строительство. Например, в удмуртской деревне Сырья есть новая молодежная улица. Молодым семьям (если хотя бы одному из супругов менее 30-ти лет) выделяется 7-процентная ссуда на 15 лет размером в 15 тыс. рублей. Банковские ссуды под индивидуальное строительство (под 22–25% годовых) берет и другая часть населения. Все поселения района газифицированы, за период реформенных потрясений не исчезла ни одна деревня. В последние годы в районе наблюдается прирост населения.

Кукморский район – один из крупных на севере Республики Татарстан. По территории района пролегает железная дорога, река Вятка открывает водные пути на камско-волжские просторы. Четыре крупных бюджетобразующих предприятия – ОАО «Кукморский вяляльно-войлочный комбинат», ОАО «Кукморская швейная фабрика», производственный кооператив «Мелита – Кукмор» и ОАО «Кукморский завод металлопосуды» - имеют более 60% удельного веса в промышленном производстве района.

Удмуртские населенные пункты расположены на территории шести сельских муниципальных образований: Оштормаюмьинского, Среднекуморского, Важашурского, Нижнерусского, Нырбинского и Лельвижского. По словам глав администраций Оштормаюмьинского и Среднекуморского МО, лучшие результаты по их зоне показывают сельхозкооперативы Балтасинского района (вероятно, не случайно бывшего главу администрации района назначили министром сельского хозяйства Татарстана), тогда как Кукморский район по своим производственным показателям близок к отстающим (похуже ситуация только в хозяйствах Мамадышского, где также есть удмуртские деревни, и Атнинского районов).

В Оштормаюмьинское МО входят 7 удмуртских деревень – Ошторма Юмья, Старая Юмья, Верхняя Юмья, Вильмон, Филипповка, Новый Кумор) и 1

кряшенская – Сардаусь. Базовым предприятием, обеспечивающим население работой, является колхоз «Заря». По словам респондентов, ситуация в хозяйстве – не самая лучшая. Колхозникам зарплату не платят, только перед праздниками выплачивают в среднем по 100–150 рублей. Руководство колхоза по отношению к труженикам ведет себя жестко, диктует населению свои правила поведения. В частности, во время нашей экспедиции, по указанию председателя колхоза сельская администрация должна была в срочном порядке собрать население на уборку картофеля – детей, служащих, учителей, совершенно не беря в расчет того, что это был период активной подготовки к новому учебному году (конец августа). По словам сельского библиотекаря, на колхозные работы людей направляют приказным порядком: «Если не выйдешь, могут и прогул поставить. А свою работу приходится оставлять на «потом», не делать ее тоже нельзя». Колхоз пытается помочь своим работникам, например, в строительстве жилья, но, как отмечают респонденты, в последние годы и эта поддержка ослабла. В частности, покосы, фураж и т. д. колхозникам выделяют в зависимости от зарплаты. Если раньше солому раздавали бесплатно, то теперь за нее надо платить. Оказывается помощь в скашивании сена, но его доставку люди должны организовывать сами.

Судя по имеющейся информации, не лучшим образом идут дела и в других «удмуртских» СПК района. Так, колхоз «Виль кужым», земли которого расположены на территории Среднекуморского МО, также не в состоянии выплачивать заработную плату. Лельвижский колхоз был на грани банкротства, и его выкупило соседнее хозяйство «Вахитово», которому нужны были плодородные лельвижские земли. Впрочем, «потеря» самостоятельности не очень печалит колхозников: новое руководство гарантировало ежемесячную выплату зарплаты.

По мнению главы Среднекуморского МО, колхозы все равно видоизменяются. «Так бесконечно длиться не может, – отмечает он. – Внутренние ресурсы практически исчерпаны. Идет какая-то искусственная

подпитка. Почти половина рабочих рук в колхозах – лишние. А вообще, я думаю, что где-то там, в верхах, нас пока делят между собой, а когда договорятся, мы узнаем чьими стали».

Неблагоприятная экономическая ситуация в хозяйствах вынуждает население искать другие источники проживания. Так, многие жители удмуртских деревень работают в Сабинском лесхозе, которому принадлежат все близлежащие лесные массивы (по словам главы Оштормаюмьинского МО, в районе нет колхозов, имеющих свои леса). Управление Сабинского лесхоза находится в соседнем с Кукморским Сабинском районе. Для подвоза работников руководство лесхоза выделило вахтовый автобус. Заработная плата в хозяйстве составляет от двух до пяти тысяч руб. в месяц.

Многие уезжают работать в Кукмор, Казань и соседнюю Кировскую область – в г. Вятские Поляны. Однако для большинства основным источником доходов остается личное подсобное хозяйство (ЛПХ), требующее непрерывного тяжелого физического труда. Продукция с ЛПХ реализуется дворохозяевами в основном на рынках Кукмора и Вятских Полян, продается скупщикам. Организованно у населения закупается только молоко.

Глава Оштормаюмьинского МО (кряшен, 1968 года рождения, свободно владеет удмуртским языком, жена – удмуртка) около трех лет занимался закупкой мяса у населения. «Для того, чтобы организовать свой бизнес, – рассказывает он, – я все, что в доме было (магнитофон, телевизор и др.) продал. Взял кредит, купил УАЗик и начал закупать у населения мясо, которое возил в Казань. Когда начинал, те, кто уже знал, какая это тяжелая работа, мне говорили, что года на два тебя хватит. Меня хватило на три, но здоровье свое успел угробить. На первых порах люди на меня смотрели косо: вроде я на их горбу наживаюсь, а когда забросил, сами стали просить, чтобы снова занялся. Продукцию-то реализовать сложно, а я с ними наличкой всегда рассчитывался. Уговариваю сейчас молодых – не хотят. Тяжело это – сам и грузчик, и водитель, и бухгалтер, сам же охранник. В сельский совет сознательно пошел

работать. Передышка нужна. Хочу заняться фермерством, картофель выращивать».

На территории Оштормаюмьинского МО фермерских хозяйств нет, в соседнем Среднекуморском – три. Все фермеры – удмурты. Глава МО считает, что «дела у них идут не очень хорошо, поля запустили». По мнению селян относительно неплохо развивается хозяйство только у одного фермера, который отделился от колхоза в самом начале фермерского движения, но «работать ему приходится так, что и сигарету выкурить некогда».

Приведенные примеры достаточно наглядно демонстрируют, какое физическое и психологическое напряжение приходится выдерживать селянам, чтобы выжить в рыночных условиях, не ощущая при этом почти никакого внимания и поддержки со стороны государства. Не может не удивлять терпение, с которым люди воспринимают выпавшие на их долю напасти. «Кто работает, тот живет. Везде работа есть, есть куда руки приложить. Главное – не утонуть в бутылке», – говорят они. «В колхозе работал, сейчас на инвалидности – тросом на работе руку повредил, но все равно тружусь. Экскаватор из запчастей собрал и работаю – и колхозу, и людям помогаю. Работы очень много, а я – надежный человек. И братья мои не сидят, шевелятся, помогаем друг другу. Как без этого? Ждать помощи от государства – нет смысла, быстрее копыта откинешь», - говорит бывший колхозник «Виль кужыма».

Таким образом, в Балтасинском и Кукморском районах Татарстана удмурты склонны полагаться прежде всего на самих себя. За жизнеобеспечение семей они борются собственными силами, надеясь на свое трудолюбие, терпение и предприимчивость. В то же время в хозяйствах (в данном случае – Балтасинского район), руководство которых профессионально и своевременно среагировало на изменяющуюся внешнюю среду, удалось сохранить материально-техническую базу, рабочие руки, приемлемые для людей условия труда и оплаты, обеспечивающие население работой и минимальным

достатком, что, безусловно, отражается на общем, относительно положительном самочувствии селян.

Мари-Турекский район Марий Эл является одним из самых крупных в республике. Район образован в 1924 г., основу его экономики составляет сельскохозяйственное производство.

Удмуртские населенные пункты расположены на территории трех сельских муниципальных образований района – Карлыганского, Хлебниковского и Опаринского. По местному преданию, предками мари-турекских удмуртов являются выходцы из д. Старая Ципья современного Балтасинского района Татарстана.

Основная часть удмуртов проживает на территории Карлыганского совета. «Карлыганский край считается в районе одним из лучших, – говорят в Мари-Турекской администрации, – а колхоз «Восход» является передовым хозяйством». По мнению респондентов, сегодняшними успехами «Восход» во многом обязан своему первому руководителю – Г. Н. Багаеву, который возглавлял хозяйство с 1963 по 1978 гг. Именно благодаря его талантливому руководству, поднялись в Большом Карлыгане двухэтажные дома, школа, дом культуры, детский сад. Однако стремление быть впереди других, по-видимому, свойственно карлыганским удмуртам с более ранних времен. Вот что писала газета «Мари-Турекская правда» еще в августе 1931 г.: «Благодаря правильной организации труда и широкому развитию соревнования, ударничества и применению сдельщины многие колхозы уборку ржи закончили. Первым 24 июля закончил ее удмуртский колхоз «Смена» Карлыганского сельского совета» [Турекская сторона, 2000: 48]. Слово «первый» достаточно часто встречается в истории колхоза «Восход». Первый газовый факел на территории района также был зажжен в «удмуртском» колхозе.

Негативные тенденции – ухудшение состояния машинно-тракторного парка и материально-технической базы, снижение плодородия почв продуктивности животноводства, происходившие в сельском хозяйстве страны

в постперестроечные годы, не обошли стороной и «Восход», но, тем не менее, колхоз справился с возникшими проблемами и выстоял. В 2003 г. работники хозяйства в среднем получали зарплату 1200–2000 руб. (около 800 руб. выдавалось колхозникам наличными, остальная часть – натуральной оплатой). В августе 2003 г. по Карлыганской администрации насчитывалось 85 индивидуальных застройщиков.

Одной из шести удмуртских деревень, входящих в Карлыганское МО, является д. Малый Карлыган, которую в округе называют «деревней новых удмуртов». По словам старосты, такая характеристика дана не случайно, деревня действительно богатая: «Судите сами: всего у нас 28 хозяйств, а частных тракторов – 11. Есть дворы, имеющие практически полный набор сельскохозяйственной техники. Имеются косилки, прессы, плуги и т. д.». Жителям деревни удалось на уровне самоуправления сохранить прочные духовные и хозяйственные устои и передать эти традиции молодому поколению. «У нас очень сильно развита взаимопомощь. Всей деревней друг другу помогаем – и соседям, и родственникам. Мы и отдыхаем всей деревней. У молодежи между собой тоже хорошие отношения, дружно живут. Никаких драк, выяснения отношений не бывает. Почти не пьют. Хорошо помогают родителям, практически полноправные участники домашнего хозяйства. Получают сельскохозяйственные профессии, потом обратно к родителям возвращаются. Но раз в личных хозяйствах техника есть, предпочитают заниматься своим делом, в колхоз идти уже не хотят», – говорит староста.

Много хуже экономическая ситуация на территории Хлебниковского муниципального образования, к которому, среди прочих, относятся небольшие удмуртские деревни Лом, Сизнерь и Семеновка. В 1990 г. эти поселения объединились в совхоз «Ломовский», который, однако, не смог адаптироваться к новым экономическим условиям. По словам респондентов, колхозники уже лет 10 не видели наличных денег. Механизаторам зарплата не выдается даже в уборочную страду, население выживает за счет реализации продукции с

личных подворий; за счет пенсий престарелых родителей и заработной платы членов семьи, занятых в бюджетной сфере, если таковые, конечно, есть. В Хлебниковском МО, например, единственной организацией, финансируемой из бюджета, является только Ломовская школа-сад. Но даже с ней связаны серьезные проблемы. Директору, чтобы школу-сад не закрыли из-за недостаточного контингента детей, приходится прибегать к разным ухищрениям. В частности, за посещение детьми детского сада директор не берет никакой платы. «Как я буду с родителями деньги брать, – говорит она, – если знаю, что они годами зарплату не получают. Им проще будет не водить детей в садик, но тогда группа закроется, и воспитатели потеряют работу. Дети ходят в дырявых тапочках, летом бегают полуголые. Многие и наедаются-то только у нас». Питание в детском саду и школе бесплатное, организуется полностью за счет пришкольного участка. Силами сотрудников выращиваются овощи и ягоды, выкармливаются поросята, заготавливаются консервы. Таким образом, Ломовская школа-сад становится для жителей удмуртских деревень центром не только воспитания и образования, но и оказания моральной и финансовой поддержки.

На территории Хлебниковского МО есть фермерские хозяйства, в том числе и удмуртские. В д. Лом фермерское хозяйство организовала молодая семья, где оба супруга имеют сельскохозяйственное образование. Муж – удмурт, жена – луговая марийка, имеют двоих сыновей – учащихся 5-го и 7-го классов. Хозяйство полностью ведут собственным трудом. В какой степени тяжел избранный ими вид деятельности, наглядно демонстрируют слова главы семьи, сказанные в ответ на просьбу участников экспедиции встретиться с ним: «Не надо приходить. Видеть никого не хочу, и не буду я ни с кем разговаривать. Я тут в навозе уже заплюхался, некогда мне». Поддалась на наши уговоры жена фермера. «Это рабский труд, без единого выходного, – прокомментировала она наши вопросы. – Но и выбора особого у нас нет. Будем дальше заниматься. Скорее всего, будем выращивать овощи, все же это

выгоднее, чем зерно, да и курятник, наверное, расширим». Большую поддержку родителям оказывают дети. «Если будет надо, и я также буду работать», – сказал старший сын. Мы покинули дом фермера после 11-ти вечера, но хозяина еще не было, он продолжал работать где-то в поле.

При всей чрезвычайно сложной и, казалось бы, почти безвыходной ситуации, сложившейся на территории администрации, люди продолжают строить жилье, хотя в республике никаких кредитов на сельское строительство не выделяется. Население строится в основном за счет реализации продукции с приусадебных хозяйств. По словам респондентов, в последние 2–3 года в д. Лом построили 2 новых дома, в Сизнере – 6, в Семеновке – 7. Эти цифры вселяют надежду, что удмуртские деревни в Республике Марий Эл сохранятся и в дальнейшем.

Этнографическая экспедиция в Кировской области проходила в июле 2005 г. Таким образом, информация о ситуации, сложившейся на территории проживания нижнечепецких удмуртов, является наиболее свежей и новой, по сравнению с материалами о других диаспорных группах.

Светозаревский сельский округ *Слободского района* Кировской области, где компактно проживают удмурты, расположен относительно недалеко от районного центра. Между городом Слободским и Светозаревом ежедневно курсирует рейсовый автобус. «Мы всегда говорим, что Светозаревский сельский округ – уникальный, – отмечают в районной администрации, – здесь особые взаимоотношения, и живут они дружнее. В Светозарево всегда очень чисто, уютно, ухоженно». Светозарево (удм. *Гырдор*), по рассказам респондентов, удмурты основали в 1927 г.: они переселились в эти места из с. Круглово (удм. – *Чола*) после большого пожара. В удмуртском селе Круглово еще в недавнем прошлом (в 60-е–70-е гг. XX в.) насчитывалось около 300 дворов, в настоящее время оно совершенно опустело.

«В 1980 г., когда я начинал работать, – рассказывает глава поселения, – в округе было 1142 человека, а сейчас – 650». В Светозарево есть двухэтажная

кирпичная школа на 320 учащихся (в 2004–2005 учебном году обучалось 50 школьников), двухэтажный кирпичный детский сад на 30 мест (в 2005 г. его посещало 15 детей), двухэтажный кирпичный Дом культуры, фельдшерско-акушерский пункт, 2 магазина. Село не газифицировано, но это проблема не только Слободского района, а всей Кировской области. Вопрос о газификации обсуждается давно, но для проведения работ в областном бюджете финансов нет.

Единственным производственным предприятием на территории Светозаревского поселения является СПК «колхоз «Родина». В советское время колхоз славился своим свинокомплексом не только в области, но и за ее пределами. Для изучения опыта удмуртских колхозников в Светозарево приезжали даже специалисты из Москвы. В годы перестройки свинокомплекс отделился от колхоза, впоследствии его неоднократно перепродавали разным владельцам, а затем, якобы, свиньи заболели, и комплекс обанкротился. За предприятием остался долг в 140 тыс. руб., а колхоз вынужден был выкупать принадлежавшее ему когда-то оборудование у обанкротившихся владельцев. В настоящее время разобраны даже здания ферм. От когда-то знаменитого свинокомплекса не осталось и следа.

В сложном экономическом положении находится и колхоз «Родина». В 2005 г. его хотел «прибрать к рукам» частный предприниматель, но собрание колхозников большинством голосов воспротивилось и выбрало в председатели бухгалтера колхоза. По словам нового руководителя, согласилась она только потому, что не хотела, чтобы колхоз оказался в руках человека, в планах которого вложение инвестиций в производство не намечалось. С таким отношением хозяйство неизбежно бы обанкротилось, а через это светозаревцы уже проходили: они хорошо запомнили историю разорения свинокомплекса. Однако, помимо производственных проблем, председателю теперь приходится заниматься и решением разногласий в коллективе, так как обсуждение вопроса о возможной продаже СПК привело к расколу среди колхозников.

В «Родине» насчитывается 450 голов крупнорогатого скота (в советское время было 600–700). Овощеводством и картофелеводством хозяйство не занимается, хотя в прошлые годы картофель выращивали. По словам бывшего агронома хозяйства, километры пахотных земель в районе заросли лесом, огромные площади запущенных угодий «колонизованы» «борщевиком», когда-то завезенным в область как богатая белком кормовая культура. Ожиданий земледельцев она не оправдала, а вот для полей стала настоящим бедствием. Заросли ядовитого сорняка-монстра, вызывающего опасные ожоги у человека, встречаются уже в лесных массивах области, в чем во время экспедиции мы убедились воочию.

«Родина» в настоящий момент живет за счет реализации молока, что приносит в бюджет хозяйства около 80% прибыли, 30 % от которой идет на оплату труда. Заработная плата (в среднем – 1,5 тыс. руб.) выплачивается ежемесячно. По словам председателя, это низкая зарплата, в других хозяйствах она доходит до 3-х–4-х тыс. руб. в месяц, но в то же время колхоз выдает ее без задержек, а в других СПК задолженности по зарплате порой бывают до 1 млн. руб. и больше.

Машинно-тракторный парк изношен; последний раз трактор приобретали в 1995 г. Из-за постоянных поломок техники запаздывают посевные и уборочные работы. «Колхозы не берут кредиты, считают, что это невыгодно и опасно», – говорит глава Светозаревского сельского поселения. Со стороны районного и областного руководства колхозники не ощущают никакой поддержки. О существовании каких-то специальных программ по поддержке сельского хозяйства, по их словам, они никогда не слышали. «Единственная помощь – долги реструктурировали, продлили на два года», – говорит председатель колхоза. «Администрация района уже не в состоянии управлять происходящими процессами, – отмечает глава поселения, – председатели колхозов не считают себя обязанными им подчиняться».

По мнению большинства респондентов, колхоз долго не выдержит. «Ситуацию практически уже невозможно исправить, – считают они. – Надо было раньше браться». Средний возраст колхозников – около 45 лет; из 85 работников как минимум 10 – едва не алкоголики. Их председатель возила в Слободской на «кодирование» за счет средств хозяйства. Из десяти один уже снова запил. Моложе тридцати лет в хозяйстве работников практически нет. Молодежь предпочитает искать работу в городах – Слободском, Кирове и др.

Тем не менее, в районной администрации утверждают, что светозаревцы живут много лучше других. Здесь больше всего (по району) тракторов в частном секторе – около пятидесяти. Технику приобретают подержанную, выполняют на ней работы не только в собственных подворьях, оказывают и платные услуги населению. Почти в каждом хозяйстве держат свиноматок. «Две свиноматки – это минимум, – говорят светозаревцы. – наших поросят хвалят. Мы район и область поросятами обеспечиваем, и в Удмуртию продаем». Например, бывший агроном колхоза от своих 3-х свиноматок реализует в сезон до 35–40 поросят (цена за одного поросенка в 2005 г. была 1000 руб.; 40% от общей суммы выручки идет на приобретение кормов). В ЛПХ выращивают по 35–40 соток картофеля, излишки урожая сдают скупщикам. Большой удачей светозаревцев является близость рынков г. Слободского. «Мы слободских всю жизнь кормили – продавали в городе ягоды, орехи, грибы, яйца, молоко, мясо», – говорит пожилая женщина при общении участников экспедиции с селянами. «Здесь удмуртов считают трудолюбивыми, – подхватывают собеседники помоложе. – Русские говорят, что малина с ними рядом, а светозаревцы успели уже ее всю собрать. У татар сложилось мнение: чтобы хороший лук вырастить, нужны удмуртские руки».

Помимо тяжелой работы в личном хозяйстве, много трудов и времени отнимает заготовка дров на зиму, так как практически во всех деревнях – печное отопление. Сетуют селяне, что леса в области хищнически разворовываются: «Никакого заслона воровству нет. Скоро и там ничего не

останется». По мнению главы Светозаревской администрации, в других сельских округах района положение еще хуже, но едва ли это может утешить слободских удмуртов. «Мы стараемся не думать о завтрашнем дне, потому что страшно, – говорят они. – Еще один день прожит – и, слава богу». О своих проблемах светозаревцы говорят, не скрывая отчаяния и некоторой зависти к жителям Удмуртии. «Мы когда в Удмуртию едем, сразу замечаем, где закончилась Кировская область: если в автобусе перестало трясти, значит, мы уже в Удмуртии». «Мне еще бабушка говорила, – рассказывает работник сельского Дома культуры с. Светозарево, – что в Удмуртии и раньше жили лучше. В 50-е–60-е гг. прошлого века они ездили в глазовскую сторону менять свою одежду на еду. Потому у многих и не сохранились старинные национальные костюмы».

Унинский район расположен в юго-восточной части Кировской области, в 189 км от г. Кирова и в 75 км от ближайшей железнодорожной станции Фаленки. В 1999 г. сельскохозяйственным производством в районе было занято 19 коллективных хозяйств. Фермерское движение должного развития не получило. Из промышленных отраслей развита лесная (заготовка, вывоз и переработка древесины, обеспечение топливом) и перерабатывающая (Унинский маслодельный завод и Малиновский мясокомбинат).

По словам представителей районной администрации, экономическая ситуация в районе несколько хуже, чем в Слободском. «Чем дальше от больших городов и хороших дорог, тем хуже ситуация», – отмечают они. По данным 1999 г., протяженность дорог с твердым покрытием в Унинском районе составляла 234 км, в том числе асфальтированных – 65 км. Похоже, дороги – одна из главных бед Кировской области, в чем смогли убедиться и участники экспедиции: дорогу протяженностью в 20 км преодолевали в течение девяти часов. Кстати, отсутствие хороших дорог является одной из причин исчезновения удмуртских деревень. «Были бы дороги, не уезжали бы люди никуда», – говорят кировские удмурты.

Трудные 90-е годы нанесли ощутимый урон сельскому хозяйству Унинского района. К 1997 г., по сравнению с 1991 г., посевные площади сельхозкультур сократились на 7141 (10%), на 96% – под картофелем, на нет были сведены овощные культуры. поголовье КРС уменьшилось на 36%, свиней – на 71%, овец – на 96%.

В Унинском районе удмуртское население сосредоточено на территории Астраханского (д. Астрахань – 305 чел., д. Сибирь – 285 чел.) и Сурвайского сельских округов (д. Удмуртский Сурвай – 96 чел.). Остальные 754 удмурта из 1440 проживающих в районе, по данным районной администрации за 2005 г., рассредоточены по другим населенным пунктам.

Центральной усадьбой Астраханского округа является д. Астрахань. Ранее здесь же располагалась администрация колхоза «Труженик», объединявшего 2 деревни. В 1991 г. колхоз «Труженик» разделился на два хозяйства – муниципальное унитарное предприятие (МУП) «Сибирский», базирующееся в д. Сибирь, и колхоз «Труженик» в д. Астрахань (с июля 2005 г. – МУП «Астрахань»). По словам респондентов, разделение произошло по инициативе сибирцев.

В двух хозяйствах за прошедшие 14 лет сложилась совершенно различная социально-экономическая ситуация. МУП «Сибирский» числится в передовиках, успешно развивается. В хозяйстве насчитывается 101–102 работника. Среднемесячная зарплата зимой составляет 1,5 тыс. руб., летом – 2,5 тыс. руб., выдают ее регулярно. В начале 2000-х гг. МУП приобрело 2 новых трактора МТЗ-80, летом 2005 г. – закупило рулонник за счет кредита под 10% годовых, выделенного главой района. Кредитами предприятие старается не злоупотреблять, так как дорого обходятся и чреваты последствиями. В частности, за рулонник необходимо было рассчитаться до 1 сентября 2005 г., и чтобы не задерживать платежи, хозяйству пришлось сдать 40 голов молодняка. По мнению работниц бухгалтерии, к удмуртам в районной администрации

относятся с некоторой предвзятостью: «Елгани дают выгодные кредиты, а нам нет».

Хозяйство специализируется на мясомолочном производстве: в месяц за молоко выручают в среднем 200 тыс. руб. «В последние годы молодежь остается в деревне, – отмечают информанты, – учатся на механизаторов и возвращаются». По словам директора предприятия, в хозяйстве достаточно много лишних рабочих рук, но выгонять он их не хочет: «Это больше вреда принесет, чем пользы».

Сибирцы считают, что разделение пошло им на пользу. «Давно надо было сделать, – говорят они. – Астрахань жила за счет сибирцев. Там всегда больше на себя работали, на свое подворье, да и пьют они больше».

МУП «Астрахань» является убыточным предприятием. Задолженность по зарплате в июле 2005 г. составляла 1 млн. 200 тыс. руб. Руководителем хозяйства назначили бывшего председателя колхоза из с. Елгани, марийца. Никто, кроме него, на эту должность не соглашался, так как всем было известно, насколько сложна ситуация в «Астрахани». По мнению респондентов, едва ли новому директору удастся изменить ситуацию, к тому же у него бывают запои. Зоотехник хозяйства считает, что положение практически безвыходное. «При разделении все старые долги и старая техника колхоза «Труженик» остались нам, а сибирцы получили все новое», – рассказывает она. «Астраханцы и сами виноваты, – считает заместитель сельской администрации. – Они действительно пьют больше. И зарплату не получают, а пьют». Молодежь из Астрахани уезжает, так как нет работы.

Любопытно, что при всем этом все наши собеседники отмечали, что личные подворья у астраханцев крепче, чем у сибирцев; активно идет индивидуальное строительство. В подворьях сибирцев 28 единиц техники, у астраханцев – 23. По словам сотрудников сельской администрации, обе деревни специализируются на разведении гусей; рядом с Астраханью расположены

великолепные искусственные пруды. В Астрахани также разводят овец, а сибирцы покупают у них шерсть.

По мнению заместителя главы сельской администрации разногласия между деревнями появились еще в советские времена из-за неравномерного распределения финансовых средств. Сибирцы считают, что основная часть финансов всегда сосредотачивалась в Астрахани: там построены кирпичные здания Центра спорта и отдыха, сельской администрации, школы, тогда как в Сибири же все объекты социально-культурного назначения – деревянные. «После раздела колхоза стало сложно работать, – отмечает заместитель главы администрации. – Хотелось бы надеяться, что все исправится, но при таком развитии событий, когда одно из хозяйств на грани банкротства, и у людей соответствующее настроение, вряд ли произойдут изменения к лучшему».

Таким образом, тяжелая социально-экономическая ситуация, наблюдавшаяся в июле 2005 г. в целом по Кировской области, у косинских удмуртов усложнялась психологическим дискомфортом, возникшим в результате неграмотного административного руководства двумя удмуртскими деревнями Унинского района. При этом респонденты с трудом могут вспомнить, когда руководство области последний раз побывало в их районе. Данный факт, по-видимому, подтверждает, что селяне Кировской области не ощущают существенную финансовую и моральную поддержку не только со стороны федерального центра, но и со стороны областной администрации. Кировские удмурты в начале XXI в. вынуждены вновь, как и их предки, самостоятельно бороться за свое выживание.

Экономическая ситуация, сложившаяся на территории сельских муниципальных образований в районах компактного проживания диаспорных групп удмуртов подтверждает, что разумное сочетание сельского самоуправления и административного руководства, поддержка общественного землепользования и производства, и вместе с тем оказание разносторонней помощи личному подворью, фермерским хозяйствам, учет этнических

традиций хозяйствования при проведении рыночных реформ стали бы наиболее оптимальным вариантом обустройства жизни современного села, нежели оставление его один на один с бесцеремонными и жесткими элементами рынка.

§ 3.2. Политико-гражданская и этническая ориентации

Современная социокультурная ситуация в диаспорных группах удмуртов складывалась под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, и обусловлена историей этнического развития народа.

Описывая своеобразные черты характера, присущие удмуртам, исследователи в разное время подчеркивали их миролюбие, доброжелательность, гостеприимство, песенность, деликатность, стеснительность до робости, сдержанность в проявлении чувств, доходящую до скрытности и замкнутости, бережливость до скупости, терпеливость до самопожертвования, настойчивость до упрямства, исключительное трудолюбие, зависимость от социального окружения – осуждение общественным мнением воспринималось и осознавалось удмуртами как жизненный крах [См., например: Шкляев, 1992, 1998; Владыкин, 1994; Петров, 2002 и др.]. Перечисленные особенности, характеризующие ментальность народа, как представляется, в той или иной степени, присущи удмуртскому этносу (в том числе удмуртской диаспоре) и на современном этапе.

Удмурты, компактно расселенные в *Куединском районе Пермской области* и в *Татышлинском, Янаульском районах Республики Башкортостан*, по сведениям этнографов, с гордостью называют себя "истинными, настоящими удмуртами" (*чын удмуртъес*) [См., например: Миннихметова, 2000: 4; Садиков, 2001: 17; Черных: 2002: 7], что, несомненно, свидетельствует о высоком уровне их этнического самосознания.

В то же время анализ полевых материалов, а также постоянные контакты с удмуртской диаспорой в ходе практической деятельности автора данной работы позволяют сделать вывод, что бережное отношение к традициям своего народа, родному языку и национальной культуре свойственно в

основном удмуртам Башкортостана, тогда как среди удмуртов Куединского района Пермской области превалирует индифферентное отношение ко всему «удмуртскому». Здесь нередко от людей разного возраста можно услышать полувопрос-полуутверждение: "Зачем нам нужен удмуртский язык и удмуртская культура? Что они нам дают?" [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320].

Причины столь различных этнических предпочтений необходимо искать в истории формирования и развития данных диаспорных групп. Следует при этом отметить, что национальный нигилизм среди куединских удмуртов, впрочем, как и среди удмуртов Удмуртии, «укоренился» в 60–70-е гг. прошлого века. С переходом на русскоязычную систему образования, как это произошло в Большегондырской школе, администрация и учительский коллектив стали проводить среди родителей и учащихся пропагандистскую работу о первостепенной необходимости овладения русским языком. Родной язык, общение детей между собой на удмуртском языке, стало интерпретироваться учителями как препятствие, затрудняющее успешное освоение русского языка. Под влиянием учителей (в большинстве – удмуртов) выпускники покидали Большегондырскую школу с убеждением, что родной язык и культура их родителей не представляют ценности, а напротив, являются тормозом в социально-профессиональном продвижении, в адаптации к жизни. Через такую школу прошло не одно поколение куединских удмуртов.

С конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., с началом демократических перемен в российском обществе, интенсивной этнической мобилизации, ситуация среди куединских удмуртов стала меняться. В 1990 г. здесь была создана общественная организация «Удмуртский культурный центр»; активизировал свою работу удмуртский фольклорный коллектив села Большой Гондыр «Тюрагай», получивший в 2001 г. звание «народный»; в школьных программах появился предмет «краеведение»; расширились связи с Удмуртией и т. д. Все это пробудило определенный интерес удмуртов к родной культуре и

языку, но не в такой степени, чтобы можно было говорить о существенном росте их этнического самосознания.

Согласно полевым данным, эмоционально-психологическое самочувствие удмуртов Куединского района достаточно спокойное: в иноэтничном окружении они чувствуют себя комфортно и не видят каких-либо угроз возникновения межэтнического противостояния с русскими. Удмурты здесь пользуются уважением районных органов власти и окружающего населения, они занимают руководящие должности в администрациях, колхозах, школах, учреждениях культуры в своих сельских поселениях. Более того, по словам главы Куединского районного муниципального образования, ему «хотелось бы, чтобы удмурты проявляли большую активность, так как в силу некоторой своей инертности они не всегда успевают за ритмом жизни».

Сегодня удмурты Куединского района больше склонны идентифицировать себя жителями Прикамья и гражданами России, нежели - представителями удмуртского этноса [См., например: Чагин, 2005: 53–59]. Превалирование политико-гражданской направленности коллективной идентичности над этнокультурной вызвано, скорее всего, общим положительным имиджем Пермской области. Это один из динамично развивающихся регионов Приволжского федерального округа; инновационные подходы пермской администрации к решению вопросов социально-экономического характера привлекают внимание федерального центра, и поэтому область часто выступает в качестве экспериментальной площадки для апробации новых программ и проектов. В среднесрочной перспективе будущее пермского Прикамья представляется достаточно благоприятным.

Численное преобладание русскоязычного населения детерминирует позиционирование данного субъекта федерации как «русской территории», а длительное проживание в близком соседстве с русским населением, спокойная обстановка в сфере межэтнических отношений, по-видимому, способствует ориентации пермских удмуртов на русскую идентичность. Быть не только

жителем края, но при этом еще и русским, воспринимается, похоже, как обладание более высоким социальным статусом. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что только безусловные успехи, достигнутые самими удмуртами Куединского района в разных сферах жизнедеятельности, а также повышение авторитета Удмуртской Республики в их глазах, могут переориентировать их коллективное самосознание в пользу удмуртской идентичности.

Политико-гражданская и этническая идентичности удмуртов *Башкортостана* имеют более сложный характер: с одной стороны, налицо стремление к сохранению удмуртской идентичности, тяготение к исторической «родине», а с другой – достаточно лояльное отношение к республике проживания. Двойственность коллективной идентичности, по всей видимости, объясняется социально-экономической и политической ситуацией в Башкортостане. В частности, согласно полевым данным 2002 г., в *Татышлинском* и *Янаульском* районах подавляющее большинство преимущественно удмуртских по составу населения сельских поселений, сельскохозяйственных производственных кооперативов, школ, детских садов, домов культуры возглавлялось представителями удмуртского этноса. Удмурты были представлены и на уровне районного руководства, особенно в Татышлинском районе. Межэтнические отношения уже на протяжении многих лет оставались спокойными и отличались стабильностью. По словам собеседников, за время многовекового соседства удмуртов, башкир, татар, марийцев в лексиконе ни у одного из этих народов не появились слова, оскорбляющие и унижающие чувство национального достоинства других.

Однако, говорить о том, что удмурты не испытывают вообще какого-либо дискомфорта, было бы не совсем верно. К примеру, сами же представители диаспорной группы, утверждая, что в Башкирии они не ощущают никакой дискриминации со стороны доминирующего этноса, то и дело сетуют на то, что по многим причинам (финансовым, политическим и т.

д.) их детям путь в высшие учебные заведения Уфы и других крупных городов республики практически закрыт, поэтому они предпочитают получать высшее образование в Удмуртии или в Пермской области. Одна из известных удмуртских журналисток, поэтесса (уроженка РБ, живет в УР) таким образом оценивает самочувствие удмуртов Башкирии: «Мы в Удмуртии хотя бы на втором месте (после русских – И. Ш-З.), поэтому нам легче здесь пробиться, а у себя мы только третий сорт, если не четвертый (после русских, башкир и татар). Об этом, конечно, никто открыто не говорит, но такое отношение все равно чувствуется». Внутренняя политика Башкортостана, судя по фактам, имеет определенный дискриминационный характер (если не действием, то результатом) по отношению к представителям нетитульной национальности. В частности, в 1995 г. башкиры, составляя 21,9% населения Башкортостана, занимали 73,3% должностей в высших эшелонах власти и 48,4% – в территориальных структурах [Феномен Удмуртии. Т. 9, 2006: 243]. Тенденция к «башкиризации» республики явно ощущалась и в ходе переписи населения 2002 года [НОА УИИЯЛ...].

Нельзя отрицать того, что в местах компактного проживания удмуртов им оказывается достаточная помощь и поддержка как со стороны районной, так и республиканской власти, тем не менее, должное признание и уважение им проще заслужить на своей исторической родине – в Удмуртии, где выходцы из башкирской диаспорной группы становятся руководителями республиканского уровня и достигают высоких званий в области науки, образования, культуры и искусства и т. д.

Таким образом, проявление приверженности Удмуртской Республике, где башкирским удмуртам удастся успешно реализовать себя и достичь высокого социального статуса, не отказываясь при этом от своей этничности, кажется вполне логичным и оправданным. Однако более стабильное и динамичное, по сравнению с Удмуртией, социально-экономическое развитие Башкирии в постсоветский период, обеспечивающее соответственно и более

высокий уровень жизни населения, обуславливает сохранение лояльного отношения удмуртов к субъекту федерации, ставшему для них постоянным местом проживания. Как представляется, такая направленность идентичностей удмуртов Башкортостана сохранится и в дальнейшем, и только возможные масштабные и глубокие изменения социокультурной среды могут вызвать существенную политико-гражданскую и этнокультурную переориентацию в сознании представителей данной диаспорной группы.

Национальная политика *Республики Татарстан* строится на двух фундаментальных приоритетных положениях: всестороннее развитие татарского народа как государствообразующей нации и укрепление Республики Татарстан как исторически сложившейся формы его государственности, с одной стороны, и обеспечение равных с татарским народом условий жизнедеятельности для всех этнических общин и граждан, в совокупности составляющих многонациональный народ республики, с другой [Фокин, 2002: 39]. Однако, наблюдающиеся в постсоветском Татарстане тенденции к росту русофобии, неокоренизации органов государственного и муниципального управления, наступление на позиции русского языка, использование «титульного» языка в качестве государственного как фактора выдавливания нетитульного населения (в первую очередь, – русских), миграционные процессы, в ходе которых выезд русских превышал их въезд, а вселение татар превышало их выселение привели к обострению политической ситуации и усилению напряженности в межэтнических отношениях в республике [Феномен Удмуртии. В 9 Т. Т.1, 2001: 105].

Существующую дискриминацию по отношению к нетитульным народам Татарстана ощущают и удмурты. Говорить об этом вслух не принято, но реальная ситуация, сложившаяся в районах компактного проживания удмуртов, говорит сама за себя: не замечать пренебрежительного отношения к ним со стороны представителей титульного этноса невозможно. В частности, в ходе экспедиции 2003 г. в *Балтасинский и Кукморский районы республики*, все

наши респонденты-удмурты подчеркивали мирный, дружеский характер межэтнических отношений в Татарии, но при этом практически всегда проскальзывали высказывания об ощущении ими некоторого дискомфорта. Приведем некоторые примеры: «Чтобы показать себя в глазах татарина, очень сильным надо быть. Это все равно что трава, которая пробивает асфальт. Вот этой траве надо уподобиться. Надо быть дисциплинированным, знать их язык, быть умным. Одним словом, чтобы татарин тебя признал, надо на голову быть выше его. А таких среди нас мало. Но если и появляются такие, татарам это не очень нравится»; «в открытую нас татары, конечно, не унижают. Но на самом деле проявляется желание ставить себя выше нас. Не стоит рисковать что-то говорить им против, возражать. На высокие должности удмурта никогда не поставят»; «татарин, конечно, все равно поддерживает татарина. Удмурта уж все равно за своего не считают»; «статус татарина все-таки выше удмурта. О нас все время говорят – работающие, работающие. Как будто мы только для того и рождены, чтобы работать на тяжелой физической работе, а не начальниками быть» [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320 «а»].

«Начальников» среди представителей удмуртской национальности в Татарстане действительно немного. Например, в Кукморском районе на руководящих должностях удмурты представлены в основном на уровне директоров школ и специалистов среднего звена. Председателями шести сельскохозяйственных производственных кооперативов, расположенных на территории преимущественно удмуртских по составу сельских поселений, являются татары, причем четверо из них не местные, то есть не проживают в населенных пунктах, относящихся к данному колхозу. Среди глав сельских муниципальных образований – три удмурта, два татарина, один кряшен. В администрации Балтасинского района среди руководителей-удмуртов смогли назвать только двух директоров школ – Ципьинской и Среднекушкетской, заместителя редактора районной газеты (в с. Балтаси районная газета дублируется на удмуртском языке под названием «Азьлане») и бывшего

председателя колхоза «Труд» (центральная усадьба в с. Ципья), ушедшего со своей должности по собственному желанию. Все перечисленные факты относятся к августу 2003 г., но, судя по имеющейся информации, за прошедшие годы существенных изменений в районах компактного проживания удмуртов в Татарстане не произошло.

Сложившаяся ситуация вызывает противоречивые чувства. Анализируя современное состояние татарстанской удмуртской диаспоры, профессор Г. А. Никитина отмечает: «Будучи вовлеченными в жизненную драму, в которой участвуют три силы – республика-хозяин, сама диаспора и республика-родина – удмурты Татарии в силу разных причин (относительной компактности проживания, сравнительно немалой численности, инициативности большинства самих удмуртов и т. д.), может быть, и не переживают постоянного этнопсихологического стресса на грани фрустрации. Но сказать, что они не озабочены своим завтрашним днем, будущим своих детей в плане коллективной этнической идентичности – будет неправдой» [Никитина, 2002: 19]. Сами «татарские» удмурты активного неприятия официальной идеологии «мы – татарстанцы» не проявляют и, в общем и целом, остаются приверженными республике проживания. Подобное политико-гражданское поведение вызвано, вероятно, теми же факторами, что и в случае с диаспорными группами удмуртов Пермской области и Республики Башкортостан: социально-экономическая ситуация в Татарстане существенно лучше, чем в Удмуртии. В то же время для удмуртов Татарии важно ощущать себя частью большого удмуртского этноса, и они ориентированы на «материнскую» этническую культуру титульной республики, которая притягивает их своими культурно-просветительными, научными, общественно-политическими центрами.

Оказавшись в сложной и противоречивой этнопсихологической ситуации, татарстанские удмурты интуитивно ждут помощи от Удмуртии, которую достаточно часто и порой вполне оправданно критикуют за

инертность, нерешительность, иногда – за равнодушие к их судьбе. Со стороны титульной республики наиболее реальной и существенной поддержкой на данном этапе могло бы стать содействие в работе Национально-культурной автономии (НКА) удмуртов, созданной в Татарстане в 2004 г. Очевидно, с активизацией деятельности НКА, направленной, прежде всего, на преодоление разобщенности компактно проживающих в разных районах республики удмуртов, в какой-то степени связано и сглаживание переживаемого ими сегодня этнопсихологического дискомфорта. Как представляется, на решение этой актуальной задачи – объединение удмуртов Республики Татарстан – следует в первую очередь обратить внимание и органам государственной власти, а также общественным организациям Удмуртии при сотрудничестве с данной этнотерриториальной группой удмуртов.

Формирование коллективной идентичности *удмуртов Республики Марий Эл* происходит под влиянием факторов, порой усложняющих процесс их политико-гражданской и этнокультурной ориентации. «Марийские» удмурты входят в шошминскую (балтасинско-карлыганскую) подгруппу арской группы южных удмуртов, к которой также относятся удмурты Балтасинского района Республики Татарстан и Малмыжского района Кировской области. Несмотря на то, что шошминские удмурты в ходе исторических событий были разделены административными границами и уже достаточно длительное время проживают на территории разных субъектов федерации, они по-прежнему продолжают поддерживать между собой тесные, в том числе родственные, связи, что способствует сохранению их удмуртской этнической идентичности, особенно среди удмуртов Мари-Турекского района Республики Марий Эл. При этом, соотнося себя с удмуртским этносом в целом, марийские удмурты четко осознают свое родство с шошминской подгруппой арских удмуртов.

Другим, не менее важным фактором, влияющим на формирование коллективной идентичности карлыганских удмуртов, является их проживание на территории одной из титульных национальных финно-угорских республик.

Объединительное движение родственных финно-угорских народов в постперестроечные годы проходило достаточно активно. Стремление совместно решать существующие среди финно-угорских народов проблемы нашло отражение и в установлении более тесных контактов между органами власти российских финно-угорских регионов, что способствовало укреплению связей и налаживанию сотрудничества между ними по многим направлениям. Проживание «марийских» удмуртов на территории родственной финно-угорской республики и их сопричастность к совместной финно-угорской деятельности, вероятно, сглаживает для них «дистанцию» между республикой-хозяином и республикой-родиной.

Относительно социально-экономических факторов, следует отметить, что Мари-Турекский район расположен на границе с Республикой Татарстан и Кировской областью, что позволяет карлыганским удмуртам сравнивать и реально оценивать уровень жизни населения в трех субъектах федерации. Из опыта повседневной жизни они знают, что стабильная социально-экономическая ситуация в постсоветской Татарии обеспечивает татарстанцам более благополучную жизнь, поэтому несколько критичное отношение к Марий Эл не кажется неожиданным. Однако утверждать, что данная диаспорная группа не проявляет привязанности к республике проживания было бы преждевременным и ошибочным.

Наблюдающаяся сегодня среди карлыганских удмуртов тенденция к обрусению, вызвана, вероятнее всего, двумя причинами – их малочисленностью и высоким уровнем межэтнических браков. Но, если учесть существующие в Мари-Турекском районе давние традиции обучения детей родному языку, бережного отношения к национальной культуре и обычаям народов, проживающих на территории района, происходящие ассимиляционные процессы не кажутся необратимыми.

Этнокультурная и политико-гражданская ориентация коллективной идентичности *удмуртов Кировской области*, по всей видимости, направлена на Российскую Федерацию в целом и на обрусение в частности.

Однако в диаспорных группах кировских удмуртов наблюдаются явления, которые, по мнению автора, ставят под сомнение их кажущееся, на первый взгляд, неоспоримым, депрессивное этнопсихологическое состояние. Прежде всего, это касается молодежи. В частности, в дд. Астрахань и Сибирь Унинского района созданы Советы молодежи, которые приобщают старшеклассников и молодых людей, в том числе молодые семьи, к активной общественно-политической деятельности. По словам активистов Совета, в культурно-массовой и общественно-полезной работе с большим желанием участвуют и юноши, и девушки. Культурные, спортивные мероприятия, месячники по благоустройству территории, конкурсы молодых подворий и т. д. проводятся с привлечением широкого круга односельчан. Деятельность Советов поддерживается через областную целевую программу, но на проведение большей части мероприятий молодежь изыскивает или зарабатывает средства сама.

Не является однозначно отрицательным отношение молодых людей и к родному языку, культуре. Юные астраханцы говорят: «Учили бы в школе удмуртский, если бы преподавали», «не знаю, почему не говорим по-удмуртски, стесняемся что ли. Все бы говорили – и мы бы стали».

Явно ощутимым и более действенным стало стремление к сохранению своей этничности и среди удмуртов Слободского района, которых все больше притягивает титульная Удмуртская Республика. Районная и областная администрации осознают, что интерес слободских удмуртов к национальной культуре, родному языку, обычаям и традициям, желание передать их подрастающему поколению, позитивно влияет на воспитание молодежи и сохранение духовности, и по мере возможности оказывают определенную поддержку.

Учитывая вышеизложенное, Удмуртии, вероятно, необходимо активизировать работу по удовлетворению этнокультурных и других запросов соплеменников, живущих в Кировской области. Более интенсивные контакты с титульной республикой, активная жизненная позиция молодежи, проживающей в удмуртских деревнях, по мнению автора, могли бы стать хорошей основой, опираясь на которую можно было бы изменить в лучшую сторону психологическое самочувствие, если не всех кировских удмуртов, то, хотя бы, проживающих в Слободском и Унинском районах области.

Таким образом, коллективная идентичность этнотерриториальных групп удмуртов имеет сложный двойственный характер. С одной стороны, диаспора стремится сохранить свою этничность, с другой – наблюдается тенденция к усилению политико-гражданской составляющей ее самосознания. При этом среди удмуртов, компактно проживающих в национальных республиках (особенно в Башкортостане и Татарстане, меньше – в Марий Эл) приверженность к своему этносу выражена достаточно ярко, в то время как в Пермской и Кировской областях превалирует политико-гражданская ориентация.

§ 3.3. Этнокультурная и языковая ситуация

Современную языковую ситуацию, сложившуюся в удмуртских диаспорных группах, невозможно объективно оценить, не обратившись к некоторым общим историческим предпосылкам, повлиявшим на развитие удмуртского языка в целом. В данной работе автор основное внимание уделяет его функционированию в сфере образования и в средствах массовой информации.

Удмуртский язык вместе с коми-зырянским и коми-пермяцким относится к пермской ветви финно-угорской семьи уральских языков. Начало становления единого удмуртского литературного языка относится ко второй половине XIX в. и связано с распространением просвещения среди народов Поволжья и Приуралья, которое вплоть до последней четверти XVIII в.

осуществлялось, прежде всего, благодаря миссионерской деятельности православной церкви. В этот период большой вклад в дело обучения и воспитания инородцев Волго-Камья внес талантливый ученый-просветитель, ректор Казанской духовной семинарии Вениамин Пуцек-Григорович, создавший в конце XVIII в. первые грамматики чувашского, марийского и удмуртского языков [См., например: Ванюшев, 2002: 10–17; Куликов, 2002: 54–85; Гришкина, 2003: 23–29].

К середине XIX в. тяга к грамотности со стороны удмуртов и других коренных народов усилилась. Однако сеть более доступных для инородцев сельских школ стала складываться лишь после Указа от 23 ноября 1842 г. об обучении детей государственных крестьян. Так как старый тип школ, в которых обучение велось на русском языке, не приносил желаемых результатов, было решено искать новые методы работы с населением. Наиболее ранней и широко распространенной формой начальных учебных заведений были церковно-приходские школы, призванные распространять христианские знания среди нерусского населения. В 1870 г. Св. Синод и Министерство народного просвещения утвердили программу Н. И. Ильминского по обучению инородческих народов, получившую распространение в Казанской, Уфимской, Пермской, Вятской и некоторых других губерниях. В соответствии с этой программой, четырехлетний курс начального обучения делился на два отделения. В младшем отделении преподавание велось на родном языке, в старшем – на русском. В Вятской епархии, в частности, к началу XX в. было открыто 9 удмуртских школ и 6 – для этнически смешанного населения. Русская православная церковь внесла значительный вклад в становление национального образования. Хотя число учащихся в национальных школах духовного ведомства было не так велико, но именно в них впервые была апробирована методика обучения на родном языке. Несмотря на то, что целью этой деятельности была христианизация и русификация населения, она объективно способствовала повышению образовательного уровня и,

впоследствии, пробуждению национального самосознания инородческих народов России [Гришкина, 2003: 23–29; Берестова, 2003: 29–31].

После революции 1917 г. становление национальной школы, подготовка интеллигенции, расширение издательского дела, ликвидация неграмотности стимулировали ускоренное развитие литературной формы удмуртского языка, практическое распространение которой осуществлялось через деятельность первых национально-культурных организаций удмуртской интеллигенции 1917–1919 гг., Казанского издательского подотдела издательского отдела Удмуртского комиссариата, сосредоточившего основную работу по составлению и изданию удмуртских учебников, в работе Всероссийских съездов удмуртов и съездов удмуртских работников просвещения. Национально-языковая политика в 1920–1930 гг. была направлена на развитие удмуртского языка и расширение сфер его применения. Однако, несмотря на определенные достижения, споры по этому вопросу не утихали, причем, носили они не научный, а политический характер. Только в 1933 г. занятия во всех начальных школах были переведены на родной язык учащихся, но уже в 1934 г., в связи с принятием бюро ОК ВКП(б) постановления «Об изучении русского языка в удмуртских школах», областному отделу народного образования было предложено пересмотреть учебные планы удмуртских школ в сторону увеличения количества занятий по русскому языку. В 1936 г. был сделан следующий шаг по переводу обучения удмуртских детей на русский язык. Признано, что преподавание всех предметов на удмуртском языке до 7 класса включительно затрудняет изучение русского языка. Поэтому в 6–7 классах преподавание было переведено на русский язык. Высшие учебные заведения Удмуртии так и не стали национальными.

Большой урон развитию удмуртского языка и литературы нанесла в 1930-е гг. развернувшаяся кампания против так называемых «буржуазных националистов». Из учебного процесса изымались учебники, написанные «врагами народа». Практически вся работа удмуртской интеллигенции в

области развития удмуртского языка, как в дореволюционное, так и в советское время, была признана ошибочной и вредной. Постоянные разоблачения «буржуазных националистов» приводили к тому, что даже в среде учителей удмуртского языка в школах начинали возникать вопросы: «А зачем нам нужен удмуртский язык и литература?» [Васильева, 2002: 111–123].

К концу 1930-х гг., в связи с введением всеобщего обязательного образования, русский язык, который определялся как язык межнационального общения, во всех национальных школах был включен в качестве обязательного учебного предмета. До середины 50-х гг. русский язык функционировал в качестве одного из главных учебных предметов. Обучение в национальных школах продолжалось на родном языке. В 50–60-е гг. XX в. продолжалась политика, направленная на расширение сферы функционирования русского языка, одновременно шел процесс постепенного перевода обучения с родного на русский язык. В Удмуртии обучение на удмуртском языке продолжалось до 1957 г. С 1958 г. прекращается издание переводных учебников для 5–7 классов, осуществляется переход на русский язык обучения.

В начальной школе обучение на родном языке еще продолжалось некоторое время, но вскоре также было прекращено. Последний учебник математики для начальных классов на удмуртском языке был издан в 1968 г. Таким образом, в национальной школе сохранился один ее признак – изучение родного языка и литературы как учебного предмета. Доминирующим типом национальной школы к середине 80-х гг. стала школа с обучением с 1 по 10 класс на русском языке и преподаванием родного языка и литературы в качестве учебных предметов. В дальнейшем сужение сферы функционирования родного языка в итоге привело к тому, что во многих школах, особенно городских и районных (центральных), постепенно прекратилось изучение родного языка и как предмета [Васильева, 2002: 111–123].

Новые подходы к проблеме национальной школы наметились на рубеже 80-90-х гг. XX в. В начале 90-х гг. в Удмуртской Республике вслед за

Российской Федерацией была создана новая законодательная база развития народного образования, в том числе и национального. В принятой новой Конституции Удмуртской Республики удмуртский язык наравне с русским языком принял статус государственного [Васильева, Ившина, 2003: 3–14; Завалин, 2005: 8–13; Семенов, 2006: 4–9].

Начиная с 1990-х гг., одним из важных направлений деятельности Министерства образования и науки УР является оказание поддержки удмуртским школам и дошкольным образовательным учреждениям, функционирующим за пределами Удмуртии. Министерством заключены межведомственные соглашения о сотрудничестве в области образования с шестью регионами Российской Федерации: республиками Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Чувашия, Пермской и Кировской областями. Одним из главных условий соглашений является принятие ежегодных планов практических мероприятий, что, безусловно, способствует расширению и углублению связей регионов в области национального образования. Планы включают в себя выездные семинары-совещания, целевые курсы повышения квалификации, научно-практические конференции, межрегиональные олимпиады по родному языку и т. д. В последние годы в диаспорных удмуртских школах улучшилось учебно-методическое обеспечение, помощь литературой на удмуртском языке со стороны метрополии, учебно-методическими пособиями стала наиболее ощутимой с началом действия (2004 г.) республиканской целевой программы по реализации Закона УР «О государственных языках Удмуртской Республики...», в которой поддержка детских дошкольных учреждений, школ, библиотек, расположенных в местах компактного проживания удмуртского населения за пределами Удмуртской Республики, выделена отдельными пунктами [Ившина, Васильева, 2003: 3–14].

Появление удмуртской периодической печати ученые относят к 1905 г., когда И. С. Михеевым было начато издание ежегодных календарей на удмуртском языке («*Удморт кылын календарь*»). Всего издано 4 календаря: на

1905, 1907, 1908 и 1910 гг. [Шкляев, 2006: 54–65]. Относительно удмуртской газетной периодики следует обратиться к 1915 г., когда в г. Вятке (ныне Киров) под редакцией П. П. Глезденева начала выходить газета «Войнаись ивор» («Весть с войны»). С августа 1917 г. газета стала называться «Удморт». В январе 1918 г. в Елабуге начинает выходить газета «Виль синь» («Новое око»). Издавало ее Елабужское уездное земство, редактировал К. С. Яковлев [Павлов, 2000: 69–104; Шкляев, 2006: 54–65]. В октябре 1918 г. также в Елабуге вышел в свет первый номер газеты «Гудыри» («Гром»). Первым редактором газеты был Т. К. Борисов. В дальнейшие годы она неоднократно меняла свое название. В настоящее время преемником газеты «Гудыри» является «Удмурт дунне» («Удмуртский мир») [Шкляев, 2006: 54–65].

Периодические печатные издания на удмуртском языке, издававшиеся в Удмуртии, практически всегда пользовались большой популярностью среди удмуртской диаспоры. Подписка на газеты и журналы не представляла особой сложности ни для населения, ни для организаций. Удмуртскоязычные печатные СМИ для этнотерриториальных групп удмуртов до сих пор остаются едва ли не единственным постоянно действующим информационно-связующим звеном с исторической родиной, так как телерадиовещание Удмуртии не охватывает территории других субъектов федерации. В настоящее время на удмуртском языке в Удмуртии издаются общереспубликанские газеты «Удмурт дунне» («Удмуртский мир») и «Зечбур!» («Здравствуй!»), а также журналы «Вордскем кыл» («Родной язык»), «Кенеш» («Совет»), «Кизили» («Звезда»), «Инвожо» («Солнцеворот»), «Ашальчи». На страницах этих изданий жизнь удмуртской диаспоры освещается достаточно широко. Материалы для публикаций поступают как от самих жителей регионов, так и от сотрудников газет и журналов, редакции которых организуют периодические выезды в места компактного проживания удмуртов. К сожалению, в последние годы читательская аудитория удмуртских изданий в удмуртских диаспорных группах сократилась.

Появление телерадиовещания на удмуртском языке относится к 1956 г., когда была создана Государственная телерадиовещательная компания (ГТРК) «Удмуртия». В 2003 г. в Удмуртии учреждена Республиканская телерадиокомпания (ТРК) «Моя Удмуртия». Теле- и радиопередачи ведутся на каналах ГТРК и ТРК на русском, удмуртском, татарском, марийском языках. Удмуртское телевидение и радио ведут большую работу по освещению жизни диаспоры, однако, как уже отмечалось, для самих этнотерриториальных групп удмуртов эти передачи недоступны, так как диапазон трансляций обеих компаний ограничивается территорией Удмуртской Республики [Информационно-методический сборник Министерства национальной политики № 8, 2002; № 9, 2003].

В соответствии с данными Всероссийской переписи населения 2002 г., из 26272 удмуртов Пермской области удмуртским языком владеют 15789 чел.¹³, что составляет 60% от их общего количества. Низкая степень владения родным языком пермскими удмуртами объясняется, по-видимому, их дисперсным расселением и большей (более половины), чем в других регионах, сосредоточенностью в городах, что способствует ускорению ассимиляционных процессов.

В то же время вполне логично предположить, что среди буйской группы удмуртов, компактно расселенной в *Куединском районе области*, степень владения удмуртским языком выше. Во время экспедиции 2002 г. респонденты в удмуртских населенных пунктах сообщали, что они общаются на родном языке и в семье, и в школе, и в общественных местах.

Ученые-лингвисты выделяют язык куединских удмуртов в шагиртский и буйско-таныпский говоры периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка [Кельмаков, 1998: 41–43]. Пермский этнограф А. В. Черных отмечает, что в XIX – начале XX в. практически все буйские удмурты владели

¹³ Данные по владению удмуртским языком предоставлены администрацией Пермской области. В официально опубликованных в 2004 г. материалах Всероссийской переписи населения 2002 г. подобная статистика отсутствует.

татарским языком, в то время как русский распространился среди них лишь в 20-е гг. XX в. [Черных, 1998: 96]. Многие куединские удмурты, особенно старшего возраста, и в настоящее время знают не только родной и русский, но и татарский язык. Наглядно демонстрируют наличие дилингвизма среди удмуртов края результаты социологического исследования, проведенного пермскими учеными в 2001 г. Из 120 опрошенных 25% отметили, что, наряду с удмуртским и русским, владеют татарским языком, 6,7% – башкирским, по 1,7% – армянским, 1,7% – чеченским и по 0,8% набрали респонденты, владеющие узбекским, марийским, чувашским, ивритом, казахским, киргизским, немецким и таджикским языками [Чагин, 2005: 56].

Система образования среди куединских удмуртов начала складываться в конце XIX в. Стараниями Пермского епархиального православного миссионерского общества в 1873 г. в с. Большой Гондыр была открыта первая школа. В д. Кипчак школа основана в 1895 г. Согласно данным Большегондырского краеведческого музея, удмурты с охотой отдавали детей на обучение, так как преподавание велось на родном языке. В 1912 г. в с. Большой Гондыр преподавателем стал работать Г. П. Прокопьев. С его приездом здесь было основано двухклассное училище. В годы гражданской войны обучение детей прервалось: не было учителей.

В начале XX в. детей куединских удмуртов в школах обучали выдающиеся просветители удмуртского народа – И. И. Шкляев, И. В. Яковлев, братья Г. П. Прокопьев и М. П. Прокопьев, Ф. И. Волков и многие другие, в основном – выпускники Казанской инородческой учительской семинарии и Бирской учительской школы [См., например: Павлов, 2000: 3–16].

В 1938 г. в Большом Гондыре открылась средняя школа, в этом же году начала работу семилетняя школа в д. Кирга. В д. Кипчак семилетнее образование было введено в 1948 г. За время существования советской власти в Большом Гондыре школа неоднократно разделялась на «русскую» и «удмуртскую» и вновь объединялась.

По данным, полученным в администрации Куединского района, в настоящее время дети-удмурты воспитываются и обучаются в девяти образовательных учреждениях (удмуртов в них – более 75%): Большегондырской средней, Кипчакской, Киргинской и Гожанской основных школах; в Союзовской начальной школе – детском саду, Верхнегондырской начальной школе – детском саду; Кипчакском, Киргинском и Большегондырском детских садах.

Родной язык преподается только в Киргинской школе. В Б. Гондыре изучение удмуртского языка было прекращено в 70-е гг. прошлого века, в Кипчакской школе в 80-е гг. перешли на факультативное обучение родному языку. В других образовательных учреждениях района удмуртский язык не изучается, и как следствие – детей, с раннего детства владеющих родным разговорным языком, в школах чтению и письму не обучают. У учащихся Киргинской школы складывается иная ситуация: они изучают предметы «удмуртский язык» и «удмуртская литература», но в Большегондырской школе, куда они идут в 10–11-й классы, эти предметы не преподаются. Преемственность нарушается, знания по родному языку «провисают» в воздухе, так как выпускники получают аттестаты без записи об изучении вышеназванных предметов.

В 90-е гг. XX в., когда со стороны Удмуртской Республики внимание к проблемам диаспоры увеличилось и стало более действенным, ответные импульсы со стороны этнотерриториальных групп удмуртов также приобрели более интенсивный характер. Исследователь куединских удмуртов А. В. Черных отмечает, что среди них вырос интерес к национальной литературе, периодической печати, к родному языку, культуре и истории своего народа [Черных, 2005: 208]. Тем не менее, этническое сознание буйских удмуртов не поднялось до понимания необходимости изучения родного языка в школе. В 2005 г. пермскими учеными было проведено исследование с целью выяснения степени владения родным языком молодежью области. Среди удмуртов

исследование проводилось в с. Большой Гондыр. В сравнении с другими народами Прикамья (русскими, коми-пермяками, татарами и башкирами), удмурты показали самый низкий уровень владения основными компонентами родного языка. 8 чел. (21%) удмуртов 16–19 лет не считают удмуртский язык родным (родным в этом случае выступает русский), 12 (32%) – признают родным удмуртский и русский языки в равной мере. Предпочтение в речи русскому языку отдают 22 чел. (58%). В то же время большая часть респондентов отмечает, что в семье они разговаривают в основном на родном языке, то есть пользуются им каждый день. На вербальном уровне осознание необходимости владения родным языком велико: 32 чел. (84%) считают, что каждый должен знать родной язык и в совершенстве им владеть, но при этом только 4 чел. (10,5%) заявили о том, что родной язык надо изучать в школе [Черных, 2006: 144–148].

Сложившаяся ситуация объясняется различными причинами. Так, в краевом и районном управлениях образования отсутствие в школах классов с изучением удмуртского языка оправдывают нежеланием родителей отдавать своих детей в национальные классы. Результаты анкетирования, проведенного администрациями Большегондырской и Кипчакской школ в 2003 г., свидетельствуют о том, что родители действительно не хотят, чтобы их дети изучали удмуртский язык в школе, считают этот предмет сложным для усвоения. Директор Кипчакской основной школы переход на факультативное изучение родного языка объяснила, прежде всего, неудовлетворительным поступлением учебной, методической и художественной литературы из Удмуртии, что создавало большие сложности в преподавании, негативно отражалось на качестве обучения. Во время нашей экспедиции от взрослых удмуртов можно было услышать даже высказывания, что удмуртский язык им мешал во время учебы в высших учебных заведениях, так как они, стыдясь своего акцента, на занятиях чаще отмалчивались, не всегда успевали конспектировать лекции. Негативный личный опыт становился для таких

родителей основанием, ведущим к этнической индифферентности и даже нигилизму, и они, конечно, отказывались обучать своих детей родному языку, считая, что это поможет им более успешно адаптироваться в русскоязычной среде. В то же время, с точки зрения пермских ученых, отсутствие преподавания удмуртского языка в Большегондырской школе – единственной средней школе для удмуртских деревень Куединского района – является основной причиной, а не следствием возникновения отрицательного отношения к изучению родного языка со стороны родителей и учащихся [Черных, 2006: 144–148; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320].

В последние годы в образовательных учреждениях Пермской области ведется большая работа по внедрению этнокультурного компонента в учебный процесс. В 2000 г. при Пермском областном институте повышения квалификации работников образования был создан Центр-лаборатория этнопедагогике народов Прикамья. Одним из направлений работы Центра является сотрудничество с образовательными учреждениями в удмуртских населенных пунктах Куединского района. В тесном сотрудничестве с пермскими учеными работает коллектив педагогов и учащихся Кипчакской основной общеобразовательной школы, учебный план которой подразумевает знакомство с историей, культурой, традициями удмуртского народа. На уроках учителя-предметники используют национально-региональный компонент образования: на истории изучают родословную семей; на географии – природу, хозяйство, экономику родного края; на технологии мастерят наличники, макеты домов с использованием удмуртского орнамента; народные игры широко используются на уроках физической культуры и т. д. В школе организована работа более десяти факультативов, программы которых разработаны с учетом этнического компонента. Учащиеся вовлечены в 12 объединений дополнительного образования, здесь они имеют возможность заниматься исследовательской работой по различным направлениям. Такое активное погружение школьников в историю, язык, культуру, традиции своего народа

способствует повышению их этнического самосознания и формированию положительной самоидентификации. Коллективу педагогов Кипчакской основной общеобразовательной школы удалось найти эффективный способ преодоления национального нигилизма родителей и учащихся путем ненавязчивого, но глубокого и всестороннего познания самих себя [Черных, 2006: 144–148; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320].

Средств массовой информации на удмуртском языке в Пермской области нет. Удмуртское население Куединского района выписывает газеты и журналы, издаваемые в Удмуртской Республике. Особой популярностью среди них пользуется газета удмуртов Башкортостана «Ошмес» («Родник»). Школьники, умеющие читать и писать на родном языке, и сами являются ее активными корреспондентами [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320].

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в *Республике Башкортостан* удмуртским языком владеют 21475 чел., из них 19102 чел. идентифицировали себя как удмурты [Итоги Всероссийской переписи ..., 2004]. Таким образом, из 22625 проживающих в данном регионе удмуртов, 84,4% говорят на родном языке. Помимо удмуртов, знание удмуртского языка отметили 1336 башкир, 495 татар, 270 русских, 217 марийцев и представители некоторых других этносов [Итоги Всероссийской переписи..., 2004].

Удмурты Башкортостана говорят на бавлинском, татышлинском, буйско-таныпском и канлинском говорах периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка [Кельмаков, 1998: 41–43]. Среди них широко распространен дилингвизм: кроме родного они свободно владеют русским и башкирским (татарским) языками. Однако среди молодежи и детей владение башкирским (татарским) языком встречается реже, чем среди представителей старшего поколения [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320 «а»].

Основы школьного образования среди удмуртов Башкортостана были заложены в конце XIX – начале XX вв. В этот период, по свидетельству Р. Р.

Садикова, в 18 поселениях закамских удмуртов (в том числе куединских) существовали различные типы школ, как-то: инородческие министерские училища, миссионерские училища, земские и церковно-приходские школы [Садиков, 2001: 46]. Так, в д. Можга Янаульского района двухгодичная земская школа начала работать в 1898 г., школы в с. Новые Татышлы и д. Верхнебалтачево Татышлинского района основаны в 1903 г., а в с. Нижнебалтачево – в 1908 г. Как и в Пермской области, первыми школьными учителями в удмуртских поселениях Башкортостана являлись выпускники Казанской инородческой учительской семинарии и Бирской учительской школы. В частности, М. П. Прокопьев преподавал в деревнях Киабак, Каймабаш и Канлы. Преподавание велось на родном языке учащихся, что способствовало расширению сети образовательных учреждений в удмуртской среде. Первая удмуртская средняя школа в республике была открыта в 1954 г. в д. Барабановка (удм. – *Пештэрек*) Янаульского района [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320 «а»].

Современная языковая политика в Башкортостане осуществляется в рамках реализации Закона «О языках народов Республики Башкортостан» и направлена на сохранение и развитие родных языков. Координирующая роль в этом процессе отведена Комиссии при Правительстве РБ, которая имеет свои терминологическую, топонимическую службы и Совет по государственным языкам Республики Башкортостан при Правительстве РБ. Для реализации Закона принята государственная целевая программа «Сохранение, изучение и развитие языков народов Республики Башкортостан на 2000-2005 гг.», продолжением которой явилась государственная программа, действующая с 2006 по 2010 гг. [Вахитова, 2006: 60–70; Пушкарева, 2005: 43–45].

В настоящее время, по данным Министерства образования Башкортостана, преподавание на удмуртском языке ведется в 23 школах, в 35 удмуртский язык изучается как предмет. В последние годы наблюдается небольшое увеличение числа учащихся, желающих изучать родной язык. В

целом, по данным министерства, в 2003–2004 учебном году удмуртский язык изучали в 58 школах 2671 ученик, или 64,6% от числа всех детей-удмуртов. В дошкольных образовательных учреждениях воспитание на удмуртском языке организовано в 16 детских садах. В образовательных учреждениях со смешанным национальным составом для изучения родного языка классы разделяются в параллельные группы. Изучение башкирского языка в качестве обязательного предмета введено в школах республики с 2006–2007 учебного года [Вахитова, 2006: 60–70; Пушкарева, 2005: 43–45].

В 90-е гг. прошлого века в школах и детских садах удмуртских населенных пунктов наблюдалась нехватка квалифицированных кадров. Для решения данной проблемы в Нефтекамском педагогическом колледже в 1996 г. было открыто удмуртское отделение. В 2000 г. состоялся первый выпуск учителей начальных классов для удмуртских школ. При содействии Удмуртского культурного центра Башкортостана (с 2005 г. – Национально-культурная автономия удмуртов РБ) активное сотрудничество по подготовке кадров ведется и с высшими учебными заведениями Удмуртии. В настоящее время практически все «удмуртские» школы и детские сады Башкирии обеспечены учителями удмуртского языка и литературы и воспитателями [Вахитова, 2006: 60–70; Пушкарева, 2005: 43–45].

Среди башкирских удмуртов уровень владения родным языком традиционно является высоким. Например, во время переписи населения 1989 г., язык своей национальности указали родным 90% удмуртов Башкортостана. Обучение удмуртскому языку в школе, несомненно, играет позитивную роль в воспитании уважительного отношения детей и молодежи к языку родителей. В отличие от Куединского района Пермской области, процесс преподавания родного языка в школах республики никогда не прерывался. Здесь и в советские времена детей приобщали к литературному удмуртскому языку, учили их читать и писать на удмуртском, через произведения художественной литературы знакомили с историей, культурой всего удмуртского народа. И

сегодня учителя родного языка ведут большую внеклассную и индивидуальную работу: проводят разнообразные тематические мероприятия, посвященные удмуртской культуре, искусству, литературе, фольклору; создают литературные кружки; руководят школьными фольклорными коллективами; организуют исследовательскую работу и вместе с учащимися изучают родословные односельчан, местный фольклор, топонимику [Глимзянова, 2005: 29–32; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320 «а»].

По-видимому, совсем не случайно из среды башкирских удмуртов вышли многие выдающиеся и прославившие свой народ деятели науки и искусства. Мало найдется в Удмуртии людей, кто бы не знал писателей-прозаиков Р. Валишина – лауреата Государственной премии УР, Ф. Пукрокова, солистку государственного ансамбля «Италмас» Л. Ахтариеву, художника М. Гарипова – лауреата Государственной премии УР, архитектора К. Галиханова, журналистов В. Нуриахметова, Р. Хайдарова, У. Бадретдинова, Л. Бадретдинову, доктора медицинских наук, профессора П. Шараева, доктора филологических наук Р. Насибуллина, кандидата филологических наук Б. Загуляеву, кандидата и доктора исторических наук Р. Садикова и Т. Миннихметову и еще многих других уважаемых людей – уроженцев Башкирии!

В Башкортостане – в единственном из пяти рассматриваемых субъектов РФ – издается республиканская газета на удмуртском языке. В июле 1996 г. на учредительном съезде национально-культурного центра удмуртов Башкортостана активисты национального движения обратились к руководству республики с просьбой о создании республиканской газеты. В 1998 г. был издан Указ Президента РБ «О республиканских программах национально-культурного развития народов Башкортостана», во исполнение которого было принято постановление Кабинета Министров «Об учреждении республиканской газеты «Ошмес» («Родник») на удмуртском языке» [Миниахметов, 2002: 65–67].

«Ошмес» по уставу является общественно-политической газетой, призванной информировать население об экономическом, социальном, общественно-политическом развитии удмуртов республики, освещать их культуру, историю, традиции, обычаи, быт и труд. Она выходит один раз в неделю и финансируется через Министерство печати и информации РБ. Тираж газеты из года в год увеличивается. Если во втором полугодии 1999 г. подписчиков насчитывалось 650 чел., то в 2001 г. – уже 1750.; в настоящее время у газеты около 2000 читателей. С первого же номера «Ошмес» стал органом единения удмуртов, проживающих как в Башкортостане, так и в соседних регионах: ее выписывают в Пермской, Свердловской и Челябинской областях, в Удмуртии [Миниахметов, 2002: 65–67].

Газета «Ошмес» создавалась на базе дубляжа Татышлинской районной газеты на удмуртском языке «Азьлань» («Вперед»), редактор которой (А. В. Гильмаев) и стал первым редактором «Ошмеса». Редакция газеты расположена в с. Верхние Татышлы, в настоящее время ее возглавляет А. Н. Миниахметов. Штат редакции укомплектован молодыми журналистами, окончившими факультет журналистики УдГУ по целевым направлениям и являющимися уроженцами Башкортостана [Миниахметов, 2002: 65–67].

Постоянных теле- и радиопередач на удмуртском языке в республике нет. Каналы ГТРК «Башкортостан» и «Телекомпания «Башкортостан» периодически передают сюжеты, рассказывающие об удмуртах, в том числе на удмуртском языке. Ретрансляция передач из Удмуртии территорию Башкортостана не охватывает.

В *Республике Татарстан*, по данным переписи 2002 г., удмуртским языком владеют 23286 чел., из них удмуртов – 21157, или 87,4% от проживающего в регионе удмуртского населения. Удмуртским языком в Татарстане также владеют 1073 татарина, 780 русских, 115 марийцев, 85 чувашей и представители некоторых других этносов [Национальный состав и владение языками..., 2004].

Язык удмуртов Татарстана ученые относят к периферийно-южному диалекту южного наречия удмуртского языка и выделяют в нем шошминский, кукморский и бавлинский говоры [Кельмаков, 1998: 41–43]. Подобно куединским удмуртам и удмуртам Башкортостана диаспорная группа удмуртов Татарстана – дилингвы, большинство из них в той или иной степени владеет удмуртским, русским и татарским языками. Как отмечали некоторые респонденты, общаться на татарском языке им даже проще, чем на русском. Среди удмуртской молодежи и детей в последние годы распространилось знание татарской письменности, так как обязательное изучение татарского языка введено во всех школах, профессиональных училищах и детских дошкольных учреждениях республики, независимо от языка обучения и воспитания [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1322; Зарипов, 2003: 15–20].

Распространение грамотности среди населения на территории современной Республики Татарстан началось в период Волжской Булгарии и до середины XVI в. развивалось под влиянием арабо-мусульманских традиций. Сеть мектебов и медресе была достаточно широкой и в Казанском ханстве. С XVIII в. в крае стали создаваться русские религиозные и светские учебные заведения. Распространение просвещения среди крещеных татар и других нерусских народов Поволжья связано с процессом христианизации. В 1707 г. в Казани открыта первая школа для нерусских детей, в 1722 г. создана архиерейская школа, в которой были и дети-удмурты. Со второй четверти XVIII в. южные удмурты, предположительно, получали грамотность в Казанской духовной семинарии, с 1745 г. вместе с чувашами, татарами, марийцами обучались в Свяжской, с 1750 г. – Елабужской и Казанской новокрещенских школах (все населенные пункты расположены на территории современного Татарстана). За первые 20 лет в новокрещенских школах обучалось 29 удмуртских мальчиков из 22 селений Арской дороги. Обучение велось на русском и церковнославянском языках [Татарский

энциклопедический словарь, 1999: 471–475; Удмуртская Республика: Энциклопедия, 2004: 96–99].

Процесс зарождения удмуртской национальной школы в Казанской губернии (как и в Уфимской, Пермской, Вятской губерниях) развивался в рамках «системы христианского просвещения» Н. И. Ильминского. Первые 7 церковно-приходских школ для нерусских народов края были открыты в 1867 г., в этом же году при участии Н. И. Ильминского создано миссионерское Братство святителя Гурия, основавшее сеть миссионерских православных «братских» школ. В 1870 г. система Н. И. Ильминского получила официальное признание, а в 1872 г. по его инициативе и при личном участии для подготовки учителей и миссионеров в инородческих школах и приходах была открыта Казанская инородческая учительская семинария, в стенах которой получили профессиональное образование 97 удмуртов, среди них – Д. Корепанов, И. Михеев, Г. Прокопьев, М. Прокопьев, И. Яковлев, В. Крылов и многие другие. Значительное число учителей было подготовлено и через экстернат при семинарии, в том числе более 100 удмуртов, как юношей, так и девушек [Татарский энциклопедический словарь, 1999: 471–475; Удмуртская Республика: Энциклопедия, 2004: 96–99].

Таким образом, распространение просвещения среди завятских удмуртов началось несколько раньше и проходило много активнее, чем в других этнотерриториальных группах. Не случайно в ноябре 1918 г. первая удмуртская учительская семинария открылась в Елабуге, ставшей в те времена политическим, культурным и просветительским центром удмуртов. Первые удмуртские учебники, методические пособия, книги для чтения также разрабатывались и издавались в Казани и Елабуге. Их авторами были потомки арских удмуртов – И. С. Михеев, уроженец с. Ошторма Юмья современного Кукморского района РТ и И. В. Яковлев, уроженец с. Малые Лызи современного Балтасинского района РТ [Удмуртская Республика: Энциклопедия, 2004: 96–99, 486, 781].

В настоящее время в Республике Татарстан законодательно закреплено равноправное функционирование двух государственных языков – русского и татарского. Закон «О языках народов Республики Татарстан» принят в 1992 г., а в 1994 г. – Государственная программа «О сохранении, изучении и развитии языков народов Республики Татарстан». На основании Закона «О языках ...» с 1998 г. в базисном учебном плане школ республики предусмотрено равное количество часов на изучение русского и татарского языков. Национальные школы с этнокультурным компонентом (чувашские, марийские, удмуртские и другие) работают по учебному плану, разработанному Министерством образования РТ, в котором на изучение родного языка выделено от 3 до 6 часов в неделю. Одновременно предусмотрены часы и на изучение государственных языков Татарстана. В 36 районных (городских) отделах образования введены должности заместителя заведующего районного (городского) отдела образования по национальному образованию, а в более чем 400 школах – заместителя директора школы по национальному образованию [Зарипов, 2003: 15–20].

По данным Министерства образования РТ, удмуртский язык преподается в 45 школах республики, из них – 26 начальных, 2 основных и 17 средних общеобразовательных школ. В 2003 г. обучением родному языку было охвачено 71% детей-удмуртов. Учебно-воспитательный процесс на удмуртском языке ведется в 15 детских дошкольных учреждениях. В целях совершенствования преподавания языков, повышения интереса учащихся к изучению родного языка ежегодно проводятся республиканские олимпиады, в том числе по удмуртскому языку. Учителя удмуртского языка и литературы получают образование в учебных заведениях Удмуртии. С 2002 г. они имеют возможность повысить свою квалификацию на курсах, организуемых Министерством образования Татарстана на базе школ республики с приглашением специалистов из Удмуртии [Зарипов, 2003: 15–20; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1322].

В Балтасинском районе удмуртский язык преподается в 15 школах, в том числе есть классы с преподаванием удмуртского языка в обеих школах районного центра – с. Балтаси. Одной из первых на территории района основана школа в с. Ципья (1870 г.). В 1891 г. в д. Старый Кушкет открыта миссионерская школа, в 1894 г. она преобразована в Кушкетскую школу грамоты, а в 1912 – Кушкетское народное начальное училище. В 1913 г. начальное училище основано в Среднем Кушкете. На сегодняшний день основными образовательными учреждениями для детей-удмуртов, проживающих в районе, являются средние школы в сс. Ципья, Малые Лызи и д. Средний Кушкет. Здание новой школы в Ципье было построено в начале 90-х гг. XX в., в декабре 2003 г. открылась новая школа на 264 места в д. Средний Кушкет. По словам заместителя главы администрации района, планируется строительство новой школы и в с. Малые Лызи. В Малолызинской и Среденкушкетской школах учатся дети из удмуртских населенных пунктов, в средней школе с. Ципья, по словам учителей школы, более 50% учащихся – удмурты, около 30% – татары, 5% – марийцы. Для изучения родных языков классы делятся на группы. Обучение удмуртскому языку начинается с начальной школы, в 5-м классе на родной язык отводится 4 часа в неделю, в 6–8 классах – 3, в 9–11 – 2 часа. [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1322; Шакиров, 2005: 267–269].

В Кукморском районе преподавание удмуртского языка ведется в 6 средних и 12 начальных общеобразовательных школах; в дошкольных образовательных учреждениях учебно-воспитательный процесс на удмуртском языке организован в 8 детских садах. Одной из старейших удмуртских школ в районе и республике является Оштормаюмьинская, она основана в 1875 г. и прошла путь от церковно-приходской до средней общеобразовательной. В 60-е гг. прошлого века школу посещали дети из 26 деревень, количество учащихся доходило до 800 чел., более 200 из них жили в интернате при школе. В последние годы здесь учатся около 220–230 детей. Школа гордится своими

выдающимися выпускниками. Из 15 ученых-удмуртов, уроженцев Татарстана и включенных в книгу Л. С. Христолюбовой «Ученые-удмурты», 9 – выпускники Оштормаюмьинской школы. И сегодня здесь сохраняется старая добрая традиция – быть одной из первых и лучших. Передавать подрастающему поколению знания о своем народе, его истории и культуре помогает школьный музей «Вордиськем шаер» («Родной край»), в котором собран богатый краеведческий материал (руководитель – В. Н. Рамазанов) [Иванов, 2006: 103–105; Зайцева, 2005: 105–109].

Учителя удмуртского языка и литературы школ Кукморского района являются опытными педагогами, их ученики становятся призерами и победителями районных и республиканских олимпиад. Для более углубленного изучения предмета ими разрабатываются авторские программы. Например, преподавателем удмуртского языка Ошторма-Юмьинской школы М. А. Герасимовым разработана программа по использованию национально-краеведческого материала на уроках удмуртского языка в старших классах. Учитель Починоксутерской средней школы Л. Н. Осипова является автором 4-х региональных программ по удмуртской литературе и по организации праздников по обрядам и традициям удмуртского народа, по которым работают удмуртские школы района и республики. В целях пробуждения интереса к изучению родного языка, истории и культуры удмуртов новые методики и формы работы с детьми стремятся развивать и использовать и многие другие учителя [Иванов, 2006: 103–105; Зайцева, 2005: 105–109].

Удмурты Татарстана бережно относятся к родному языку. Респонденты разных возрастов в ходе бесед отмечали, что между собой они и в семье, и дома, и в общественных местах говорят на удмуртском языке, но при общении с представителями других этносов могут свободно перейти на татарский или русский. Обязательное изучение татарского языка в школе не находит активного сопротивления среди удмуртов, ими только отмечается, что программу по данному предмету следовало бы облегчить, так как написание

сочинений на татарском языке детям дается трудно и в этом, по их мнению, нет необходимости, так как дети-удмурты «не станут преподавателями татарского языка или большими начальниками» [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1322].

Таким образом, в местах компактного проживания удмуртов в Татарстане сохраняется сеть школ с преподаванием удмуртского языка, функционируют детские дошкольные учреждения, в которых учебно-воспитательный процесс ведется на удмуртском языке. Обучение родному языку в школах здесь так же, как и в Башкортостане, не прекращалось и в советский период. Вероятно, тот факт, что на территории Казанской губернии сложились истоки удмуртского просвещения, в немалой степени повлиял на формирование в диаспорной группе удмуртов Татарстана многих выдающихся, известных всей Удмуртии и за ее пределами, людей. Из завятских удмуртов вышли знаменитые учителя-просветители и общественные деятели И. В. Васильев, И. С. Михеев, И. В. Яковлев, М. Г. Можгин, М. П. Прокопьев; видные ученые – доктора филологических наук И. В. Тараканов и В. К. Кельмаков, доктор сельскохозяйственных наук М. П. Прокопьев, доктор физических наук И. Н. Петров, доктор медицинских наук Е. Н. Никитина, кандидаты наук В. И. Алатырев, Н. Ю. Волков, А. К. Байметов, С. А. Егоров, К. П. Петров, Д. И. Прокопьев, литературовед А. А. Ермолаев; писатели Г. Медведев, М. Петров, Г. Сабитов, Е. Самсонов, Александр и Николай Белоноговы, В. Романов, Н. Никифоров; заслуженная артистка УР А. Прокопьева; заслуженный деятель искусств УР, лауреат Государственной премии УР П. Данилов; народный артист УР, заслуженный артист РФ Г. Кузнецов; член Союза писателей РФ П. Захаров, радиокорреспондент В. Тороков и многие другие [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1322; Христолюбова, 1992: 45–53].

Республиканских средств массовой информации на удмуртском языке в Татарстане не существует, между тем потребность в информации на родном

языке в диаспорной группе татарских удмуртов весьма высока. Переговоры о создании удмуртских республиканских СМИ между двумя регионами (Удмуртией и Татарстаном) ведутся достаточно давно, но достичь положительного результата в решении вопроса пока не удалось. В Балтасинском районе издается дубляж районной газеты на удмуртском языке «Азьлане» («Вперед»). В 2004 г. ее подписной тираж составлял 732 экземпляра. В Кукморском районе население имеет возможность смотреть трансляцию телепередач из Удмуртии.

Удмурты Татарстана выписывают газеты и журналы на удмуртском языке, издаваемые в титульной республике. Так, в 2005 г. в Кукморском районе выписывали 31 экземпляр газеты «Удмурт дунне», 19 – журнала «Вордскем кыл», 9 – журнала «Кенеш», 13 – журнала «Инвожо», 173 – газеты «Зечбур» и 71 – журнала «Кизили». По сообщениям респондентов, в библиотеки удмуртских населенных пунктов раньше литература на удмуртском языке выписывалась на бюджетные средства, но в последние годы, к сожалению и немалому неудовольствию местных удмуртов, вместо нее по разнарядкам теперь поступают дубляжи татарских газет на русском языке [НОА УИИЯЛ...].

Численность владеющих родным языком «марийских» удмуртов в официальных источниках не указывается, но, по-видимому, около 80% (от 2166 чел.) представителей данной диаспорной группы говорит на удмуртском языке. Данный вывод сделан исходя из материалов переписи 2002 г., согласно которым в *Республике Марий Эл* удмуртским языком владеют 1876 чел., среди них: 82 марийца, 54 русских, 29 татар и 1711 чел. – представители других национальностей [Национальный состав и владение языками..., 2004].

Согласно Конституции РМЭ, принятой в июне 1995 г., государственными языками республики являются марийский (горный и луговой) и русский. Закон «О языках в Республике Марий Эл», признающий «равное право граждан, по их желанию, на получение образования на родном

языке» (ст. 38), принят также в 1995 г. Марийский язык в учебных учреждениях республики не является обязательным предметом изучения [Сибатрова, 2006: 36–43].

Начало школьного образования удмуртских детей в данном субъекте федерации относится к концу XIX в. В 1881 г. в Карлыгане (ныне – с. Большой Карлыган Мари-Турекского района) уроженцем деревни К. А. Андреевым с одобрения Н. И. Ильминского для обучения грамоте и основам христианства детей и взрослых окрестных удмуртских населенных пунктов была открыта школа, получившая в 1883 г. статус миссионерской. До ее преобразования в 1890 г. в центральную, школа содержалась на средства семьи Андреевых. Первый выпуск состоялся в 1898 г. В разные годы, после окончания Казанской инородческой учительской семинарии, здесь работали Г. П. Прокопьев, И. С. Михеев, В. Захаров, П. Васильев и другие. Гордостью школы являются ее выпускники, среди них: первая удмуртская поэтесса и врач Ашальчи Оки (А. Г. Векшина), видный общественный и государственный деятель, поэт и публицист М. П. Прокопьев, педагоги и ученые Михаил и Яков Ильины, профессор Удмуртского государственного пединститута М. П. Прокопьев, заслуженный деятель искусств РФ, народный артист УР Л. Романов и многие другие, внесшие большой вклад в развитие просвещения, науки, культуры и искусства удмуртского народа. Закончили эту школу (с декабря 1996 г. носит имя К. А. Андреева) и впоследствии там же работали дети (Даниил и Ольга) и внук (Александр) ее основателя [Андреев, 2003: 86–89; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1325].

Карлыганская школа и в настоящее время является уникальной в Марий Эл – только здесь в республике преподается сразу три родных языка: удмуртский, марийский и татарский. Обучение удмуртскому языку в Мари-Турекском районе также ведется в Ломовской начальной школе. В 2005–2006 учебном году в Карлыгане удмуртский язык со 2 по 9 класс изучали 93

учащихся, в д. Лом – 33 [Кандакова, 2006: 142–144, НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1325].

В последние годы, однако, уровень владения детей родным языком вызывает беспокойство и тревогу педагогов. По словам учителя удмуртского языка и литературы Карлыганской школы, с каждым годом увеличивается количество школьников-удмуртов, не говорящих на родном языке, что создает определенные сложности в преподавании. В такой ситуации успешное усвоение предмета во многом зависит от инициативы, творчества и ответственности учителя. Под руководством своего преподавателя учащиеся собирают фольклор, знакомятся с историей, культурой, традициями и обычаями удмуртского народа, организуют недели родного языка и литературы, участвуют в научно-практических конференциях, олимпиадах, являются активными корреспондентами газеты «Азылане» Балтасинского района РТ. Молодое поколение марийских удмуртов достойно продолжает традиции Карлыганской школы: в 2002–2003 учебном году из девяти выпускников-удмуртов пятеро поступили в ВУЗы [Кандакова, 2006: 142–144; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1325].

Дошкольное образование дети из удмуртских семей получают в Ломовском и Карлыганском детских садах. В Ломовском дошкольном общеобразовательном учреждении (ДОУ) абсолютное большинство детей и сотрудников – удмурты, все они говорят на родном языке. Детский сад села Карлыган обслуживает пять деревень. В 2002–2003 гг. из 53 посещавших ДОУ детей 18 были удмурты, 2 – русские, 3 – татары, 4 – марийцы, остальные – из смешанных семей; все сотрудники (20 чел., из них 6 – воспитатели) в той или иной степени владели удмуртским языком. Дети подготовительной группы с большим интересом, по словам воспитателей, посещали занятия удмуртского языка (2 часа в неделю). Однако отсутствие необходимой литературы, методического и раздаточного материала, являлось существенным препятствием в организации работы по знакомству с языком, культурой и

историей удмуртов (воспитатели были вынуждены пользоваться пособиями на марийском языке) [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1325].

СМИ на удмуртском языке в Республике Марий Эл нет. Удмуртское население выписывает периодические издания из Удмуртии, популярностью среди них пользуется и газета балатсинских удмуртов (РТ) «Азьлане».

О владении удмуртским языком населением *Кировской области* в официально опубликованных материалах переписи 2002 г. данных нет. Не смогли предоставить такую информацию и в областной администрации. Тем не менее, судя по сложившейся здесь этнодемографической и этносоциальной ситуации, по-видимому, можно предположить, что уровень владения родным языком среди кировских удмуртов примерно совпадает с уровнем пермских, то есть – около 60%.

Язык слободских и косинских удмуртов относится к нижнечепецкому диалекту (говору) северного наречия удмуртского языка [Кельмаков, 1998: 42–43]. Распространение просвещения среди чепецких удмуртов связано, прежде всего, с деятельностью Комитета православного миссионерского общества, созданного в Вятской епархии в 1870 г. [Берестова, 2003: 29–31].

Начало истории Светозаревской средней школы (МОУ СОШ с. Светозарево) – центра образования удмуртов *Слободского района* — относится к середине XIX в., когда в 1848 г. в д. Круглово была основана церковно-приходская школа (около 30 учащихся). В 1867 г. она преобразована в земскую, в 1872 г. – в Кругловское училище для девочек и мальчиков, в 1900 г. – вновь в церковно-приходскую. С 1918 по 1975 гг. школа прошла путь от Советской I ступени до Кругловской восьмилетней. В 1975 г. новое здание школы на 320 учащихся построено уже в с. Светозарево [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332].

В 2005–2006 учебном году педагогический коллектив в Светозарево состоял из 14 учителей (все – с высшим образованием), 11 из них – удмурты, бывшие выпускники школы. Из 51 учащихся 36 детей – удмурты, 10 – из

смешанных семей, 5 – русские. Преподавание родного языка среди слободских удмуртов было прекращено еще в 30-е гг. прошлого века. К обсуждению вопроса об изучении удмуртского языка в школе светозаревцы вновь обратились лишь в 1995 г., но, по результатам анкетирования, около 50% родителей и учащихся высказались против введения предмета «удмуртский язык и литература» в школьную программу, оправдывая свой отказ отсутствием востребованности подобных знаний в обществе и большой загруженностью учеников. В то же время все опрошенные положительно отнеслись к возможности изучать родной язык на кружках, факультативах и индивидуально-групповых занятиях, так как «хотели бы читать книги, петь песни на удмуртском языке, знать больше о своей истории, об Удмуртии...». С этого времени (с 1995 г.) для учащихся 5–6 классов в школе ведется кружок (впоследствии – факультатив) удмуртского языка, бессменным руководителем которого является учитель русского языка и литературы Г. А. Зянкин. На занятиях дети учатся не только читать и писать, они изучают топонимику, историю края, выясняют воршудно-родвые группы предков, знакомятся с национальными играми, песнями, танцами, сочиняют стихи, составляют рукописные книжки-малютки со своими иллюстрациями и многое другое. В школе также организован кружок «Культура моего народа». Большую роль в воспитании уважительного отношения детей к языку, культуре, истории, традициям удмуртского народа играет деятельность школьного краеведческого музея. Работа коллектива светозаревских учителей и учащихся по изучению истории и культуры родного края была оценена по достоинству: в 2005 г. школа стала лауреатом областного конкурса в номинации «Школа с этнокультурным компонентом» [Зянкин, 2006: 138–141; НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332].

Детский сад в с. Светозарево в 2004–2005 гг. посещали 15 детей. Занятия по удмуртскому языку с детьми здесь не проводятся. С 2006–2007

учебного года ДООУ и средняя школа административно объединены в одно учреждение [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332].

В *Унинском районе* в д. Сибирь первая школа открылась в конце XIX в. по инициативе местного уроженца, крестьянина-удмурта, Е. А. Золотарева. Школа, которую посещали около 10–15 детей, была организована в доме Золотаревых, однако по требованию властей, через три года ее деятельность была прекращена. В 1911 г. Глазовское уездное земское управление (по просьбам населения) позволило открыть частную школу в доме Г. М. Золотарева, в ней обучалось около 30 детей-удмуртов. С 1912 г. занятия продолжились уже в здании Сибирской земской школы [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332].

Сегодняшнее деревянное здание Сибирской основной школы построено в 1971 г. В 2004–2005 гг. в школе было 30 учащихся, в том числе дети из соседней Астрахани, которые приходят сюда в пятый класс. Кроме основной школы, в Сибири есть детский сад. Астраханские дети ходят в детский сад и начальную школу в своей деревне. Ни в одном из четырех названных образовательных учреждений преподавание удмуртского языка не ведется. Косинские удмурты с трудом вспоминают, что в их школах изучать родной язык «кажется, перестали в годы войны» (1941–1945 гг. – И. Ш.-З.).

Вопрос о преподавании родного языка здесь в последние годы не обсуждался, в то же время по краеведению проводится большая работа – в школьном музее собран разносторонний богатый материал. По словам учителей Сибирской школы, учащиеся редко общаются между собой на удмуртском языке, хотя дома с родителями говорят и на родном языке. Начать факультативные занятия по удмуртскому языку, по мнению педагогов, в принципе, было бы возможно, вероятно, нашлись бы и желающие, однако серьезным препятствием при этом становится отсутствие специалистов.

Астраханцы считают, что в их деревне «удмуртскость» сохранилась лучше, чем в Сибири, и их дети на родном языке говорят больше. Учителя и

воспитатели выразили также мнение, что они хотели бы, чтобы с детьми проводились занятия по родному языку, не возражают против этого и родители. О желании учить детей языку еще раз говорила учительница Астраханской начальной школы членам делегации из Удмуртии во время Дней удмуртской культуры в Кировской области в марте 2007 г. [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332].

Таким образом, действенная помощь со стороны Удмуртии в организации преподавания удмуртского языка в школах и детских садах Кировской области (в подготовке кадров, обеспечении учебно-методической и художественной литературой; административная и моральная поддержка), могла бы существенно повлиять на изменение ситуации в данной сфере среди слободских и косинских удмуртов в лучшую сторону.

СМИ на удмуртском языке в Кировской области нет. Население также мало выписывает периодических изданий из Удмуртии, так как читать на родном языке удмурты здесь не умеют.

Анализ языковой ситуации в рассматриваемых этнотерриториальных группах удмуртов показывает, что в национальных республиках сохраняется достаточно высокий уровень владения родным языком: в Татарстане – 87,4%, Башкортостане – 84,4%, Марий Эл – около 80% (для сравнения: в Удмуртии уровень владения удмуртским языком составляет 71,8%), развивается сеть образовательных учреждений с преподаванием удмуртского языка, издаются удмуртскоязычные газеты (республиканская – в Башкирии и районная – в Татарии). В то же время в Пермской и Кировской областях уже около 40% удмуртов не владеют родным языком, в большинстве «удмуртских» школ изучение родного языка не находит должной поддержки как со стороны родителей, так и администрации, СМИ на удмуртском языке – нет.

Удмуртские диаспорные группы субъектов РФ в **конфессиональном отношении** придерживаются разных верований. Так, закамские удмурты, в том числе *Куединского района Пермской области и Татышлинского и Янаульского*

– Республики Башкортостан, за исключением двух небольших крещеных подгрупп, являются приверженцами языческих традиций [См., например: Миннихметова, 2000; Садилов, 2001].

Удмурты Башкирии свои языческие моления тайно проводили и в советские времена. В постперестроечные годы большая работа, в которой активное участие принимали и взрослые, и дети, велась по благоустройству священных рощ и родников. Так, в с. Новые Татышлы в 1994 г. был построен молельный дом, который содержится за счет пожертвований населения и поддержки СПК «Дэмен». Колхоз также оказывает материальную и финансовую помощь при организации молений. Уход за священными родниками поручен детям, за молельным домом присматривают пожилые односельчане.

В Янаульском районе (на территории СПК «Волга») самое крупное моление проводится во второе воскресенье июля – *Ыштыяк-вось*. Сюда собираются удмурты (взрослые и дети) из многих окрестных деревень, приезжают соплеменники из Куединского района Пермской области. По словам респондентов, на моление приходит так много людей, что для приготовления обрядовой каши приходится жертвовать до 10 баранов и 3-4 гусей.

Куединским удмуртам в советские годы не удалось сохранить священные рощи (разрушены в 1930-е гг.), но и здесь, начиная с 1990-х гг., ведется работа по восстановлению мест (в дд. Кирга и Кипчак) и возобновлению молений.

Языческие обряды пронизывают все стороны жизни закамских удмуртов, и в той или иной степени соблюдаются ими в продолжение всей жизни. По словам респондентов, даже те местные жители, которые в последние годы приняли крещение, церковь посещают редко и продолжают придерживаться традиционной жизни удмуртской общины. На деревенских кладбищах татышлинских, янаульских и куединских удмуртов нам редко удавалось обнаружить на могилах кресты – в основном только на захоронениях

приезжих. Закамские удмурты гордятся своей приверженностью древним традициям, они считают, что они и есть «настоящие удмурты», так как им удалось сохранить через века веру предков [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320].

Удмурты *Татарстана* (кроме удмуртов д. Сарсак-Омга Агрызского района), *Марий Эл* и *Кировской области* – православные.

По словам жителей д. Старая Турья Балатсинского района, в удмуртских семьях детей здесь стараются обязательно окрестить, говорят, что «иначе станет татарским мальчиком/девочкой». Перед большими христианскими праздниками – Троицей, Пасхой, Рождеством и др. – посещение церкви для них обязательно. По возможности бывают в церкви и на воскресных службах, приглашают священника на похороны. В то же время, те же старотурьянские удмурты в Троицу, День Победы (9 мая) и во время поминок при посещении кладбища обязательно жертвуют курицу, а удмурты д. Карык-Серма рассказывают, что в один засушливый год председатель СПК (татарин) попросил стариков провести на поле моление с просьбой о дожде. «В молении участвовал почти весь колхоз. Председатель пожертвовал колхозного бычка и получился целый сабантуй. Потом, кажется, и дождь пошел» – говорят они.

Таким образом, татарстанские удмурты по-прежнему чтят и берегут свои традиции и обычаи, и при этом являются искренне верующими христианами. По мнению жительницы д. Ошторма Юмья Кукморского района, христианская вера помогла местным удмуртам выжить, так как она «учит терпению, а удмурты – очень терпеливый народ. Им приходилось и приходится переживать много лишений. А не умели бы они терпеть, разве удалось бы им здесь сохраниться?».

В повседневной жизни мари-турекских удмуртов соблюдение традиционных обрядов встречается реже, чем у их соплеменников в Татарстане, однако и они свои обычаи знают и помнят.

Среди нижнечепецких удмуртов, как и среди удмуртов завятской группы, наряду с христианством, длительное время сохранялись самобытные формы религиозных воззрений. В частности, еще во время экспедиции в 2005 г. нам удалось побывать на месте языческого родового моления слободских удмуртов Имма-воршуду (диаслект. вариант – *Имма-вожшуд*). Как свидетельствует М. Г. Атаманов, по преданиям старожилов, когда удмурты уходили из Хлынова, предводитель рода Имма дал уходящим красного бычка, повелев принести его в жертву и построить святилище там, где он упадет [Атаманов, 2005: 65–66]. В другом предании рассказывается, что, когда новгородцами удмуртское святилище в *Кылно* (Хлынов) было сожжено, золу с места сгоревшей *куалы* (молитвенное строение) перенесли на новое место, призвали своего *вожшуда* (покровителя) и основали в лесу мольбище в честь *Имма-вожшуда* [Кайсина, 2005: 259]. Позже, когда рядом с местом молений был проложен тракт в сторону г. Глазова, мольбище перенесли в глубь леса, ближе к д. *Чабья* (Омсино). С тех давних пор слободские удмурты берегут место родового моления и приходят сюда, чтобы поклониться Имма-воршуду (*Имма веттон* – ходить к Имма). На Петров день и в Покров они приносят ему в жертву домашнюю птицу (гуся или утку), просят о помощи и благополучии, привязывают разноцветные лоскутки к священной березе и бросают монеты в священный родник [НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332].

Религия завятских и нижнечепецких удмуртов, как показывают и приведенные примеры, характеризуется сложной формой синкретизма, где причудливо, и в то же время органично, переплетаются элементы христианства и язычества.

Этнокультурная ситуация в местах компактного проживания удмуртов выглядит достаточно благоприятной. Население «удмуртских» муниципальных образований субъектов РФ обеспечено объектами культурного назначения – домами культуры, библиотеками, спортивными сооружениями (несколько сложнее положение в Хлебниковском МО Мари-Турекского района

Марий Эл и д. Сибирь Унинского района Кировской области, где после пожара на восстановление зданий сельских клубов финансовые средства пока не изысканы). Территории поселений благоустроены: здесь почти нет разрушающихся, заброшенных зданий, перед домами – палисадники, сады и огороды ухожены, в деревнях много цветов и зеленых насаждений. В с. Большой Гондыр, например, – единственный в Куединском районе парк культуры, который оснащен каруселями, фонтаном, театральным павильоном. В Гондыре есть и свой ипподром.

Учреждения культуры, расположенные в удмуртских деревнях, в основном обеспечены специалистами. В последние годы более активную поддержку со стороны Удмуртии стали ощущать обслуживающие удмуртское население библиотеки: с 2004 г., в соответствии с программой по реализации Закона УР «О государственных языках УР...», сюда стали поступать новые книги на удмуртском и русском языках. Так, в Янаульскую центральную библиотеку РБ в 2004 г. поступило, к примеру, 349 книг на удмуртском языке.

Во всех рассматриваемых районах субъектов РФ широко развита сеть краеведческих музеев, функционирующих при школах, Домах культуры, библиотеках, или даже расположенных в отдельных зданиях, как, в частности, в с. Большой Карлыган Мари-Турекского района Марий Эл. В Новых Татышлах Татышлинского района Башкирии в 2004 г., согласно Указу Президента РБ, создан историко-культурный центр (руководитель – Т. Н. Шайбакова), призванный стать методическим и координирующим центром по этнокультурной работе среди удмуртов, проживающих в республике.

В местах расселения этнотерриториальных групп удмуртов создано большое количество детских и взрослых фольклорных коллективов: более 20 – в Татарстане, около 15 – в Башкирии, 6 – в Кировской области, 5 – Пермской, 2 – в Марий Эл. Многим из них присвоено почетное звание «народный».

Далеко за пределами Республики Марий Эл известен народный фольклорный коллектив с. Большой Карлыган «Зардон» («Рассвет»), которым

руководит М. А. Главатских. Профессиональное мастерство участников ансамбля отмечено дипломами различных конкурсов, фестивалей, смотров. М. А. Главатских руководит также детским ансамблем «Радуга», в котором с удовольствием занимаются не только дети-удмурты, но и марийцы, татары, русские.

Более 20 лет руководит народным фольклорным коллективом «Инвожо» («Солнцеворот») д. Новый Канисар Кукморского района учитель Починоксутерской средней школы Г. Г. Ахметов. С 1985 г. существует фольклорный коллектив д. Средний Кушкет Балтасинского района РТ. «Если нам надо представить район на каком-нибудь республиканском мероприятии, или встретить почетных гостей, мы обязательно, прежде всего, обращаемся к нашим удмуртским коллективам, – говорит заместитель главы районной администрации. – Они – наша визитная карточка».

«В Башкортостане наши удмуртские коллективы уважают, – рассказывают новотатышлинцы. – Самых почетных гостей встречать нам доверяют». Фольклорный ансамбль «Шулдыр жыт» («Веселый вечер») с. Новые Татышлы является одним из лучших в Башкирии. В 2000 г. ему присвоено звание «народный». В этом же году «народным» стал коллектив «Югдон» («Рассвет») Староваряшского сельского Дома культуры (СДК) Янаульского района.

Большой любовью и популярностью в Пермской области пользуется «народный» (с 2001 г.) коллектив «Тюрагай» («Жаворонок»), созданный при Большегондырском СДК. Почти ни одно значимое культурное мероприятие в Пермской области не проходит без их участия.

Фольклорный ансамбль «Лыз кутюк» («Василек») с. Светозарево Слободского района звания «народный» удостоен еще в 1987 г. «Лыз кутюк» – участник многих областных и межрегиональных смотров и фестивалей.

Художественные коллективы удмуртских диаспорных групп являются не просто хранителями и пропагандистами уникальной культуры народа, своим

творчеством они служат сближению, единению удмуртов, проживающих в разных регионах России.

Во всех рассматриваемых пяти субъектах РФ действуют национально-культурные общественные объединения удмуртов, играющие весьма значимую роль в процессе их этнической мобилизации.

Республиканский национально-культурный центр удмуртов *Башкортостана*, бессменным руководителем которого является Р. Б. Галямшин, был создан в 1996 г. В 2005 г., по решению III конференции удмуртов республики, Центр преобразован в Национально-культурную автономию удмуртов РБ (НКА УРБ). В настоящее время отделения автономии есть во всех районах с компактным проживанием удмуртов и в г. Нефтекамске. Объединение башкирских удмуртов является инициатором и организатором многих общественно значимых, полезных дел. Так, с 2002 г. здесь проводятся Слеты, на которых чествуют прославленных земляков-удмуртов, удостоенных высоких званий, награжденных медалями, орденами, почетными грамотами; с 2003 г. для одаренных детей-удмуртов РБ с приглашением школьников и специалистов из других регионов организуется летняя лагерная смена «Усточикар» («Город умельцев»); с 2004 г. учащиеся удмуртских школ участвуют в соревнованиях детской спортивной олимпиады. Традиционными стали республиканские фольклорные фестивали, фестивали детского творчества и т. д. Опыт работы НКА удмуртов Башкирии во многом является примером для других удмуртских общественных объединений.

Одними из первых в пореформенные годы в общественную организацию объединились удмурты с. Большой Гондыр Куединского района *Пермской области*, которые в 1990 г. основали свой национальный культурный центр (УКЦ). Статус районной организации и юридическую регистрацию Центр получил в 1993 г. У истоков его создания и идейным вдохновителем был Ш. М. Меншарапов. В настоящее время деятельностью УКЦ руководит С. И. Гадиятов.

На территории *Татарстана* существует 9 местных национально-культурных центров удмуртов, которые в 2004 г. объединились в Национально-культурную автономию удмуртов РТ. Юридический центр автономии расположен в г. Казани, председателем избран К. Г. Васильев. Однако работа НКА по единению и мобилизации удмуртов Татарии, пока мало ощутима. Вероятно, для активизации деятельности организации необходима более действенная помощь со стороны общественных объединений Удмуртии.

Центры удмуртской культуры *Республики Марий Эл* (основан в с. Большой Карлыган в 1996 г., руководитель – М. А. Главатских) и *Кировской области* (основан в с. Светозарево в 1999 г., руководитель – А. Г. Кайсина) не являются общественными организациями. Они создавались как учреждения культуры и являются структурой районных отделов культуры, однако их деятельность выходит далеко за рамки формального исполнения обязанностей, и Центры во многом выполняют также функции общественных объединений.

Общественные объединения удмуртской диаспоры, которые в 2007 г. стали ассоциированными членами Межрегиональной общественной организации «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш», способствуют углублению и расширению разносторонних связей с титульной республикой. По их инициативе и при их активной поддержке заключены межведомственные соглашения о сотрудничестве в области культуры, образования, молодежной и национальной политики между Удмуртией и субъектами РФ. На основе межрегиональных договоров впоследствии подписаны межрайонные соглашения (табл. 17).

Таблица 17

Муниципальные районы УР и субъектов РФ, имеющие Соглашения о сотрудничестве

Районы УР	Районы субъектов РФ
Шарканский район	Куединский район Пермской области
Завьяловский район	Татышлинский район РБ
Граховский район	Калтасинский район РБ

г. Воткинск	Янаульский район РБ
Алнашский район	Мари-Турекский район РМЭ
Кизнерский район	Балтасинский район РТ
г. Можга	Кукморский район РТ
Ленинский район г. Ижевска	Агрызский район РТ
Балезинский район	Слободской район Кировской области
Красногорский район	Унинский район Кировской области

Источник: НОА УИИЯЛ...

Таким образом, этнокультурная ситуация в удмуртских диаспорных группах в национальных республиках и областях складывается более равномерно, чем в этноязыковой сфере. Тем не менее, и здесь обращают на себя внимание некоторые отличия. К примеру, профессиональные творческие коллективы из Удмуртии в Башкирии, Татарии и Марий Эл бывают много чаще, чем в Пермской и, особенно, Кировской областях; в то время как в Башкортостане и Татарстане действуют республиканские удмуртские общественные организации, в областях – только на районном уровне; национальных республиках удмуртские творческие коллективы действуют во всех районах их компактного проживания, в Кировской области – только в двух.

Заключение

В результате массовых перемещений населения, происходящих во всем мире на рубеже XX–XXI вв. вследствие существующего экономического неравенства между регионами, политических катаклизмов, войн, голода и т. д., многие люди, покинувшие по тем или иным причинам свою родину, оказываются в рассеянии.

В связи с распадом в 90-е гг. XX в. таких многонациональных государств как Советский Союз, Югославия, Чехословакия список разделенных народов резко увеличился. Внезапное и кардинальное изменение политических границ привело к возникновению новых островков «диаспор катаклизма» (по определению Р. Брубейкера), не по своей воле оказавшихся оторванными от своего этнического ядра. Перекройка современной политической карты мира, вынужденные или добровольные миграции людей с традиционных мест расселения приводят к новым этнотерриториальным размежеваниям.

Тема диаспор является злободневной для постсоветской России. Национально-государственное строительство СССР и связанная с ним территориализация этничности привели к тому, что понятие «этническая родина» приобрело в общественном сознании конкретное пространственное очертание. Однако не все представители того или иного народа проживают в соответствующих автономиях. Оказалась за пределами своей титульной республики и почти треть удмуртского этноса.

Анализ этнической истории и современного состояния отдельных этнотерриториальных групп удмуртов показал, что им свойственны все основные, выделяемые исследователями в качестве типичных, черты диаспоральности, соответственно: опыт решения проблем удмуртской диаспоры может, с одной стороны, стать существенным вкладом в развитие диаспорологии вообще, с другой – поможет объективному пониманию такого сложного явления, как феномен удмуртов и Удмуртии, в частности.

Территория современного расселения удмуртов сложилась к концу XVII – началу XVIII вв. В процессе ее формирования значительные миграционные явления наблюдались на рубеже I–II тысячелетий н. э. и XV–XVI вв. Переселения удмуртских родоплеменных групп, представлявших автохтонное население Волго-Камья, были вынужденными и сопровождались межэтническими вооруженными столкновениями, о чем свидетельствуют народные предания и некоторые архивные документы. В ходе миграций удмурты покинули освоенные ими земли по берегам крупных рек (Камы, Волги, Белой, Вятки), их воршудные группы смешались, и они сомкнулись в единый этнический массив, сосредоточившись в основном на территории современной Удмуртии.

Предпосылкой для начала формирования удмуртской народности явилось присоединение северных и южных удмуртов в середине XVI в. к царской Руси, способствовавшее возникновению необходимых условий для их консолидации в рамках единого государства. Однако в то же время, при проведении правительством территориальных реформ, административные границы определялись практически без учета исторически сложившегося расселения коренных народов российского государства. Реализация такой политики привела к тому, что к концу XIX – началу XX в. отдельные группы удмуртов оказались в различном иноэтничном окружении – русском, татарском, башкирском, марийском, так как в зависимости от административных границ шло заселение территорий их проживания другими этносами. При этом разделительные рубежи могли быть определены и между едиными этнографическими группами, например, закамскими удмуртами (современные удмурты Куединского района Пермской области и удмурты Республики Башкортостан), что впоследствии существенно повлияло на их этнокультурное развитие.

После Октября 1917 г. удмурты Вятской, Казанской, Пермской, Уфимской и некоторых других губерний России активно включились в

нешуточную борьбу за свою автономию, что послужило повышению самосознания народа, расширению связей между различными удмуртскими этнотерриториальными группами и завершению в 20-е гг. XX в. процесса их консолидации в единый этнос. Вотская автономная область – первое национально-государственное образование в истории удмуртского народа – создана в 1920 г., но, при утверждении ее границ, территория проживания около трети компактно расселенных в Волго-Камском регионе удмуртов не вошла в ее состав. Впоследствии данный факт явился основной причиной возникновения факторов, повлиявших на формирование диаспорного сознания у удмуртов, оказавшихся вне национальной автономии, и, в конечном итоге, – на образование различных удмуртских диаспорных групп.

Национально-государственное строительство советской России завершилось созданием федерации, состоящей из субъектов различного типа. Одни удмуртские этнотерриториальные группы, или, по выражению профессора В. Е. Владыкина, «диаспоральные острова» были включены в состав национальных республик, другие – областей. Из рассмотренных в работе диаспорных групп две входят в состав субъектов областного типа – это: куединские удмурты Пермской области и слободские и унинские – Кировской области, три – республиканского типа: татышлинские и янаульские – Республики Башортостан, балтасинские и кукморские – Республики Татарстан, карлыганские – Марий Эл. Их сегодняшний историко-культурный облик во многом сложился под влиянием типа субъекта федерации, на территории которого локализована группа, и, непосредственно связанного с ним, этнического окружения.

Результаты исследования этнодемографических, социально-экономических, психологических, этнополитических, культурных и языковых аспектов жизнедеятельности удмуртской диаспоры пяти, территориально наиболее близких Удмуртской Республике, субъектов Российской Федерации, показали, что в постсоветский период этнотерриториальным группам

удмуртов, компактно проживающим в национальных республиках, лучше удалось сохранить свою численность, позитивную этническую идентичность, язык и культуру, чем их соплеменникам в областях.

Одно из главных объяснений сложившейся ситуации заключается, видимо, в том, что в национальных республиках созданы более благоприятные, чем в областях, условия для этнокультурного развития удмуртов, обеспечивающие им сохранение родного языка, своей истории, культуры, традиций и обычаев.

К примеру, в Башкортостане, Татарстане и Марий Эл в школах и детских садах ведется преподавание удмуртского языка, которое не прекращалось и в советский период. В Башкирии в 2003–2004 учебном году 64,6% от числа всех детей-удмуртов изучали родной язык в 58 школах республики. В том же году в Татарстане обучением родному языку был охвачен 71% детей-удмуртов, удмуртский язык преподавался в 45 школах. Учебные учреждения республик обеспечены квалифицированными кадрами педагогов и воспитателей. Между тем, в Пермской области ни в одной из средних школ удмуртский язык не преподается и только в Киргинской основной школе дети-удмурты имеют возможность изучать родной язык. В школах Слободского и Унинского районов Кировской области преподавание удмуртского языка прекращено в 30-е–40-е гг. прошлого века и с тех пор не возобновлялось.

В Башкортостане издается республиканская газета на удмуртском языке «Ошмес» («Родник»), в Балтасинском районе Татарии – удмуртскоязычный дубляж районной газеты – «Азьлане» («Вперед»), кукморские удмурты имеют возможность смотреть трансляцию телепередач из Удмуртии. На территории Пермской и Кировской областей, а также в Марий Эл СМИ на удмуртском языке нет.

В Башкортостане и Татарстане созданы удмуртские республиканские национально-культурные автономии, объединяющие своей деятельностью всех

удмуртов, проживающих в данных регионах. В Марий Эл, Пермской и Кировской областях удмуртские общественные организации действуют лишь на уровне районов, что для Марий Эл, возможно, еще вполне оправданно, так как удмуртская диаспора здесь малочисленна и компактно проживает на территории только одного района, однако в Кировской и Пермской областях удмурты представлены достаточно широко и в каждом из этих субъектов их насчитывается около 20–30 тыс. чел. соответственно.

Более равномерно в регионах выглядит ситуация в сфере развития традиционной культуры – в районах компактного проживания удмуртов во всех рассматриваемых субъектах созданы творческие фольклорные коллективы (многие из них удостоены звания «народный»), которым со стороны администраций оказывается методическая и финансовая помощь. Тем не менее, и здесь обращает на себя внимание тот факт, что, если в Башкирии и Татарии фольклорные коллективы действуют во всех «удмуртских» районах республики, то, в частности, в Кировской области – только в двух. На этнокультурную жизнь куединских удмуртов большое позитивное влияние оказывают их соплеменники из Башкирии. В частности, и основателем, и сегодняшним руководителем «народного» фольклорного коллектива «Тюрагай» с. Большой Гондыр являются выходцы из Республики Башкортостан.

Своеобразным катализатором этнической мобилизации удмуртской диаспоры в республиках является и пример активного процесса «нациестроительства» титульных народов, отличающихся высоким этническим самосознанием.

Воспитание уважительного отношения к своему народу, его истории и культуре, сохранение преемственности в преподавании родного языка, несомненно, положительно влияют на развитие личности, способствуют формированию ее позитивной самоидентификации, и, вероятно, не случайно именно из среды янаульско-татышлинских, карлыганских и кукморско-

балтасинских удмуртов вышли известные всему удмуртскому народу и Удмуртии, выдающиеся ученые, писатели, общественные деятели, представители творческой интеллигенции.

Отрадно, что положительным опытом республик в сфере развития национального образования и культуры заинтересовались и на уровне федеральной власти. В 2006 г. впервые в Российской Федерации утверждена Концепция национальной образовательной политики, одним из приоритетов которой определяется «удовлетворение этнокультурных и языковых образовательных потребностей народов Российской Федерации»¹⁴. В области культуры в настоящее время обсуждается концепция федеральной программы «Сохранение и развитие нематериального культурного наследия народов РФ на 2009–2013 гг.». Остается надеяться, что с принятием данных документов помощь и поддержка со стороны государства развитию национального образования и традиционной культуры народов России станут более ощутимы.

На формирование этничности и выбор этнической идентичности, безусловно, большое влияние оказывают экономический, и во многом связанный с ним, психологический факторы.

Компактно расселенные в субъектах РФ удмурты относятся преимущественно к сельским жителям, занятым в сельскохозяйственном производстве. Социально-экономическая ситуация в постсоветский период в пяти рассматриваемых регионах складывается по-разному и, если в Татарстане, Башкортостане и Пермской области адаптация к рыночным условиям прошла более или менее успешно, и экономика здесь развивается достаточно стабильно, то в Республике Марий Эл и, особенно, Кировской области пока не удалось преодолеть вызванные реформами негативные тенденции. Между тем, независимо от общих показателей социально-экономического развития регионов, труженикам сельского хозяйства всех рассматриваемых субъектов в трудные перестроечные годы удалось удержать производство от развала,

¹⁴ Концепция национальной образовательной политики РФ утверждена Приказом Министра образования и науки РФ за №201 от 03 августа 2006 г.

полагаясь, прежде всего, на самих себя. «Удмуртские» СПК в Башкирии, Татарии, Марий Эл, Пермской и Кировской областях, в полной мере испытав на себе тяготы 90-х гг., практически все не только сохранились, но продолжают развиваться и обеспечивают население занятостью и минимальным достатком. Выстоять в критической ситуации удмуртам вновь помогли присущие им трудолюбие, терпение и упрямство, сказывающееся, в том числе, и в приверженности традиционным методам хозяйствования. Однако труд селян даже на грани физических возможностей и сверхэксплуатации себя, ни в одном из пяти субъектов, при существующих условиях не может гарантировать им достойного уровня жизни и уверенности в завтрашнем дне, поэтому вполне объясним некоторый пессимизм в настроении населения удмуртских деревень регионов. Их общее мнение о ситуации в 2002–2005 гг. можно выразить словами председателя одного из СПК Янаульского района Башкирии: «Если в ближайшие годы в аграрной политике государства никаких изменений не произойдет, все рухнет. Крестьянин долго не выдержит». Видимо, осознание остроты кризиса в российском сельском хозяйстве произошло и в «высоких кабинетах», и весьма своевременно развитие агропромышленного комплекса страны с 2006 г. федеральной властью был объявлен одним из приоритетных направлений деятельности правительства. Тот факт, что государство, наконец, обратило внимание на проблемы села, вселяет надежду, что удмуртские «диаспоральные острова» не исчезнут, сохранятся и в дальнейшем, как неразрывная органическая часть удмуртского этноса.

Ощущение психологического дискомфорта, в той или иной степени свойственное всем диаспорным группам, связано и с их неизбежной вовлеченностью в сложную систему отношений трех сил – субъекта проживания, самой диаспоры и республики-родины, стремления которых не всегда совпадают и даже нередко приходят в столкновение. К примеру, удмурты Татарстана и Башкортостана практически смирились с мыслью, что в «своих» республиках быть «большими начальниками» им не удастся, в то же

время в Удмуртии они становятся руководителями регионального уровня и достигают высоких званий в области науки, образования, культуры и т. д. И, если в национальных республиках и созданы необходимые для сохранения и развития удмуртской этничности условия, то, при желании представителей диаспоры более успешно реализовать свои способности и добиться высокого социального статуса в обществе, им приходится сталкиваться с серьезным противодействием. Сложности возникают, в частности, при поступлении детей в высшие учебные заведения, делегировании художественных коллективов на различные фестивали, смотры, конкурсы, участие во внутривластной жизни регионов.

По сравнению с Татарстаном и Башкирией, в «русских» областях удмуртам (с их внешностью, христианскими именами и при условии хорошего знания русского языка) преодолеть межэтнические барьеры и избежать предвзятое к себе отношение проще. Мимикрируя, они могут «стать» русскими, «раствориться» среди доминирующего этноса. Добиваясь при этом определенных успехов в жизни, они и в дальнейшем предпочитают не возвращаться к своим «корням». Вероятно, и потому нам известно так мало имен прославивших свой народ удмуртов – выходцев из Пермской и Кировской областей.

Чувствуя некоторую отчужденность от общества проживания, вызванную ущемлением своих прав и пониженным статусом, удмурты диаспоры с надеждой обращаются за помощью к своей «этнической родине», но и здесь, в титульной республике, они отнюдь не всегда находят понимание и поддержку. «В Татарстане мы – удмурты, а в Удмуртии – татарстанцы», – видимо, в этих словах заключается главная суть проблемы диаспоры, которую можно решить только в процессе диалога и сотрудничества всех заинтересованных сторон. При этом, безусловно, наибольшая роль и ответственность остается за Удмуртской Республикой.

Таким образом, Удмуртской Республике, выполняя свои конституционные обязательства, в целях создания оптимальных социально-экономических, политических и нормативно-правовых условий этнокультурного развития удмуртской диаспоры необходимо:

- расширять и углублять всесторонние связи с субъектами РФ с компактным проживанием удмуртов, в том числе на уровне народной дипломатии через национально-культурные объединения, творческие союзы, художественные коллективы и т. д.;

- в интересах диаспоры продолжить практику заключения межправительственных, а на этой основе – межведомственных соглашений о сотрудничестве в области образования, культуры, национальной и молодежной политики, СМИ и других;

- для повышения эффективности сотрудничества наладить связи между районами с компактным проживанием удмуртов субъектов РФ и муниципальными образованиями Удмуртии;

- разработать республиканскую целевую программу по поддержке удмуртской диаспоры для оказания ей более действенной помощи;

- для получения актуальной и полной информации о состоянии конкретных удмуртских диаспорных групп продолжить исследовательскую работу, расширив географию изучения;

- на уровне Правительства УР создать координационный совет по работе с удмуртской диаспорой для согласования деятельности в данном направлении.

Однако проблемы этнических диаспор России, в том числе удмуртской диаспоры, не могут быть принципиально решены только на уровне регионов. Необходима разработка и принятие государственной концепции или доктрины диаспоральной политики, имея в поле зрения как внутреннюю диаспору, так и более 25 млн. представителей русскоязычной внешней диаспоры.

Без теоретической основы и научно выверенной диаспоральной политики в рамках всей страны сложно планировать на перспективу, и опыт Удмуртской Республики по взаимодействию со своей диаспорой мог бы стать достойным вкладом при определении приоритетов в программе деятельности в данном направлении.

Совершенно очевидно, что «диаспоральные проблемы» требуют дальнейшего изучения. Особый интерес представляет сравнительный комплексный анализ современного состояния удмуртов метрополии и диаспоры, который мог бы помочь объективному пониманию такого сложного явления, как «феномен Удмуртии».

Источники

Опубликованные источники.

1. Гармонизация национальных и межнациональных отношений народов Прикамья: Целевая комплексная программа на 1999–2003 гг. – Пермь: Администрация Пермской области.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. Т 4. Кн. 1; 2. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.
3. Конституция Удмуртской Республики = Удмурт Элькунлэн Кункатэз. – Ижевск, Удмуртия, 2007. – 72 с.
4. Концепция государственной национальной политики Удмуртской Республики // Информационно-методический сборник Министерства национальной политики УР. – Ижевск, 1999. – № 1 (3). – С. 17–31.
5. Областная целевая Программа развития и гармонизации национальных отношений народов Пермской области на 2004–2008 годы. – Пермь: Администрация Пермской области, 2004. – 76 с.
6. Устав Межрегиональной общественной организации «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» // Герд. – 2006. – № 10.
7. Устав Общественной организации «Общинный центр еврейской культуры Удмуртской Республики» // Феномен Удмуртии. В 9 т. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 3. Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути. М.–Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 406–414.
8. Финно-угорские и самодийские народы России: Статистический сборник. – Сыктывкар: Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, 2006. – 275 с.

Неопубликованные источники.

1. НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320 «а», 28 л. Полевые материалы этнографической экспедиции в Татышлинский и Янаульский районы Республики Башкортостан. 2002 г.
2. НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1320, 64 л. Полевые материалы этнографической экспедиции в Куединский район Пермской области. 2002 г.
3. НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1322, 51 л. Полевые материалы этнографической экспедиции в Балтасинский и Кукморский районы Республики Татарстан. 2003 г.
4. НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1325, 30 л. Полевые материалы этнографической экспедиции в Мари-Турекский район Республики Марий Эл. 2003 г.
5. НОА УИИЯЛ УРО РАН, рф, оп. 2–Н, д. 1332, 110 л. Полевые материалы этнографической экспедиции в Унинский и Слободской районы Кировской области. 2005 г.
6. Фонд Гостелерадиокомпании «Удмуртия». Программа «Тупал удмуртъес» [Звукозапись; Видеозапись] / Ред. В. А. Тороков. – 1997–2004 годы.

Литература

1. Абдулатипов Р. Г. Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе / Р. Г. Абдулатипов. – М.: Славянский диалог, 1999. – 127 с.
2. Абдулатипов Р. Г. Россия на пороге XXI века: состояние и перспективы федеративного устройства / Р. Г. Абдулатипов. – М.: Славянский диалог, 1996. – 255 с.
3. Абдулатипов Р. Каждый этнос – феномен общества / Рамазан Абдулатипов // Ватандаш. – 2004. – № 1. – С. 12–16.
4. Амелин В. В. Межэтнические отношения в регионах Приволжского федерального округа / В. В. Амелин // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А.

Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 43.

5. Андреев Ю. Л. Карлыганская школа: история и современность / Ю. Л. Андреев // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции. 26–28 октября 2000 года. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 86–89.

6. Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс / С. А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 74–78.

7. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М.: Наука, 1989. – 247 с.

8. Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов / М. Г. Атаманов. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 216 с.

9. Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов / М. Г. Атаманов. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 216 с.

10. Атаманов М. Г. Расселение удмуртов по данным этнотопонимии / М. Г. Атаманов // Проблемы этногенеза удмуртов. Сб. статей. – Устинов: Научно-исследовательский институт при Совмине УР, 1987. – С. 80–103.

11. Атаманов М. Г. Субэтнические объединения удмуртов / М. Г. Атаманов, В. Е. Владыкин // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. – С. 28–35.

12. Атаманов-Эграпи М. Г. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырза, Эгра вера / М. Г. Атаманов-Эграпи – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 248 с.

13. Башкиры: Этническая история и традиционная культура / Н. В. Бикбулатов [и др.]. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. – 248 с., ил.

14. Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. – 672 с., илл.

15. Берестова Е. М. Роль духовных школ в становлении национального образования в Удмуртии / Е. М. Берестова // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции. 26–28 октября 2000 года. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 29–31.

16. Брехач Р. А. Факторная взаимосвязь миграций как социального явления и уровня социальной напряженности в мегаполисе (на примере г. Перми) / Р. А. Брехач // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 44.

17. Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с роинами / Роджерс Брубейкер // Диаспоры. – 2005. – № 3. – С. 44–70.

18. Валеев Д. Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее / Д. Ж. Валеев. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. – 256 с.

19. Ванюшев В. М. Историко-культурная и культурно-языковая основа формирования национальных литератур Урало-Поволжья / В. М. Ванюшев // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сборник статей / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002. – С. 10–17.

20. Васильева Г. Н. Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее / Г. Н. Васильева, В. М. Ившина // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции. 26–28 октября 2000 года. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 3–14.

21. Васильева Г. Н. Национальное образование: сущность и перспективы / Г. Н. Васильева // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. 25–28 октября 2005 г. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 75–79.

22. Васильева О. И. Национально-языковая политика в Удмуртии в 1920–1930 гг. / О. И. Васильева // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сборник статей / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002. – 111–123.

23. Вахитова Р. К. Государственная политика Республики Башкортостан в области национального образования и воспитания молодежи / Р. К. Вахитова // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. 25–28 октября 2005 г. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 60–70.

24. Вахрушев А. А. Начало национального журналистского и литературного процесса / А. А. Вахрушев // Журналистика Удмуртии: история и современность. К 100-летию удмуртской национальной периодической печати / Отв. ред. А. А. Вахрушев // Ижевск: УдГУ, 2006. – С. 21–30.

25. Вишневский А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор / А. Г. Вишневский // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 115–130.

26. Владыкин В. Е. Геополитическое положение Удмуртии / В. Е. Владыкин // Феномен Удмуртии. В 9 т. Т. 3. Кн. 2. Удмуртское национальное движение и финно-угорское сообщество. – М.–Ижевск, 2003. – С. 4–16.

27. Владыкин В. Е. Здравствуйте! Мы – удмурты! / Владимир Владыкин // Удмурты. Сост. З. А. Богомолова. – М.: ГОЛОС-ПРЕСС, 2005. – С. 13–23.

28. Владыкин В. Е. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией / В. Е. Владыкин, Л. С. Христолюбова. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 144 с.

29. Владыкин В. Е. К вопросу об этнических группах удмуртов / В. Е. Владыкин. – Мон. О себе и других, о народах и Человеках и... – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 55–72.

30. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В. Е. Владыкин. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.: ил.

31. Владыкин В. Е. Удмурты / В. Е. Владыкин // Мон. О себе и других, о народах и Человеках и... – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 7–28.

32. Владыкин В. Е. Удмурты в составе Русского государства / В. Е. Владыкин // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. – С. 35–41.

33. Владыкин В. Е. Этнография удмуртов: Учебное пособие по краеведению. – 2-е изд., перераб. и доп. / В. Е. Владыкин, Л. С. Христоробова. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 248 с.: ил.

34. Войтович В. Ю. Развитие правового статуса Удмуртии в составе России. 1920–2000 / В. Ю. Войтович. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – 52 с.

35. Воронцов В. С. Роль национальной школы в формировании этнического самосознания учащихся / В. С. Воронцов // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции. 26–28 октября 2000 года. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 54–63.

36. Глимзянова Т. Р. Удмуртский язык в школах Башкортостана, его современное состояние / Т. Р. Глимзянова // Материалы пленарного заседания III конференции удмуртов Башкортостана в с. Новые Татаышлы Татышлинского района РБ 19 ноября 2005 г. – с. Новые Татаышлы, 2005 г.

37. Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) / Р. Д. Голдина // Проблемы этногенеза удмуртов. Сб. статей. – Устинов: Научно-исследовательский институт при Совмине УР, 1987. – С. 6–37.

38. Гришкина М. В. Неагрессия как доминанта традиционной культуры удмуртов / М. В. Гришкина // Этнонациональные доминанты в культуре и искусстве народов Поволжья: Сб. статей / Отв. ред. К. М. Климов. – Ижевск: Издательский дом «удмуртский университет», 2001. – С. 55–65.

39. Гришкина М. В. У истоков национального образования в Удмуртии (XVIII – первая половина XIX вв.) / М. В. Гришкина // Национальная школа:

прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции. 26–28 октября 2000 года. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 23–29.

40. Гришкина М. В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.) / М. В. Гришкина. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1994. – 208 с.

41. Гришкина М. В. Удмурты в составе Российского феодального государства (конец XV – первая половина XIX вв.) / М. В. Гришкина // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.) Сборник статей, отв. редактор Л. А. Наговицин. – Ижевск, 1995. – С. 108–139.

42. Губогло М. Н. Нравственная ответственность субъектов адаптации / М. Н. Губогло // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 475–476.

43. Губогло М. Язык, двуязычие и этническая мобилизация / Михаил Губогло // Федерализм в России. Под ред. Рафаэля Хакимова. – Казань, 2001. – С. 172–186.

44. Джонсон Пол. Популярная история евреев / Пер. с англ. Зотов И. Л. – М.: Вече, 2000. – 672 с.

45. Дятлов В. И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России / Виктор Дятлов // Диаспоры. – 2004. – № 3. – С. 126–138.

46. Завалин В. Н. Государственная национальная политика Удмуртской Республики на современном этапе / В. Н. Завалин // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 8–13.

47. Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.): Монография / А. Е. Загребин. – Ижевск, 2006. – 324 с.: ил.

48. Зайцева Р. Н. Удмуртский язык – язык общения, воспитания, обучения и творчества / Р. Н. Зайцева // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. 25–28 октября 2005 г. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 105–112.

49. Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. / Асфандияров А. З., Абсалямов Ю. М., Роднов М. И. – Уфа: Китап, 2001. – 712 с.

50. Зарипов. Р. А. Национальная система образования в Республике Татарстан / Р. А. Зарипов // Национальная школа: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции. 26–28 октября 2000 года. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 3–14.

51. Зверева Т. Р. Удмуртские культурные сценарии: наглость – скромность / Т. Р. Зверева // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 80–81.

52. Зорин В. Заметки политолога / Владимир Зорин. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2006. – 48 с.

53. Зянкин Г. А. Факультативное изучение родного (удмуртского) языка в Светозаревской школе Слободского района Кировской области / Г. А. Зянкин // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. 25–28 октября 2005 г. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 138–141.

54. Иванов В. П. Факторы сохранения родного языка в поликультурном обществе / В. П. Иванов // Проблемы и перспективы функционирования родных

языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. 25–28 октября 2005 г. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 103–105.

55. Иванов В. П. Чувашская диаспора: расселение и численность. Этногеографический справочник / В. П. Иванов. – Чебоксары, 1999. – 316 с.

56. Иванова М. Г. Истоки удмуртского народа: Учебное пособие / М. Г. Иванова. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 192 с.

57. Иванова М. Г. Истоки удмуртского этногенеза / М. Г. Иванова // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. – С. 20–28.

58. Иванова М. Г. Удмурты в древнейшие времена / Маргарита Иванова // Удмурты. Сост. З. А. Богомолова. – М.: ГОЛОС–ПРЕСС, 2005. – С. 24–40.

59. Информационно-методический сборник Министерства национальной политики УР: Роль средств массовой информации в реализации государственной национальной политики. – Ижевск, 2002. – № 8.

60. Информационный бюллетень Администрации Татышлинского района Республики Башкортостан: Основные показатели деятельности учреждений образования Татышлинского района на начало 2002-2003 учебного года. – с. Верхние Татышлы, 2002. – № 2 (8).

61. Информационный бюллетень Администрации Татышлинского района Республики Башкортостан: Развитие государственности Башкортостана: состояние и перспективы. – с. Верхние Татышлы, 2002. – № 3 (9).

62. Исеева Р. Татарстанысь Кукмор еросысь удмуртъес / Р. Исеева // Инвожо. – 2004. – № 3–4.

63. Исхаков Д. Татарская диаспора и ее роль в федерализации России / Дамир Исхаков // Федерализм в России. Под ред. Рафаэля Хакимова. – Казань, 2001. – С. 258–264.

64. Ишмуратов Х. О реализации Концепции государственной национальной политики РФ в Республике Башкортостан / Халяф Ишмуратов // Ватандаш. – 2003. – № 8. – С. 3–9.

65. Кайсина А. Г. Слободские удмурты: история развития диаспоры и современное состояние / А. Г. Кайсина // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 259–261.

66. Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации / И. К. Калинин – М.: Наука, 2000. – 178 с.

67. Кандакова Е. Л. Проблемы преподавания удмуртского языка и литературы в условиях интенсивной русификации детей / Е. Л. Кандакова // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. 25–28 октября 2005 г. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 142–144.

68. Кельмаков В. К. Зарождение и развитие удмуртского языкознания / В. К. Кельмаков // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сборник статей / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002. – С. 17–53.

69. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

70. Кельмаков В. К. Происхождение и первые упоминания этнонима «ар» / В. К. Кельмаков // Этнонимы. – М., 1970. – С. 189–193.

71. Киекбаев М. Д. О государственных программах как форме проведения национальной политики (на примере Республики Башкортостан) / М. Д. Киекбаев // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ

гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 46–47.

72. Коростелев А. Д. Свои и чужие: когда «не работает» этническая идентичность / А. Д. Коростелев // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 47–48.

73. Косарева И. А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в.: Монография / И. А. Косарева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. – 228 с., карты.

74. Косач Г. Татары Оренбургской области: между диаспорой и автохтонностью / Григорий Косач // Диаспоры. – 2005. – № 2. – С. 96–130.

75. Космарская Н. Русскоязычные ближнего зарубежья: «диаспорный проект» против «автохтонного» / Наталья Космарская // Диаспоры. – 2004. – № 1. – С. 148–184.

76. Кулбахтин Н. Башкирские вожди Крестьянской войны 1773–1775 гг. / Назир Кулбахтин // Ватандаш. – 2004. – № 6. – С. 74–80.

77. Куликов К. И. Вашкалаысен – туннэозь / К. И. Куликов // Вордскем кыл. – 2000. – № 5. – С. 15–21.

78. Куликов К. И. Вениамин Пуцек-Григорович – первый просветитель удмуртов / К. И. Куликов // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сборник статей / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2002. – С. 54–73.

79. Куликов К. И. К вопросу о «старых» и «новых» диаспорах / К. И. Куликов // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 14–17.

80. Куликов К. И. Концепция монографического исследования «Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа» / К. И. Куликов, Г. А. Никитина // Информационно-методический сборник Министерства национальной политики УР. – Ижевск, 2003. – № 9. – С. 86–91.

81. Куликов К. И. Реабилитирован посмертно / К. И. Куликов // Вчера, сегодня, завтра Советской Удмуртии: Очерки / Сост. Ю. Ф. Кедров и Э. В. Волков. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – С. 132–141.

82. Куликов К. И. Удмуртия – субъект России (1990-е годы). Проблемы экономики, политики, национальных отношений: Учебное пособие / К. И. Куликов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. – 280 с.

83. Куликов К. И. Удмуртская нация: ее настоящее и будущее / К. И. Куликов // Вчера, сегодня, завтра Советской Удмуртии: Очерки / Сост. Ю. Ф. Кедров и Э. В. Волков. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – С. 397–409.

84. Куликов К. И. Этническое самосознание удмуртской интеллигенции как фактор развития ее политических взглядов и создания государственности в 1920-х гг. / К. И. Куликов // Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-камский регион начала XX в.: Сб. докл. / Под ред. С. Лаллукки, Т. Молотовой; отв. за вып. К. Куликов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. – С. 115–132.

85. Лаллука Сеппо. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов / Сеппо Лаллука. – Санкт-Петербург: «Европейский Дом», 1997. – 392 с.

86. Лаллука С. Диаспора. Теоретический и прикладной аспекты / С. Лаллука // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 91–98.

87. Лаллука С. Формирование национальных движений на окраинах империй. Вводные заметки / Сеппо Лаллука // Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-камский регион начала XX в.: Сб. докл. / Под

ред. С. Лаллукки, Т. Молотовой; отв. за вып. К. Куликов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. – С. 5–13.

88. Лебедева С. Х. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом / С. Х. Лебедева, М. Г. Атаманов // Проблемы этногенеза удмуртов. Сб. статей. – Устинов: Научно-исследовательский институт при Совмине УР, 1987. – С. 112–161.

89. Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) / З. И. Левин. – М., 2001.

90. Льюис Дэвид С. Национальная гордость и культурные ценности финно-угорских народов / Дэвид С. Льюис // Вестник Удмуртского университета. – 1997. – № 8. – С. 60–68.

91. Макаров Л. Взаимодействие русского и удмуртского народов в эпоху средневековья (по археологическим материалам) / Леонид Макаров // Удмурты. Сост. З. А. Богомолова. – М.: ГОЛОС–ПРЕСС, 2005. – С. 41–55.

92. Макаров Л. Д. Киров (Вятка). Возникновение и первоначальное развитие города / Л. Д. Макаров // Энциклопедия Земли Вятской. В 10 т. Т. 1. – Киров, 1994. – С. 10–34.

93. Макаров Л. Д. Славяно-русское заселение бассейна р. Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII–XVI вв. / Л. Д. Макаров // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.) Сборник статей, отв. редактор Л. А. Наговицин. – Ижевск, 1995. – С. 80–107.

94. Манакова Т. В. Этноконфессиональные особенности как социокультурный фактор формирования толерантности в межэтнических коммуникациях / Т. В. Манакова // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 48.

95. Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. – 336 с., ил.

96. Меншарапов Ш. М. От «Воцкого училища» до современной национальной школы... / Ш. М. Меншарапов, А. В. Черных // Жизнь национальностей. – 2001. – № 4. – С. 31–32.

97. Милитарев А. Ю. Идентичность и судьбы еврейской диаспоры в России / Александр Милитарев // Диаспоры. – 2005. – № 3. – С. 124–138.

98. Милитарев А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) / Александр Милитарев // Диаспоры. – 2005. – № 3. – С. 8–17.

99. Миниахметов А. Н. О газете удмуртов Башкортостана «Ошмес» / А. Н. Миниахметов // Информационно-методический сборник Министерства национальной политики УР. – Ижевск. – 2002. – № 7. – С. 65–68.

100. Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов: Монография / Т. Г. Миннихметова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. – 168 с.

101. Миннихметова Т. Удмурты / Татьяна Миннихметова, Людмила Христолюбова // Ватандаш. – 1999. – № 12 – С. 119–130.

102. Мосейкина М. Н. Российская диаспора в XIX–XX вв.: выживание или исчезновение / М. Н. Мосейкина, Г. В. Мелихов // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 208–213.

103. Мусина Р. Н. Воспроизводство этнических групп населения в республиках Татарстан и Башкортостан / Р. Н. Мусина, Э. Р. Салихова // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 49–50.

104. Нам И. Национально-культурная автономия в России: исторический опыт и современные проблемы / Ираида Нам // Федерализм в России. Под ред. Рафаэля Хакимова. – Казань, 2001. – С. 195–206.

105. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. В 4 т. Т. 1 / Авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа: Китап, 2002. – 608 с.

106. Неганов С. В. Новые концептуальные подходы к реализации государственной национальной политики в Пермской области / С. В. Неганов // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 31–35.

107. Никитина В. В. К вопросу о сохранении этнической самобытности удмуртов в эпоху глобализации / В. В. Никитина // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 50–51.

108. Никитина Г. А. Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861 – 1900 гг.). Монография / Г. А. Никитина. – Ижевск: УИИЯЛ УрОРАН, 1993. – 160 с.

109. Никитина Г. А. Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа / Г. А. Никитина // Информационно-методический сборник Министерства национальной политики УР. – Ижевск. – 2002. – № 7. – С. 8–32.

110. Никитина Г. А. Удмурты за пределами Удмуртии: ресурсы выживания в условиях постсоветских трансформаций / Г. А. Никитина // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 38–43.

111. Никитина Г. А. Этническая идентичность и традиционная культура в диаспорных группах удмуртов / Г. А. Никитина // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 144.

112. Ноздрачев В. В. Межрегиональное сотрудничество и диаспоры / В. В. Ноздрачев // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 35–38.

113. Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Монография / И. М. Нуриева – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. – 272 с.: ил.

114. Об этнической психологии удмуртов. Сборник статей / Составитель и ответственный редактор Г. К. Шкляев. – Ижевск, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – 143 с.

115. Очерки истории Удмуртии XIX века: Сборник статей / Отв. ред. Н. П. Лигенко. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1996. – 292 с.

116. Павлов Н. П. Всероссийские съезды удмуртов / Н. П. Павлов // Вчера, сегодня, завтра Советской Удмуртии: Очерки / Сост. Ю. Ф. Кедров и Э. В. Волков. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – С. 65–81.

117. Павлов Н. П. Путь к равноправию / Н. П. Павлов // Вчера, сегодня, завтра Советской Удмуртии: Очерки / Сост. Ю. Ф. Кедров и Э. В. Волков. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – С. 82–88.

118. Павлов Н. П. Самоопределение, автономия: идеи, реалии / Н. П. Павлов. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 224 с.

119. Перепелкин Л. С. Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика / Л. С. Перепелкин, В. Г. Стельмах // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 107–121.

120. Петров А. Н. Удмуртский этнос: проблемы метальности. – Ижевск: Удмуртия, 2002. – 144 с.

121. Писатели и литературоведы Удмуртии: Библиографический справочник / Сост. А. Н. Уваров. – Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2006. – Изд. 2-е, расшир. и доп. – 220 с.

122. Поздеев И. Л. Об этнической социализации удмуртов в Марий Эл / И. Л. Поздеев // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 221–226.

123. Поздеев И. Л. Современные адаптационные стратегии сельского населения Удмуртии / И. Л. Поздеев // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 52–53.

124. Пономарев К. А. К вопросу о самоопределении удмуртского народа / К. А. Пономарев // Мултанское дело: история и современный взгляд: Материалы научно-практической конференции. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2000. – С. 47–48.

125. Попков В. Д. Феномен этнических диаспор / В. Д. Попков. – Москва: ИС РАН, 2003. – 340 с.

126. Пушкарева Т. А. Удмурты Башкортостана / Т. А. Пушкарева // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 43–45.

127. Рева А. В. Слободской / А. В. Рева // Энциклопедия Земли Вятской. В 10 т. Т. 1. – Киров, 1994. – С. 109–133.

128. Рекламно-информационный буклет Куединского района Пермской области. – Куеда, 2002.

129. Розенберг Н. Традиционная культура финно-угров Поволжья и Пируралья в условиях глобализации / Наталья Розенберг // Глобализация и локальная культура. Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Г. И. Зверева. – М.: РГГУ, 2002. – С. 146–154.

130. Садиков Р. Р. Из истории формирования закамской группы удмуртов / Р. Р. Садиков // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 114–119.

131. Садиков Р. Р. Кисса гурт: вашкала но туалла (гурт калыклэн историез но этнографиез) / Р. Р. Садиков. – Уфа, 2006. – 116 с.

132. Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты) / Р. Р. Садиков. – Уфа: Гилем, 2001. – 181 с.

133. Садиков Р. Религия закамских удмуртов (история, современность, перспективы) / Ранус Садиков // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология. Литературоведение. Археология, антропология, этническая история: III часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 92–93.

134. Сайтов Ю. С. О работе Республиканского национально-культурного центра удмуртов Башкортостана / Ю. С. Сайтов // Информационно-методический сборник Министерства национальной политики УР. – Ижевск. – 2002. – № 7. – С. 68–71.

135. Сануков К. Государственно-политическое устройство и его влияние на этническое развитие финно-угорских народов России / Ксенофонт Сануков // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология. Литературоведение. Археология, антропология,

этническая история: III часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 256–258.

136. Сатаев Ш. Фермерство в Башкортостане / Шамиль Сатаев // Ватандаш. – 2004. – № 11. – С. 32–36.

137. Сафран Уильям. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Козна «Мировые диаспоры» / Уильям Сафран // Диаспоры. – 2004. – № 4. – С. 138–162; – 2005. – № 1. – С. 98–122.

138. Сборник материалов об этнической ситуации в Республике Марий Эл и социально-культурном положении марийского народа. – Йошкар-Ола: Информационно-аналитическое управление Администрации Президента Республики Марий Эл, 2005.

139. Семенов И. Н. Реализация концепции государственной национальной политики в Удмуртской Республике / И. Н. Семенов // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. 25–28 октября 2005 г. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 4–9.

140. Семенов Ю. И. Этнос, нация, диаспора / Ю. И. Семенов // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 64–74.

141. Сергеева С. В. Этносоциальные процессы Западно-Уральского региона на современном этапе / С. В. Сергеева – Администрация Пермской области, 2000. – 157 с.

142. Сибатрова С. С. О языковой ситуации и функционировании марийского языка в Республике Марий Эл / С. С. Сибатрова // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. 25–28 октября 2005 г. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 36–43.

143. Слюсарянский М. А. Проблемы национальных отношений в условиях перехода к рынку / М. А. Слюсарянский [и др.] // Этнические проблемы регионов России: Пермская область. – М.: Старый сад, 1998. – С. 131–173.

144. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 480 с.

145. Тавадов Г. Т. Этнология: Словарь-справочник / Г. Т. Тавадов – М.: Соц.-полит. журн., 1998. – 688 с.

146. Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1998. – 703 с., илл.

147. Татары. – М.: Наука, 2001. – 583 с.

148. Татышлинскому району – 65 лет. – Уфа: Издательство «Ади-Пресс», 2000.

149. Татышлинскому району – 70 лет. – Уфа: Издательство «Ади-Пресс», 2005.

150. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 1. – С. 43–63.

151. Тишков В. А. От «дружбы народов» к дружному народу / В. А. Тишков // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 5–11.

152. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. – 528 с.

153. Тишков В. А., Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

154. Тощенко Ж. Диаспора как объект социологического исследования / Ж. Тощенко, Т. Чаптыкова // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 33–42.

155. Тубылов В. К. Этноязыковая политика на региональном уровне / В. К. Тубылов // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. 25–28 октября 2005 г. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 15–19.

156. Турекская сторона / Автор-сост. – канд. ист. наук Р. А. Бушков. – Казань: ЦОП АБАК, 2000. – 180 с.

157. Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск: Издательство «Удмуртия», 2004. – 800 с.: ил.

158. Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. – 392 с.

159. Унинский район: история и современность (70-летию образования района посвящается). – Киров, 1999. – 72 с.

160. Фадеичева М. А. Диаспора и состояние этнического индивида / Марианна Фадеичева // Диаспоры. – 2004. – № 2. – С. 140–154.

161. Феномен Удмуртии. В 9 т. Т. 1. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века / Губогло М. Н., Смирнова С. К. [и др.] – М., 2001. – 496 с.

162. Феномен Удмуртии. В 9 т. Т. 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований / Губогло М. Н., Смирнова С. К. [и др.] – М.–Ижевск, 2006. – 720 с.

163. Фокин А. В. Концептуальные основы национальной политики Республики Татарстан / А. В. Фокин // Информационно-методический сборник Министерства национальной политики УР. – Ижевск. – 2002. – № 7. – С. 37–43.

164. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание и его роль в развитии индивидуальности человека: Учеб пособ. / В. Ю. Хотинец. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. – 76 с.

165. Христолюбова Л. С. Просветительная и этноконсолидирующая роль первых удмуртских газет и культурно-просветительных обществ в первой четверти XX в. / Л. С. Христолюбова // Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-камский регион начала XX в.: Сб. докл. / Под ред. С. Лаллукки, Т. Молотовой; отв. за вып. К. Куликов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. – С. 43–54.

166. Христолюбова Л. С. Удмуртская диаспора в отражении удмуртской прессы в конце XX в. / Л. С. Христолюбова // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 215–220.

167. Христолюбова Л. С. Удмурты Башкортостана (история, культура, современность) / Л. С. Христолюбова, Т. Г. Миннихметова. – Уфа, 1994. – 55 с.

168. Христолюбова Л. С. Удмурты Татарстана / Л. С. Христолюбова // Татарстан. – 1992. – № 9–10. – С. 45–53.

169. Христолюбова Л. С. Ученые – удмурты: Библиографический справочник / Л. С. Христолюбова. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 860 с.

170. Чагин Г. Н. Народы Прикамья: очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. / Г. Н. Чагин, А. В. Черных. – Пермь: Администрация Пермской области, 2002. – 304 с.

171. Чагин Г. Н. Русские на Урале: формирование и взаимодействие с другими этносами в XVI–XIX вв. / Г. Н. Чагин // Финно-угроведение. – 2001. – № 1.

172. Чагин Г. Н. Чувство родины, личностная и социальная идентичность удмуртов Пермского Прикамья / Г. Н. Чагин // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 53–59.

173. Черных А. В. Основные составляющие этнического самосознания куединских удмуртов в конце XIX–XX вв. / А. В. Черных // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 207–212.

174. Черных А. В. Удмурты Куединского района: история и культура / А. В. Черных. – Пермь–Куеда, 2002. – 70 с.

175. Черных А. В. Этнический состав населения и особенности расселения в Южном Прикамье в XVI – первой четверти XX вв. / А. В. Черных // Этнические проблемы регионов России: Пермская область. – М.: Старый сад, 1998. – С. 39–113.

176. Черных А. В. Этнокультурный компонент в системе образования / А. В. Черных // Проблемы и перспективы функционирования родных языков. К 85-летию государственности Удмуртской Республики: материалы Международной научно-практической конференции. 25–28 октября 2005 г. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 144–148.

177. Членов М. Еврейство в системе цивилизаций / Михаил Членов // Диаспоры. – 2005. – № 3. – С. 18–39.

178. Что значит быть армянином? Дискуссия в журнале «Арагат» // Диаспоры. – 2005. – № 3. – С. 72–97.

179. Чураков В. С. О значении этнонима *ар* / В. С. Чураков // Вордскем кыл. – 2000. – № 5. – С. 55–61.

180. Шакиров Р. И. Из опыта работы культурно-просветительных и спортивно-оздоровительных учреждений Балтасинского района по возрождению и сохранению традиций, культуры и быта удмуртского народа / Р. И. Шакиров // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 267–269.

181. Ширяева Г. С. Государственная национальная политика в Республике Марий Эл на современном этапе: подходы и опыт / Г. С. Ширяева // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. – С. 26–31.

182. Шкляев А. Г. История удмуртской национальной периодики по данным критики и публицистики / А. Г. Шкляев // Журналистика Удмуртии: история и современность. К 100-летию удмуртской национальной периодической печати / Отв. ред. А. А. Вахрушев // Ижевск: УдГУ, 2006. – С. 54–65.

183. Шкляев Г. К. Еще раз о некоторых тенденциях развития этнического самосознания удмуртов / Г. К. Шкляев // Об этнической психологии удмуртов. Сборник статей / Составитель и ответственный редактор Г. К. Шкляев. – Ижевск, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – С. 131–140.

184. Шкляев Г. К. Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа. Монография / Г. К. Шкляев. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – 213 с.

185. Шкляев Г. К. Расселение и этнодемографические характеристики / Г. К. Шкляев // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО

РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. – С. 53–67.

186. Шкляев Г. К. Удмурты после Октябрьской революции / Г. К. Шкляев // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. – С. 41–53.

187. Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования / Н. И. Шутова – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. – 304 с.: ил.

188. Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников: Монография / Н. И. Шутова – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. – 264 с.: ил.

189. Этнические проблемы регионов России: Пермская область. – М.: Старый сад, 1998. – 458 с.

190. Юлдашбаев Б. Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика / Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1995. – 105 с.

191. Armstrong J. 1976: Mobilized and Proletarian Diasporas / John Armstrong // The American Political Science Review. – 1976 (June). – Vol. 70. № 2. – P. 393–403.

192. Ashkenasi A. Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttauschung in der Diaspora / A. Ashkenasi // M. Dabag und K. Platt (Hg.): Identität in der Fremde. – Bochum, 1993. – S. 106–116.

193. Brah A. Cartographies of Diaspora: Contesting identities / A. Brah. – London and New York, 1996.

194. Cohen R. Global Diasporas: An Introduction / R. Cohen. – London: University College of London (UCL) Press, 1997.

195. Conner W. The impact of homelands upon diasporas / W. Conner // *Modern Diasporas in International Politics* / Ed. G. Sheffer. – London: Groom Helm, 1986. – P. 16–45.

196. Dabag M., Platt K. Diasporas und kollektive Gedachtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora / M. Dabag, K. Platt // M. Dabag und K. Platt (Hg.): *Identität in der Fremde*. – Bochum, 1993. S. 117–145.

197. Hettlage R. Diaspora: Umriss zu einer soziologischen Theorie / R. Hettlage // M. Dabag und K. Platt (Hg.): *Identität in der Fremde*. – Bochum: Univesitatsverlag, 1993. – S. 75–105.

198. Safran W. 1991, *Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return* / W. Safran // *Diaspora*. – 1991. – Vol. 1. N 1. – P. 83–99.

199. Shain Y. Democrats and Secessionists: US Diasporas as Regime Destabilizers / Y. Shain // *International Migration and Security* / Ed. by Miron Weiner. – Boulder, San Francisco, Oxford, 1993. – P. 287–322.

200. Sheffer G. Ethnic Diasporas: A Threat to Their Hosts? / G. Sheffer // *International Migration and Security* / Ed. by Miron Weiner. – Boulder, San Francisco, Oxford, 1993. – P. 263–286.

201. Tololyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment / K. Tololyan // *Diaspora*. – 1996. – Vol. 5. N 1. – P. 3–35.